

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT

№4

Scientific quarterly

“Civil Science”:
industry, projects, research teams

Moscow 2022

ISSN 2542-2030

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ

№4

Ежеквартальный научный журнал

«Гражданская наука»:
индустрия, проекты, коллективы

Москва 2022

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, *д-р ист. наук, проф. (председатель)*

Н.И. Архипова, *д-р экон. наук, проф.*,

Л.Н. Вдовиченко, *д-р социол. наук, проф.*, В.Д. Губин, *д-р филос. наук, проф.*,
доктор Гудрун Ершов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия),

Г.Г. Ершова, *д-р ист. наук, В.И. Заботкина, д-р филол. наук, проф.*,

Г.И. Зверева, *д-р ист. наук, проф.*, В.А. Колотаев, *д-р филол. наук, проф.*,

Н.Л. Лепе, *канд. физ.-мат. наук, доц.*, А.П. Логунов, *д-р ист. наук, проф.*,
С.Ю. Неклюдов, *д-р филол. наук, проф.*, О.В. Павленко, *канд. ист. наук, доц.*,

Н.В. Ростиславлева, *д-р ист. наук, проф.*, И.С. Смирнов, *канд. филол. наук*,
А.А. Столяров, *канд. ист. наук, доц.*, П.П. Шкаренков, *д-р ист. наук, проф.*

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, *гл. ред., д-р ист. наук, доц.*,

И.П. Азерникова, *канд. ист. наук, доц.*, П.А. Алипов, *канд. ист. наук, доц.*,

Ю.Г. Бит-Юнан, *д-р филол. наук, доц.*, Н.А. Комочев, *канд. ист. наук, доц.*,

Е.А. Косован, *канд. ист. наук, доц.*, И.С. Курилович, *канд. филос. наук, с.н.с.*,

С.С. Новосельский, *канд. ист. наук*, Е.П. Охапкина,

Н.В. Петров, *канд. филол. наук, доц.*, Н.А. Филин, *д-р ист. наук, доц.*

Ответственный за выпуск

Е.А. Долгова, *д-р ист. наук, доц.*

Содержание

<i>Е.А. Долгова</i>	
Предисловие	9
 Социальные проекты советской науки	
<i>А.В. Сливенко</i>	
Дома-коммуны: социальные проекты советских архитекторов	11
<i>В.В. Слискова</i>	
«Во имя Христа и ради прогресса медицины»: письма в Институт экспериментальной биологии (1920-е гг.) ...	21
<i>В.О. Неруш</i>	
«Я б в охотоведы пошел, пусть меня научат!»: академическое движение и трудоустройство студентов Института народов Севера в 1930-е гг.	35
<i>К.С. Шевякова</i>	
История нефтеразведки и нефтедобычи во второй половине 1940-х гг.: борьба за нефтяной рынок Венесуэлы	46
 История для общества и государства	
<i>Д.А. Бакланов</i>	
Научная и экспертно-аналитическая деятельность Ричарда Пайпса (1970–1980 гг.): история на службе идеологии	52
<i>В.Д. Евплов</i>	
«О Евгении Моисеевне Тальман не могу не сказать особо...»: вклад Е.М. Тальман в развитие археографии	65
<i>Т.К. Холматов</i>	
Коллективные проекты создания исторического атласа СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг.	74

Молодые исследователи:
трудности и перспективы вхождения в профессию

А.А. Королева

«Барышня-профессор»:
казанский период жизни М.В. Нечкиной 83

В.М. Рыбак

Гендер и повседневность
в математических школах позднего СССР 97

Кафедра

Е.А. Долгова

Базы данных по истории и социологии
советского научного сообщества:
опыт применения в учебном процессе РГГУ 112

Abstracts 120

Сведения об авторах 125

Contents

Evgeniya A. Dolgova

Foreword 9

Soviet Science: industry and social projects

Anastasiya V. Slivenko

House-commune: social projects of Soviet architects 11

Valeriya V. Sliskova

“In the name of Christ and for the progress of medicine”:
letters to the Institute of Experimental Biology (1920s) 21

Varvara O. Nerush

“I would be a hunting expert as long as you teach me!”:
academic performance and employment of students
of the Institute of the Peoples of the North in the 1930s 35

Kseniya S. Shevyakova

History of oil exploration and oil production in the second half
of the 1940s: the struggle for oil market in Venezuela 46

History for Society and State

Daniil A. Baklanov

Scholarly and expert-analytical activity
of Richard Pipes (1970–1980): history in the service of ideology 52

Vyacheslav D. Evplov

“About Evgeniya Moiseevna Talman I can’t help but say a lot...”:
E.M. Talman’s contribution to the development
of the archaeography 65

Temurmaliq K. Kholmatov

Collective projects of historical atlas of the Soviet Union
in the late 1930s – early 1940s 74

Young researchers: difficulties and prospects
of this early stage of academic career

Anastasiya A. Koroleva

“Mademoiselle-Professor”:
the Kazan period of Militsa V. Nechkina’s life 83

Valeriya M. Rybak

Gender and everyday life in mathematical schools
of the late Soviet Union 97

Department

Evgeniya A. Dolgova

Databases on the history and sociology
of the Soviet scientific community:
its use in the educational process of RSUH 112

Abstracts 120

Data about the authors 126

Предисловие

В центре нового номера электронного студенческого и аспирантского научного журнала «Гуманитарный акцент» – концепт «гражданской науки»: история разворачивания и функционирования ее индустрии, опыта реализации крупномасштабных и порой самых неожиданных проектов, организации и структуры исследовательских коллективов, специфики работы отдельных исследователей внутри них.

Заявленная тематика вписывается в рамки остроактуального в историографии последних лет изучения науки XX в. с точки зрения так называемого мобилизационного подхода. Исследователи солидарны в том, что в новейшей истории к науке как социальному институту был сформулирован особый политический и общественный запрос – от нее ждали содействия в решении конкретных проблем, прикладного характера исследований, популяризации научных результатов. Изменился и характер исследований – из частных кабинетов она переместилась в исследовательские комплексы, исследования приобрели коллективный и планируемый характер. Учреждение крупных исследовательских комплексов было обусловлено «духом эпохи»: создание нового общества напрямую ассоциировалось с развитием науки.

В работах молодых исследователей, объединенных в тематическом номере, указанная проблематика раскрывается рельефно и многогранно. Авторы внимательны как к «большим» измерениям «гражданской науки», так и к частным судьбам ее участников. В рубрике «Социальные проекты советской науки» предложен веер инициатив: от самых фундаментальных и остронасуущих (проектирование советского жилища – текст А.В. Сливенко) до почти нереалистичных (футурологические идеи создания «нового человека» и практики усовершенствования «старого» – статья В.В. Сливковой). Одним из ярких проектов эпохи стал Институт народов Севера в Ленинграде – научно-образовательный центр, центральной задачей которого было формирование научно-педагогических кадров для коренных малочисленных народов Севера (текст В.О. Неруш). Важен и сюжет

участия профессиональных ученых в процессе принятия политических и даже геополитических решений. Порой на них возлагались самые неожиданные практические задачи – например, ученый-нефтяник Ф.А. Требин в середине 1940-х гг. выполнял функции Чрезвычайного и Полномочного посла в Венесуэле (текст К.С. Шевяковой). В Соединенных штатах Америки историк Ричард Пайпс возглавлял знаменитую «Команду Б» при Центральном разведывательном управлении (статья Д.А. Бакланова). Разумеется, подобные траектории были единичными, однако их описание вносит вклад в изучение трансформации социальной функции науки и социального запроса к профессии ученого в ХХ в.

Случай Ричарда Пайпса, описанный в статье Д.А. Бакланова, находится на границе двух рубрик, но тематически отнесен к слоту «История для общества и политики». Две другие статьи данной рубрики отражают трудности адаптации исторических дисциплин к запросам «гражданской науки». В центре текста В.Д. Евплова – уютный мир доцента кафедры теории и практики архивного дела и археографии Московского государственного Историко-архивного института с 1947 по 1969 г. Е.М. Тальман. Тщательно выписанный текст Т.К. Холматова посвящен социально ориентированным практикам историописания – коллективным проектам создания исторического атласа СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг., трудностям организации и реализации коллективной формы научной деятельности для группы историков.

Наконец, в отдельную рубрику выделены тексты, посвященные сложному и противоречивому опыту вхождения в профессию молодых исследователей (в данном случае – исследовательниц), рассматриваемые на фактах биографии «барышни-профессора» М.В. Нечкиной (текст А.А. Королевой); на материалах тщательно проработанных глубинных интервью учениц советских матшкол в позднем СССР (статья В.М. Рыбак).

Дополняет тексты молодых исследователей обзор учебно-методического характера, опубликованный в рубрике «Кафедра». Доцентом Е.А. Долговой характеризуется практика создания в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)» баз данных по истории и социологии советского научного сообщества; опыт их использования в методическом обеспечении изучаемых в РГГУ учебных дисциплин.

Избранный фокус рассмотрения проблематики открывает выход из узкого дисциплинарного пространства истории науки как истории идей и изобретений в сферу ее «гражданской» ответственности, тесно связанной с задачами и запросами социального, экономического и политического характера.

Социальные проекты советской науки

УДК 725.03

ББК 85.113

А.В. Сливенко

Дома-коммуны: социальные проекты советских архитекторов

В рамках исследования на основе периодической печати и законодательных актов рассматривается жилищная политика СССР 1920-х годов. Акцентируется внимание на новых условиях и обликах домов-коммун для советских граждан. Кроме того, прослеживаются попытки архитекторов, использовавших теоретические концепты и архитектурное проектирование, содействовать воплощению нового социального проекта, в котором советское жилье становилось аккумулятивным источником новой социально-общественной жизни. Представленные проекты свидетельствовали о существовании вариативных подходов и методов архитектурного проектирования.

Ключевые слова: архитектура XX в., советская архитектура, градостроительные проекты, конструктивизм, дома-коммуны

Советская градостроительная политика 1920-х гг. была направлена не только на улучшение стратегических секторов промышленного, транспортного и энергетического хозяйства, но и на социально-культурную переориентацию общества [Хигер 1928, с. 92]. Создавались новые обслуживающие предприятия, в которых проводилась политвоспитательная и культурно-массовая работа. Проектировались и строились объекты социально-бытового назначения, такие как прачечные, бани, столовые, фабрики-кухни, с целью освобождения человека от домашних обязательств для увеличения производительности труда [Сабсович 1930, с. 12]. Однако главным источником перелома традиционного уклада жизни, вокруг которого проистекало течение общественно-трудовой деятельности, являлось советское жилье.

В историографическом пространстве актуальность изучения жилищной политики 1920–1930-х гг. обуславливается наличием идеологических, политических, культурно-социальных факторов, с помощью которых конструировалась социальная реальность, предполагавшая внедрение новых ценностных ориентиров в обществе. В частности, обращение к проблеме строительства жилищного и социально-общественного пространства города способствует открытию «завесы» процесса «советизации общества». Исследователи В.Э. Хазанова, Ж.А. Хамитова, Е.В. Барышева [Хазанова 1980; Хамитова 2013; Барышева 2015], применяя социокультурный подход, рассматривают формирование детских, городских и личных площадок жизнедеятельности в градостроительстве в контексте идеологического перевоспитания советских граждан. М.Г. Меерович [Меерович 2014; Меерович 2004], перемещая акцент с воспитательных атрибутов, фокусировался на проведении жилищной политики как меры регулирования миграционных потоков и как меры дисциплинарного контроля. Важны также узкоспециализированные исследования по гражданскому строительству [Эдельман 2001; Близнакова 2001, Меерович 2017]. В целом историко-архитектурные исследования освещают проблемы жилищной политики, а также методы и меры реализации в обеспечении населения жильем фондом. Однако работы не охватывают комплексного изучения творческого процесса советских зодчих в теоретизировании, проектировании и реализации жилых сооружений в контексте коммуникации с государственным аппаратом.

Генеральная линия советского руководящего звена в области жилищной политики заключалась в следующих задачах: 1) интенсификация и удешевление строительства в связи с острым жилищным кризисом¹; 2) внедрение методов рационализации в градостроительной индустрии посредством стандартизации и типизации в проектировании²; 3) улучшение условий советского быта, способствующее внедрению новой социально-общественной системы отношений.

Требования, в которых регламентировались условия для дальнейшего проектирования, устанавливали количественные показатели кубатуры жилья, количества жителей, вместимости помещений, а

---

¹ О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства: Постановление XV съезда ВКП(б) 2–19 декабря 1927 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 274–293; О жилищной политике: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 4 янв. 1928 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. М., 1992–2021. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 10.05.2022).

² Сталин И.В. Речь на 5 Всесоюзной конференции ВЛКСМ 29 марта 1927 г. М., 1927. С. 12–13; О снижении стоимости строительства: постановление СТО СССР от 23 мар. 1928 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. М., 1992–2021. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 10.05.2022).

также фиксировали предназначение коммунальных помещений³. Однако не были установлены образы будущих социалистических «жилых комбинатов» и локализация в контексте функциональной логики между предприятиями общественного значения.

Архитекторы, имея единственного и непосредственного заказчика в лице государства, аккумулировали архитектурные идеи в соответствии с правительственными директивами. Кроме разработки способов и методов в проектировании для массового строительства, велись дискуссии о роли и месте жилищных объектов в процессе «советизации общества».

Согласно концепциям советских зодчих [Милютин 1930, с. 86; Семенов 1975а, с. 230], жилой дом не рассматривался как единичный объект, обособленный от общей планировки города со своей микросистемой, а являлся составной частью квартального ансамбля, включающей в себя культурно-бытовое обслуживание. Ступенчатая градация от малой единицы (жилой дом, улица, магистраль), переходящая к более крупной – город, предполагала подчинение единой архитектурной композиции. Таким образом, советское жилье становилось имманентным элементом в планировании городского пространства, где инкорпорировалось в общий план градостроительства.

Советские зодчие, руководствуясь унитарным принципом в проектировании, обрисовывали устройство города посредством применения коннотационных дефиниций. Термин «организм» использовал архитектор М.Я. Гинзбург для описания движущей силы функционирования производственно-бытовых процессов, где не только удовлетворялись примитивные потребности населения, но и на этой базе строился новый социально осознанный организм, в котором части подчинены целому [Гинзбург 1926, с. 304]. Слово «органичность» чаще применялось для демонстрации системы городской планировки. А.В. Щусев предполагал, что принципы планирования района должны были быть увязаны с функциональными, промышленными, санитарно-гигиеническими факторами, с помощью которых обеспечивалось бы обслуживание социально-бытовых потребностей населения [Щусев 1934, с. 176]. В.Н. Семенов, раскрывая содержание «органичности», увязывал архитектуру с предоставлением технических удобств (детские площадки, места для отдыха), способствующих повышению уровня жизни трудящихся [Семенов 1975b, с. 235]. «Ансамблевость» являлась основополагающим приемом в художественном

---

³ Вендеров Б. Второй конкурс Московского Совета Р.К. и К.Д. на проект Дома-Коммуны // Строительство Москвы. 1926. № 6. С. 1–8; Товарищеское соревнование ОСА на эскизный проект жилого дома трудящихся // Современная архитектура. 1926. № 4. С. 88; Социалистическое соревнование ОСА на жилье // Там же. 1929. № 4. С. 121.

оформлении архитектурной композиции. Согласно утверждению Л.А. Ильина, «ансамбли архитектуры могут и должны включаться в целые строительные системы и группы их... ансамбль может быть воспринят по частям и все же запечатлеться в памяти как сумма целостных и связанных между собой объектов» [Ильин 1935, с. 289]. Система ансамблей, представленная в архитектурном оформлении города, координировала передвижения масс в соответствии с узловыми назначениями (районные центры, площади, перекрестки). Таким образом, архитекторы, определив общее положение жилого дома в системе городского планирования, акцентировали внимание на объектах «социалистического переустройства».

Теоретическим базисом конструирования нового жилищного «организма» в проектировании стала деконструкция семьи, имплицитно включавшая освобождение женщин от тягот домашних обязанностей [Кузьмин 1928, с. 83], задачи развития трудовых и коллективных качеств у детей [Барщ 1930, с. 34], а также приоритет общественного пространства над личным [Сабсович 1930, с. 12]. Информационной платформой для распространения и популяризации идей архитекторов, в которой отображалась вариативность подходов проектирования социалистических комбинатов, являлись такие журналы, как «Современная архитектура», «Советская архитектура», «Строительство Москвы», «Архитектура СССР».

В рамках дискуссий одной из центральных тем были дома-коммуны, в которых воплощались идеалы советского общества. В данном типе жилища предполагалась минимальная площадь индивидуального пользования. При этом увеличивалось коммунальное пространство, где члены коммуны учились бы жить коллективно, а пожилые члены коммуны находились на иждивении коллектива. Образы «нового дома эпохи» был предложен архитекторами В.М. Маятом (рис. 1), И.Н. Соболевым (рис. 2), Г. Вегманом (рис. 3), В. Владимировым (рис. 4), А.Л. Пастернаком (рис. 5).

Рис. 1. Архитектор В.М. Маят. Фасад Дома-Коммуны. Первая премия

В замысле В.М. Маята (рис. 1) [Вендеров 1926, с. 3] предполагалось обособление холостых помещений от семейных в непосредственной близости к площади общего пользования (столовая, клуб, читальня). Кроме того, «семейные комнаты» располагались между коммунальными и детскими учреждениями, которые, в свою очередь, были удалены от улицы и максимально изолированы. Индивидуализировались умывальные и уборные. Более масштабный проект был предложен И.Н. Соболевым (рис. 2) [Соболев 1927, с. 142–143]. Основным лейтмотив заключался в идее проектирования целого жилого квартала. Дома представляли собой ряд отдельных корпусов, соединенных внутренними переходами, которые давали жителям возможность перемещаться не выходя из помещения, а также оптимизировали доступность общественных помещений. Столовая, клуб, ясли, магазины предполагались в размещении проекта. В центре композиции находились сад, стадион и спортивная площадка. Индивидуальные помещения были рассчитаны от 1 до 6 членов семьи.

Архитектором Г. Вегманом был представлен проект рабочего жилища для малосемейных (рис. 3), в котором жилая ячейка должна была обслуживать только одну семью [Вегман 1927, с. 132]. На верхнем этаже корпуса предполагалось размещение мест общего пользования, таких как: 1) прием и выдача белья; 2) кладовая; 3) кухня; 4) столо-

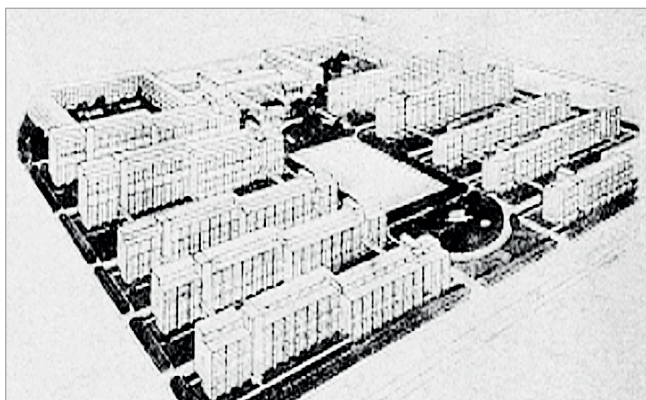
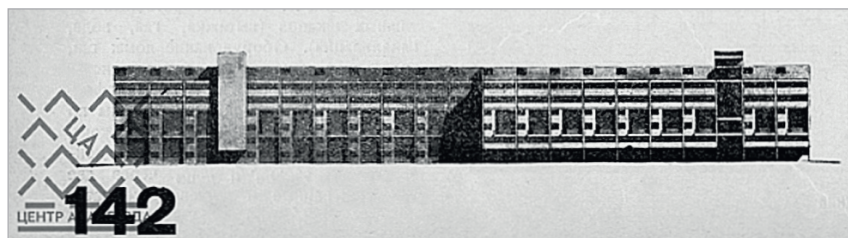

Рис. 2

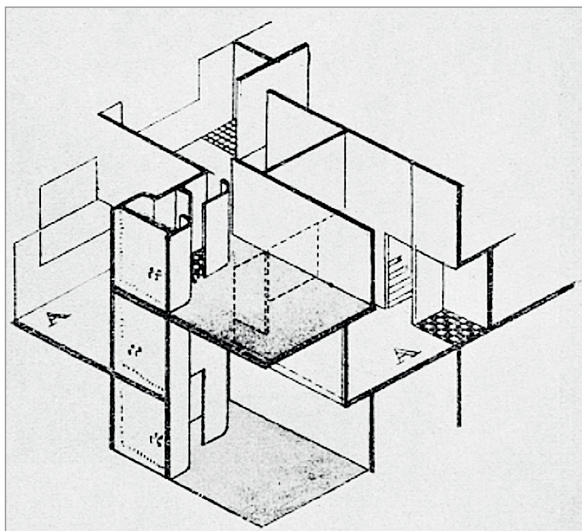
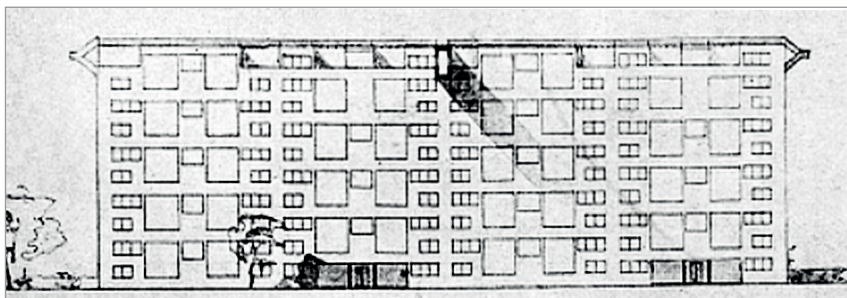

Рис. 3

вая (общая); 5) комнаты – гостиные, читальня, рабочие и общая комната – зал. Градостроитель В. Владимиров ставил задачу спроектировать экономичную жилую ячейку так, чтобы при любом генеральном плане дать коммунальное жилье с помощью добавления к нему новых помещений (клуб, ясли, столовая). По его замыслу (рис. 4) [Владимиров 1927, с. 134–135], экономичность ячейки достигалась с помощью двухъярусной квартиры, которая состояла из большой комнаты в два этажа и двух малых спален, располагавшиеся друг над дружкой. Непосредственно весь жилой комплекс жилых помещений прикреплялся к вертикали лестниц. В следующей проектной концепции А.Л. Пастернака (рис. 5) дом предполагался как переходная функция: от индивидуально-семейной жизни к коллективно-общественной [Пастернак 1927, с. 140–141]. Согласно программе секционного дома, на первом этаже располагались коммунальные помещения (столовая, кухня, клуб, читальня, детский сад и ясли, магазины первой необхо-

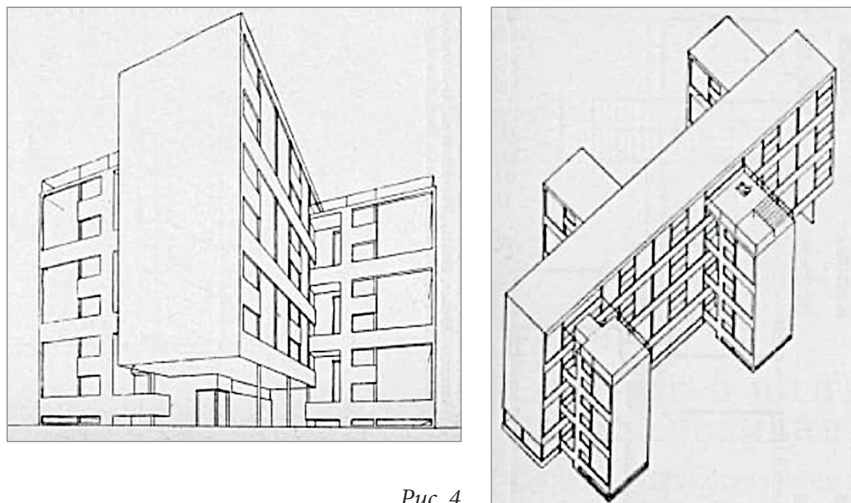

Рис. 4

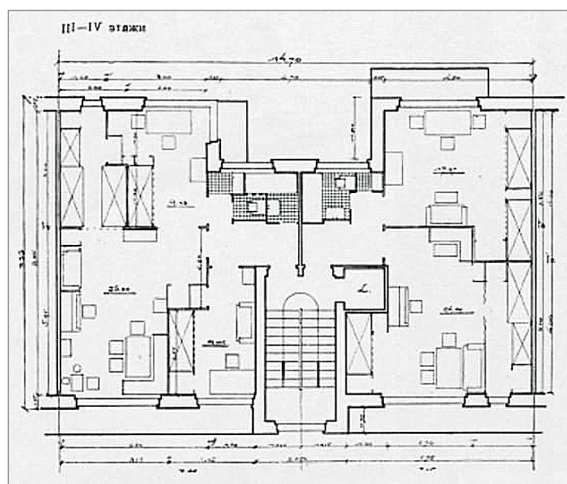

Рис. 5

димости). Второй этаж отводился под одиночное общежитие, а третий и четвертый этаж – под квартиры.

Квинтэссенцией образа обобщественного коммунального дома являлся проект «Дома сотрудника Наркомфина» (рис. 6), созданный М.Я. Гинзбургом и И. Милинисом [Гинзбург 1929а, с. 158–164]. Представленный жилой комбинат, по замыслу архитекторов, должен был способствовать организации повседневной деятельности человека. В целом дом делился на корпуса жилые, коммунальные, детские, служебные. Жилые корпуса состояли из типовых индивидуальных ячеек типа «К» и «Ф», разработанных секцией типизации

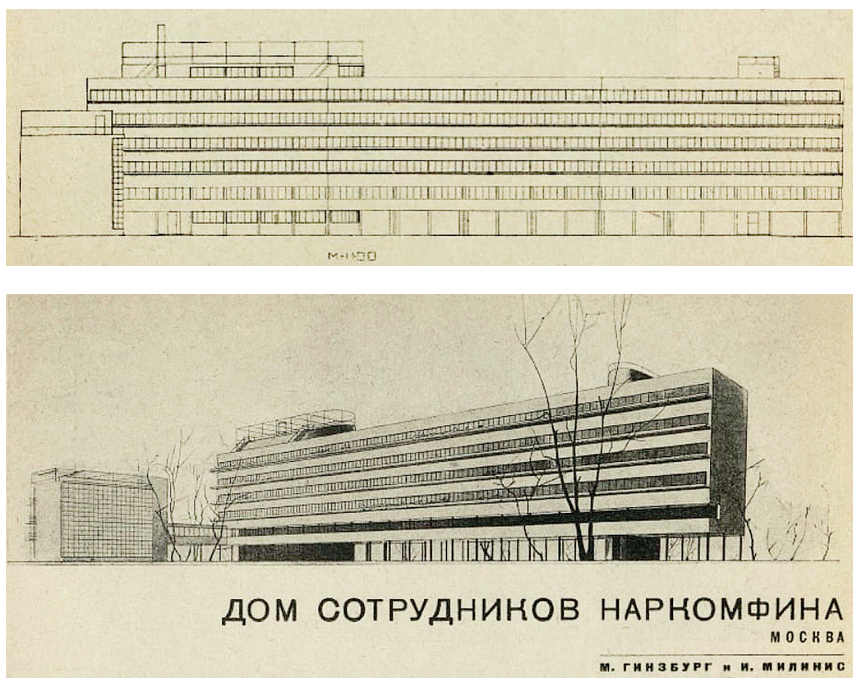

Рис. 6

в Стройкоме РСФСР, в которую входил М.Я. Гинзбург. Жилые ячейки типа «Ф» пронизывались вдоль горизонтального коридора, что позволяло органично вписать в коммунальные помещения. По мнению М.Я. Гинзбурга, данный тип проектирования порождал новый организм, приводящий к социально более высокой форме жилья – к коммунальному дому [Гинзбург 1929b, с. 5]. Ячейки типа «К» представляли двухэтажную квартиру с большим общим помещением, в котором размещалась столовая. На первом этаже квартиры располагались кухня, спальни и ванная. Коммунальный центр насчитывал два этажа. На первом этаже размещался спортзал, а второй делился на два яруса: кухня и обслуживающие помещения; читальня и места пассивного отдыха. «Служебный двор» включал механическую прачечную, сушилку и гараж, обслуживающие бытовые потребности жильцов.

В целом площадь жилых и коммунальных ячеек имела референтные значения. Архитекторы стремились удешевлять строительства путем уменьшения коммунальных помещений (ванные, кухни) [Красин 1927, с. 1–8] в квартирах. Параллельно с этим увеличивался объем общественно-коммунальных помещений, тем самым отрывая человека от индивидуальной замкнутости.

Таким образом, социальные проекты, заключающиеся в реорганизации, обустройстве и планировании прилегающего пространства жилых домов, отображали механизмы социального перевоспитания, направленного на советизацию общественных отношений. Пласт теоретических размышлений о сущности жилого дома и его места в общем плане конструирования городского пространства являлся концептуальным воплощением эфемерного ареола, где должны были происходить социально-бытовые процессы под воздействием стратегических архитектурных приемов. Советские зодчие, переходя к процессу реализации градостроительных объектов, учитывали базовые требования к проектированию (строительные и санитарно-гигиенические нормы, экономическая регламентация), предъявляемые государственным аппаратом. Тем самым синергизм советского правительства и градостроителей продуцировался в вариативные архитектурные подходы в проектировании жилищно-коммунальных объектов. Дома-коммуны, являясь образом идеального типа, стали отправной точкой дальнейших дискуссионных спорах в процессе развития жилищного строительства.

Литература

- Барц 1930 – *Барц М.* Зеленый город // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 17–37.
- Барышева 2015 – *Барышева Е.В.* Личное пространство в повседневной жизни СССР: 1920–1930-е годы // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 200–211.
- Близнакова 2001 – *Близнакова М.* Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 гг. // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2001. С. 53–84.
- Вегман 1927 – *Вегман Г.* Рабочее жилище для малосемейных // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 132–133.
- Вендеров 1926 – *Вендеров Б.* Первый конкурс Московского Совета РК и КД на составление проекта улучшенной крестьянской избы // Строительство Москвы. 1926. № 8. С. 3–8.
- Владимиров 1927 – *Владимиров В.* Проект жилья нового типа для трудящихся // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 134–135.
- Гинзбург 1926 – *Гинзбург М.Я.* Новые методы архитектурного мышления // Мастера советской архитектуры об архитектуре: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1975. С. 300–304.
- Гинзбург 1929a – *Гинзбург М.Я.* Дом сотрудников Наркомфина в Москве // Современная архитектура. 1929. № 5. С. 158–164.
- Гинзбург 1929b – *Гинзбург М.Я.* Проблемы типизации жилья РСФСР: Доклад на пленуме Стройкома РСФСР // Современная архитектура. 1929. № 1. С. 4–6.

- Ильин 1935 – *Ильин Л.А.* Ансамбль в архитектуре города // Мастера советской архитектуры об архитектуре: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1975. С. 289–290.
- Красин 1927 – *Красин Г.* Рабочее жилищное строительство в Москве и пути к его удешевлению (по практике Московского Совета) // Строительство Москвы. 1927. № 7. С. 1–8.
- Кузьмин 1928 – *Кузьмин В.* О рабочем жилищном строительстве // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 82–83.
- Меерович 2017 – *Меерович М.Г.* Градостроительная политика СССР: 1917–1929: от города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 352 с.
- Меерович 2014 – *Меерович М.Г.* Расселенческая доктрина России сегодня и 100 лет назад. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 227 с.
- Меерович 2004 – *Меерович М.Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации: Жилищная политика в СССР: 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2004. 272 с.
- Милютин 1930 – *Милютин Н.А.* Принципы планировки // Мастера советской архитектуры об архитектуре: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1975. С. 86–90.
- Пастернак 1927 – *Пастернак А.Л.* Проект жилья нового типа для трудящихся // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 140–141.
- Сабсович 1930 – *Сабсович Л.* О проектировании жилых комбинатов // Современная архитектура. 1930. № 3. С. 12–18.
- Семенов 1975а – *Семенов В.Н.* Москву планировать и застраивать заново // Мастера советской архитектуры об архитектуре: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1975. С. 234–238.
- Семенов 1975б – *Семенов В.Н.* Вопросы планировки // Мастера советской архитектуры об архитектуре: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1975. С. 229–231.
- Соболев 1927 – *Соболев И.Н.* Проект жилья нового типа для трудящихся // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 142–143, 145.
- Хазанова 1980 – *Хазанова В.* Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. 351 с.
- Хамитова 2013 – *Хамитова Ж.А.* Советская журнальная периодика 1930-х гг. как источник по истории формирования детского пространства социалистического города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2013. 24 с.
- Хигер 1928 – *Хигер Р.* К вопросу об идеологии конструктивизма в современной архитектуре // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 92–102.
- Щусев 1934 – *Щусев А.В.* Архитектурная организация города // Мастера советской архитектуры об архитектуре: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1975. С. 174–179.
- Эдельман 2001 – *Эдельман Р.* Каждый имеет право на жилище. Организация жилого пространства в русском крестьянском доме: 1880–1930 годы // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2001. С. 7–15.

В.В. Слискова

«Во имя Христа и ради прогресса медицины»:
Письма в Институт экспериментальной биологии
(1920-е гг.)

В статье рассматривается и публикуется комплекс писем, сохранившихся в фонде директора Института экспериментальной биологии (ИЭБ) Н.К. Кольцова в Архиве Российской академии наук (РАН) и иллюстрирующих ответ аудитории на популяризацию идеи омоложения в 1920-х гг. Основным средством распространения сведений об исследованиях в данной области служили массовые периодические издания, такие как газеты «Вечерняя Москва», «Известия», журнал «Огонек». Они публиковали статьи, в которых рассказывалось об успешных историях ученых, в первую очередь – зарубежных, и их пациентов, прошедших процедуру омоложения. Несмотря на предостережения о возможной опасности метода, его популярность не уменьшалась. Ознакомившись с публикациями, желавшие «подвергнуться омоложению» обращались в ИЭБ, на базе которого реализовывались подобные исследования в Советском Союзе. Анализ выявленных в РАН документов позволяет определить основные мотивы адресантов в соотношении с их полом, возрастом, профессиональной принадлежностью и географическим положением.

Ключевые слова: омоложение, биомедицина, популяризация, периодика, Институт экспериментальной биологии, С.А. Воронов, Н.К. Кольцов

В 1920-х гг. одной из наиболее популярных идей, вызывавшей одновременно споры в научных кругах и интерес у обывателей, было омоложение. Данный вопрос привлекал внимание исследователей на протяжении длительного времени, однако именно в начале 1920-х гг. он оказался в фокусе экспериментальных биомедицинских исследований. В Советском Союзе исследования в области омоложения велись на базе Института экспериментальной биологии (ИЭБ), функционировавшего в указанный период в составе Государственного института народного здравоохранения (ГИНЗ). К числу ученых, занимавшихся этим направлением, относились директор ИЭБ – биолог Николай

© Слискова В.В., 2022

Публикация подготовлена при поддержке программы «Студенческие проектные научные коллективы РГУ», проект «Советская наука 1920–1980 гг.: индустрия и социальные проекты».

*Рис. 1. Институт экспериментальной биологии ГИНЗ
на Воронцовом поле*

Константинович Кольцов (1872–1940) и сотрудники Физиологического отдела – биологи Иван Григорьевич Коган (1877–1928) и Михаил Аркадьевич Егоров (?–?); позднее – хирург Алексей Андреевич Замков (1883–1942). Согласно отчетам о научной работе, на начальном этапе исследования велись на подопытных животных в лабораториях ИЭБ, и лишь спустя некоторое время институт получил возможность сбора донорского материала для работы с пациентами московских клиник [Слискова 2021b, с. 25–29].

В основу отечественных исследований был положен опыт, накопленный зарубежными учеными, среди которых особое место занимали австрийский физиолог Эйген Штейнах (1861–1944) [Ферингер 2019, с. 251–253] и французский хирург Сергей Александрович Воронов (1866–1951) [Krementsov 2014, р. 131]. Последний получил широкую известность благодаря омоложению человека посредством пересадки половых желез обезьяны в первой половине 1920-х гг. Как и Э. Штейнах, С.А. Воронов был сторонником теории гормонального омоложения, согласно которой главной причиной старения было снижение уровня гормонов. Следует отметить, что гипотеза о положительном влиянии экстрактов половых желез на организм была выдвиг-

нута французским физиологом Шарлем Броун-Секаром¹ (1817–1894) во второй половине XIX в. [Gillyboeuf 2000, p. 44]. Таким образом, для достижения омолаживающего эффекта предполагалось заменить старую железу, неспособную более производить гормоны, «новой» посредством трансплантации. По итогам экспериментальной работы с животными ученые, независимо друг от друга, получили результаты, подтверждавшие действенность метода и оправдывавшие его применение на человеке².

Важным следствием проведения операций на пациентах и обнародования сведений об их положительном эффекте стала популяризация омоложения. В массовой периодической печати публиковались статьи, рассказывавшие читателям об успешных историях омоложения стариков, обратившихся к Э. Штейнаху и С.А. Воронову³. Так в 1926 г. в газете «Вечерняя Москва» был опубликован доклад «Опыты омоложения за границей и в Москве», в котором упоминались два подобных случая.

Первый настоящий опыт омоложения сделал проф[ессор] Воронов в Париже... В последнее время за границей, в особенности во Франции, операции омоложения прodelьваются с исключительным успехом. 74-летний англичанин, специально приехавший к проф[ессору] Воронову, был омоложен, и, спустя 8 месяцев после операции, взял в Лондоне приз по боксу... Интересна также история газетного репортера, который вечно надоедал проф[ессору] Штейнаху... он был стариком 60 лет. Однажды Штейнах предложил ему на собственной особе убедиться в результатах омоложения. Тот согласился. После операции репортер исчез на долгое время и, использовав свою вторую молодость, снова пришел к профессору для вторичного омоложения. Эту историю он проделал 3 раза⁴.

Примечательным является сходство историй пациентов С.А. Воронова: напечатанной в газете и описанной самим хирургом в работе «Сорок три прививки от обезьяны человеку (омоложение)»⁵, вышедшей на русском языке в издательстве «Книга» в 1924 г.⁶ Так в одной

---

¹ С 1889 г. С. Воронов работал в лаборатории Коллеж де Франс под руководством Шарля Броун-Секара.

² Первая успешная операция омоложения человека была проведена С.А. Вороновым в 1920 г. в Париже.

³ Исследования С.А. Воронова и Э. Штейнаха нередко отождествлялись в популярных публикациях, что создавало впечатление о существовании одного метода омоложения «по Штейнаху–Воронову».

⁴ Опыты омоложения за границей и в Москве // Вечерняя Москва. 1926. № 38 (646).

⁵ Воронов С.А. Омоложение пересадкой половых желез. Л., 1924.

⁶ Сразу после публикации текста на французском языке к С. Воронову в письме обратился русский химик Николай Александрович Морозов (1854–1946),

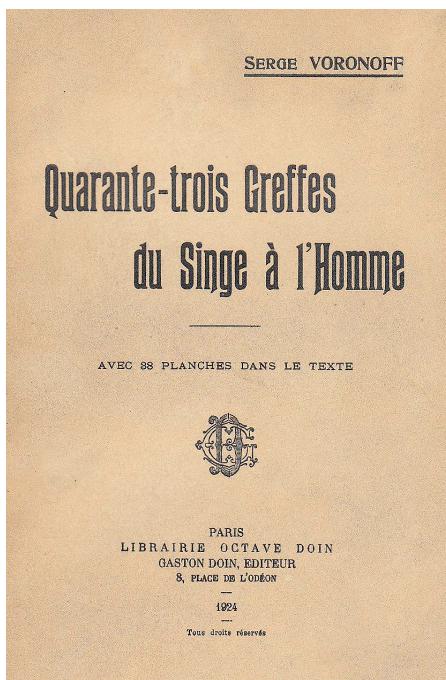

Рис. 2. Французское издание монографии С.А. Воронова «Сорок три прививки от обезьяны человеку (омоложение)», 1924 г.

из глав его монографии рассказывалось об успешном «излечении» английского чиновника 74 лет, обратившегося к хирургу в 1920 г.:

Преждевременная старость. В настоящее время это сгорбленный старик, тучный, с дряблыми чертами лица, тусклым взглядом, ходит с трудом, опираясь на палку. Очень ослабевшая память, ум работает лениво и медлительно... Операция 2 февраля 1921 г. <...> Последствия операции обычные... Жир исчез, мускулы укрепились, тело выпрямилось, и он (пациент. – В. С.) производил впечатление человека с цветущим здоровьем... Он приехал из Швейцарии, где поднимался в горы и занимался любимым англичанами спортом. Этот человек действительно помолодел на пятнадцать – двадцать лет⁷.

выразивший намерение издать книгу в русском переводе: «Моя жена была со мною в Питере во время получения Вашей книжки и так увлеклась ею, что, не успев спросить Вашего разрешения, сговорилась с издательством «Книга» о ее немедленном издании на русском языке и тотчас же начала переводить ее... а теперь я беру перевод ее с собой, чтобы сдать издателю... Посылая Вам свой привет, моя жена надеется, что Вы и для меня приготовите обезьянку, когда я одрахлею!» (АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2239. Письма Морозова Н.А. Воронову С.А.).

⁷ Воронов С.А. Указ. соч. С. 132–139.

Рис. 3. Фото английского чиновника Е.Л. 74-х лет «до» и «после» операции. «Огонек», 1924 г.

Вероятно, в основу материала, опубликованного в «Вечерней Москве» и в других изданиях⁸, легла оригинальная история пациента. Важно отметить, что с именем С. Воронова часто связывалось омоложение известных и (или) состоятельных персон – в данном случае английского чиновника, имя которого было скрыто. В 1925 г. в газете «Известия»⁹ говорилось, что «ученый произвел операции омоложения над самими Клемансо¹⁰ и Ллойд-Джорджем»¹¹, а в 1926 г. в журнале «Огонек» сообщалось об открытии им «санатория для пациентов, желающих подвергнуться омоложению» на итальянской Ривьере¹². Кроме того, некоторые журналисты подчеркивали, что автором метода являлся

⁸ Напр.: *Терский Ал.* Борьба со старостью // Огонек. 1924. № 16. С. 13–14.

⁹ Поездка доктора Воронова в Африку // Известия. 1925. № 2. С. 4.

¹⁰ Жорж Клемансо (1841–1929) – французский политический деятель, премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920 гг.

¹¹ Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) – британский политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

¹² «Обезьяний замок» доктора Воронова // Огонек. 1926. № 43. В 1927 и 1928 гг. в журнале «Огонек» были опубликованы статьи, в которых более подробно рассказывалось об идее С. Воронова: *Пресс. Е.* Фабрика молодости // Огонек. 1927. № 14. С. 7; *Спасение рода человеческого* // Огонек. 1928. № 12. С. 6–7.

„Обезьяний замок“ доктора Воронова

Рис. 4. Фото С.А. Воронова и замка Гримальди, в котором располагался обезьяний питомник и санаторий. «Огонек», 1926 г.

ФАБРИКА МОЛОДОСТИ

Необычный для тихой Ментоны, городка французской Ривьеры, крик слышится издали, когда идешь по дороге к замку Гримальди, где находится санаторий профессора Воронова. Но ро и о в а. Здесь работает Воронов, здесь он кастрирует обезьян и омолаживает стариков.

Профессор Воронов.

Воронов берет меня об руку и ведет в другой зал. По стенам висят портреты великих людей и... огромных обезьян. — Приблизительно лет тридцать назад, — рассказывает профессор Воронов, — я жил в Каире. Здесь я встретился с одним странненьким человеческим существом, египтяном. Вид этого безбородого старика внушил мне такое уважение ко мне на мысль о том, что эти люди после окончания меняют и свой облик по какой-то, пока еще неизвестной, причине. Части их тела развиваются не так, как у всех людей, на лице исчезает растительность и их голос становится тоньше. Ясно, что омоложение преследует лишь чисто сексуальные цели; однако, онлет рассказывает, что наряду с исчезновением половой жизни наблюдается целый ряд побочных явлений, выходящих не в учетывающихся. Когда теория противоречит фактам, конечно, ошибаешься в теории. Это явилось моим старым пунктом. Затем я стал искать то общее, что связывает явления старости и омоложения, и это общее я обнаружил в расширенной деятельности половых органов. Дальше я уже логически пришел к опытам над пересадкой половых органов.

— В какой связи находится ваша теория с теорией профессора Штейнхаха? — Ответу вам образно. Сравним приведенные в негодовость органы человека с частями испортившегося автомобильного мотора. Рамина заключает в том, что Штейнхах исправляет эти части, тогда как я их заменяю новыми. Я не верю в возможность исправления их.

— Не думаю ли вы, — спрашиваю я, — что ваш метод является излишней роскошью, что мы можем, в конце-концов, столкнуться со своеобразным „обезьяньим криком“?

— Ни в коем случае, — живо возражает Воронов. — Правда, на земном шаре миллиарды людей и только около полутора миллионов обезьян. Но, подобно тому, как человек приспособился для своих целей кротов, лошадей, собак и даже слонов, точно так же для омоложения он научился разводить обезьян. Еще немногие знают, что мы теперь энергично работаем над созданием первого обезьяньего питомника, в котором уже насчитывается свыше тысячи обезьян.

Я задаю вопрос профессору Воронову о том, насколько теперь успешно протекает его операция.

— За последние время мы добились больших успехов в этой области, — отвечает профессор Воронов. — Даже при явных неудачах операция вреда не приносит. Большинство моих пациентов, хотя бы им было и свыше 60 лет, уже после трех-четырех месяцев после операции приобретает

утраченную было половую силу, а вместе с ней чувствуют себя гораздо крепче. Среди моих пациентов имеются знаменитые врачи, архитекторы и художники. Один крупный французский драматург, которому уже свыше 70 лет, чувствует себя совсем молодым после такой операции. Через два года после операции он обратится ко мне с просьбой повторить ее. Я с удовольствием повторю впервые этот опыт, и очень удачно. После второй операции он чувствовал себя еще моложе, чем после первой.

— Говорят, что вамшему отцу теперь 98 лет, и он не хочет подвергнуться омоложению. Почему?

Санаторий профессора Воронова близ Ментоны (Франция).

— Ему 96 лет, — поправляет меня Воронов. — Но он не верит в омоложение. Он, как человек старого уклада, считает его „юродством“.

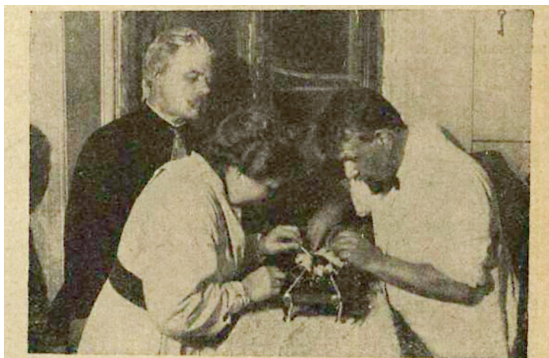
— А вы? — говорю я, прощаясь. — Когда придет ваше время, вы подвергнете себя омоложению?

— Непременно, — отвечает Воронов.

Е. Пресс.

Рис. 5. Статья о санатории профессора Воронова. «Огонек», 1927 г.

Рис. 6. Операция омоложения в Институте экспериментальной биологии. «Огонек» 1923 г.

Операция омоложения в Институте Экспериментальной Биологии. Оперирует морскую свинку И. Г. Коган. Слева—проф. Н. К. Кольцов.

«русский ученый в Париже»¹³ или «наш соотечественник, талантливый экспериментатор» С.А. Воронов¹⁴. Подобные публикации, в которых он представал успешным ученым и врачом с широкой практикой, не только способствовали его личной популярности, но и укрепляли мнение об эффективности метода¹⁵.

В периодических изданиях также освещалась деятельность отечественных специалистов, изучавших вопросы старости и омоложения¹⁶. Авторами печатавшихся на страницах газет и журналов текстов могли выступать сами ученые – например, в 1923 г. статью для «Огонька» подготовил директор ИЭБ Н.К. Кольцов¹⁷. Он рассказал об истории изучения вопроса в мире и конкретно в ИЭБ, однако предупредил, что «не следует обольщаться тем, что эликсир молодости уже найден» и что «операции омоложения человека должны остаться редкими научными опытами»¹⁸. Тем не менее, несмотря на предостережения Н.К. Кольцова и статьи, в которых методы С.А. Воронова и Э. Штейнаха¹⁹ подвергались критике, интерес к теме не уменьшался. В 1920-х гг. в ИЭБ обращались граждане, проживавшие в разных угол-

¹³ Наука. О так называемом омоложении // Известия. 1923. № 49. С. 4.

¹⁴ Василевский Л.М. Новое об омоложении // Огонек. 1925. № 31. С. 13.

¹⁵ В 1923 г. в газете «Известия» С.А. Воронову приписывались слова о необходимости сделать операции омоложения доступными широким слоям населения путем национализации медицины: Наука. О так называемом омоложении // Известия. 1923. № 49. С. 4.

¹⁶ См.: Кино. Беседа с проф. Кольцовым о фильме «Омоложение» // Известия. 1923. № 222. С. 6; Терский Ал. Борьба со старостью // Огонек. 1924. № 16. С. 13–14; Василевский Л.М. Новое об омоложении // Огонек. 1925. № 31. С. 13–14.

¹⁷ Кольцов Н.К. Новые успехи омоложения // Огонек. 1923. № 36. С. 11–12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Напр.: Немилев А. Надо быть осторожным: печальные последствия «омоложения по Штейнаху» // Вечерняя Москва. 1926. № 28 (636).

ках Советского Союза и желавшие пройти через операцию «русских хирургов» по тем или иным причинам. Об интересе к теме омоложения со стороны читательской аудитории различных периодических изданий свидетельствуют архивные документы, сохранившиеся в фонде Н.К. Кольцова²⁰ в Архиве Российской академии наук (РАН). Комплекс выявленных источников включает в себя несколько десятков писем, написанных адресантами из Барнаула, Кисловодска, Москвы, Новочеркасска, Петрограда, Самары, Саратова, Ялты и др. Важной особенностью, отличающей их от пациентов С.А. Воронова, являлся возраст: значительную часть составили люди 18–30 лет. Среди общего числа встречались представители разных профессий: врачи и сестры милосердия, учителя, железнодорожники и др., а также безработные. Часть адресантов сообщали о возникновении интереса к достижениям современной науки в области омоложения после прочтения статей в газетах и журналах. Некоторые предлагали себя в качестве подопытных в надежде получить денежное вознаграждение или хотя бы оплату дороги до столицы, где располагался институт.

Публикуемые документы представляют собой выборку писем, иллюстрирующих гендерный и возрастной состав потенциальных пациентов, их профессиональную принадлежность и географическое положение, основные мотивы обращения в ИЭБ и представления о возможных результатах процедуры и их влиянии на качество жизни. Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей источников. Сокращения раскрыты в квадратных скобках; опечатки исправлены и не оговариваются. Сведения об отдельных лицах и географических названиях установить не удалось.

№ 1

Многоуважаемый профессор!

Я обращаюсь к Вам с просьбой ответить мне, производят ли в Вашем институте операции по методу Штейнаха. Возможно, что я в достаточной мере и не подхожу к этой операции, так как я по летам не старик (мне всего 27 лет, но я также бессилен и дряхл, как и 65–75-летний старик). Малейшая физическая работа утомляет меня, умственная также. Половое влечение почти совсем угасло. Я начал лечиться года 3–4 тому назад, но безрезультатно; теперь одна надежда на эту операцию. Если в Вашем институте не производят этих операций, то прошу указать врача, работающего над этим вопросом, и который бы согласился произвести эту операцию. Прошу и мою мне ответить, так как это для меня – вопрос жизни или смерти.

За ответом зайду к сторужу.

Пеньков.

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 4-4об.

---

²⁰ Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Письма от различных лиц Кольцову Н.К. по вопросам омоложения, оказания медицинской и хирургической помощи при различных заболеваниях.

№ 2

От гр[аждан]ки СССР, проживающей в Белоруссии [в] гор[оде] Орше, Витебской губернии, служащей в настоящее время в библиотеке оршанского госрабфака.

Шапиро Эсфирь.

Я – девушка 18,5 лет, крайне обойденная природой. Обойденная в самом главном – [в] ясности мысли и в воле, желаниях и вообще во всем, необходимом для нормальной жизни человека. Тяжесть головы и вечные ощущения, склонность ко сну, при совершенно здоровом состоянии тела, отравляют жизнь. Ничем не могу себя надолго заинтересовать. Хотелось бы хоть чем-нибудь быть полезной нашей республике. Так вот: не нужно ли у нас, для успехов в области медицинской науки, человека для опытов над ним? Хотя бы с угрозой для жизни. Могу ли быть в этом годна? Как совершеннолетняя гр[аждан]ка республики имею право изъявить свое согласие. Прошу ответить. На благо СССР не нужно пренебрегать и мелочами.

Мой адрес: [город] Орша, В[итебская] губ[ерния], Безымянный пер[еулок], д[ом] 4.

29/03/1924 [года].

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 24.

№ 3

Глубокоуважаемый т[оварищ] Семашко!

Заинтересовавшись лекцией проф[ессора] Дидернаса²¹, которую он прочитал летом [19]22 года в Ялте, на тему «Борьба со старостью и изменением полов», я решила во имя Христа и ради прогресса медицины и человеческого блага, подвергнуться операции «пересадки половых органов», дабы впервые над человеком, а уже не над животными, был произведен этот опыт, с моего личного согласия и моего желания стать из женщины мужчиной. Подвергнуться операции русских хирургов, компетентных в данной отрасли, при наличии соответствующего учреждения, окончила курсы в 1913 г[оду], учрежд[енные] с[естрой] м[илосердия] Зелинской в Ялте. Предоставляю себя для оперативного научного опыта при условии, если мне будет дана возможность и право учиться на медицинском факультете на казенный счет и содержание для расширения своих медицинских познаний. Обращаюсь к Вам, как Наркомздраву, зная, что на мое заявление, если оно ценно и своевременно, Вы обратите внимание и дадите ему надлежащий ход. С[естра] м[илосердия] Эк[атерина] Дм[итриевна] Мещерская, г[ород] Ялта, Аутская ул[ица], [дом] № 74.

1923 г[од] 21/07.

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 7-7об.

²¹ Так в тексте.

№ 4

Уважаемый профессор!

Простите, что оторву у Вас минуту-две занятого времени письмом из провинции.

Я – учительница 24 лет, [с] Северного Кавказа, слежу за газетами и журналам для пополнения своих знаний. Из журнала «Народный учитель» в [статье] «Чудесные достижения науки» я узнала о существовании Вашего института. Меня многое интересует из биологии, и я с удовольствием свою жизнь посвятила наблюдениям и экспериментам. К Вам я обращаюсь с просьбой разъяснить мне то, чего я не знаю, но хочу знать. Производятся ли у Вас на ряду с другими опытами опыт (зарождения) человеческих волос, и можно ли из редких волос сделать густые? Дело в том, что я блондинка, имею волосы недурные по цвету /пепельному/, но очень редкие, плохо растут и падают. Это меня всегда мучает и портит весь вид. Я хотела бы жить бедно, но чтобы у меня были хорошие волосы.

Думаю, что наука знает, как [мне] помочь. Если кроличье ухо, уже мертвое, благодаря действию солевого раствора оживает и обрастает волосами²², то у живого человека сделать это легче. Но как – я не знаю и обращаюсь за помощью к Вам.

Вторая моя просьба: у меня красивый сибирский кот – кастрат. Мне хотелось бы посредством прививки яичек самки превратить его в кошку, чтобы разводить красивых котят. Ведь подобные опыты производятся над кроликами. Тов[арищ] Профессор! Ответьте мне что-либо на мои запросы, ведь Вы – это не я маленькая незаметная учительница. Я хотела бы быть в Вашем институте служанкой, чтобы видеть, как Вы работаете, а, может быть, и помогать Вам. Это было бы счастье!

С товарищеским приветом!

Мой адрес:

с[ело] Петровское, Ставропольского округа на Сев[ерном] Кавказе,

Адм[отдел]²³ РИКа²⁴,

Учительнице Наталии Петровне Зазуля.

10/06-1925 г.

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 61.

---

²² Имеются в виду экспериментальные исследования фармаколога Н.П. Кравкова (1865–1924) [Слискова 2021а, с. 282–289; Шабанов 2015, с. 114–125].

²³ Сокращение от «Административный отдел».

²⁴ Сокращение от «Региональный исполнительный комитет».

№ 5

Небывалая новость

На пос[елке] Сомениха 2я Гражданского с/с²⁵.

Андросовской волости Самарского уезда есть некто. Старушка в возрасте 90 лет. Чеснова Анастасия Васильевна, с которой случилось поновление²⁶ жизненности. Прожив до вышеуказанного возрасту в небрачном виде за гр[ажданино]м Чесновым Г.М., детей не имела ни одного от молодых лет, зубом стала ветхая. До сего 1925 года хлеба употребляла совершенно не по вкусу, дожив до 90 [лет]. Августа месяца с[его]/г[ода] почувствовала трезвость в дряхлости, появилось 4 зуба совершенно новые детские (...) ²⁷, после чего старушка снова здорова, приняла вид молодого человека и стала работать в поле и в доме. Вот такую продолжительность она советует всем жившим в республике, а профессорам и докторам – обратить на это серьезное внимание! К чему и подписываюсь.

Гр[ажданин]н пос[елка] Сомениха 2я

Гражданского с/с Андросовского уезда²⁸

Георгий Сергеевич (Губозев)²⁹

В редакцию «Крестьянской газеты» от вышеуказанного гражданина. Тов[арища] редактора прошу поместить мою статейку в Вашу газету для сведения всей стране республики.

15/11-1925 г[ода].

Податель³⁰

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 72.

№ 6

№ 22 Андросовский
медицинский участок
Самарского уезда
6 апреля 1926 г[ода]

Многоуважаемый коллега!

На поселке Соменихо (Солянихо) 2 Андросовской вол[ости] Саратовского уезда и губернии действительно есть старушка Чеснова Анастасия Васильевна 66 лет. Она первый раз вышла замуж 16 лет 2-х месяцев, и от этого брака имела 7 человек детей, из них в настоящее время осталось в живых только двое: сын 48 лет и сын 36 лет. Через 20 лет супружеской жизни муж ее умер она вышла вторично, но на этот раз не так удачно, через два месяца она лишилась и второго мужа, тогда она стала жить гражданским браком с ныне здравствующим Чесновым, прожив с ним 29 лет

²⁵ Адрес указан автором письма.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Неразборчиво.

²⁸ Неразборчиво.

²⁹ Неразборчиво.

³⁰ Неразборчивый автограф.

в нынешнем году, 20-го февраля, вздумала вступить с ним в «законный церковный брак», но побудительной причиной к тому послужило по ее словам желание «умереть законной женой своего мужа» (христианкой). Климакс у нее наступил на 47-м году. На вид Чеснова А.В. не моложе своих лет. Всю жизнь работала много, а теперь под старость совершенно ничего не делает, ходит с трудом, заметна синюшность в лице, есть одышка. Сердечные границы ... глуховаты, пульс твердый 80 [ударов] в м[ину-ту], рост 155 см, объем в груди 97 см, а на уровне пупка в обхвате 145 см, жировой слой сильно развит. Зубы у нее сохранились хорошо, на лицо имеется 28 зубов, не разрушены кариозным процессом. Двух коренных зубов слева в нижней челюсти нет, а также нет одного с той же стороны сверху. Разрушен совершенно зуб мудрости с правой стороны в верхней челюсти, от которой остались 4 корешка, едва державшиеся в десне, вот они-то дали повод утверждать, что у нее появились якобы новые зубы. «Куринными» зубами в Самарской губернии называются коренные зубы. Освидетельствование производили 5 апреля 1926 г[ода].

Врач Кольцов А.В.

Фельдшер Кательников А.

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 82.

№ 7

Новочеркасск, 21/12/1924 [года].

Г[осподи]ну академику Н[иколаю] К[онстантиновичу] Кольцову.

Прочитав в Известии № 287 от 16 декабря с[его] г[ода] «новости науки и техники», где Вами делается операция омоложения, а посему прошу Вас или Вашего (распорядителя)³¹ написать мне, что стоит эта операция и сколько на это время нужно.

Готовый ко всяким ответам, заранее Вам благодарный Л.Л. Седов.

Для ответа прилагаю открытку³².

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 13.

№ 8

13/07/1925 г[ода]

Простите за беспокойство.

Я, совершенно незнакомый Вам человек, обращаюсь с большой и м[ожет] б[ыть] нелепой просьбой. Мне хотелось бы знать, производятся ли в России операции по способу Штейнаха (изменения пола) над людьми? Если производятся, то где и как³³. (В каких городах, какие условия приема, какая плата, какие результаты). Если сможете – будьте добры ответить по адресу: г[ород] Княгинин, Нижегородск[ая] губ[ерния] Лысковского уезда. Больница.

Кире Сергеевне Михайловой.

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 64.

³¹ Неразборчиво.

³² Открытка в составе фонда не сохранилась.

³³ Слова «и как» – приписка сверху.

№ 9

В Государственный Институт Экспериментальной Биологии

Желал бы омолодить своего отца. С его стороны – полное желание произвести этот эксперимент. Прошу сообщить условия по адресу: гор[од] Рязань, Губ[ернский] отдел Всеработземлес³⁴, Шестакову Г.З.

03/02-1925 г[ода].

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 57.

№ 10

Народный комиссариат
Социального обеспечения
ДОМ ОТДЫХА
Ветеранов Революции имени «ИЛЬИЧА»
Октября 16 дня 1924 г[ода]
№ 1082

Москва, Шаболовка, 14
Профессору 1 МГУ
Товарищу
Н[иколаю] К[онстантиновичу]
Кольцову

Прошу Вас, уважаемый товарищ, принять ветерана революции Михаила Юлиевича Ашенбреннера для производства операции трансплантации железы внутренней секреции согласно письменному сообщению Наркомздрава тов[арища] Н[иколая] А[лександровича] Семашко от 31 января с[его] г[ода] в счет мест, предоставленных Дому Отдыха Ветеранов Революции.

Заведующий учреждением: доктор медицины Розенталь.

Ф. 450. Оп. 4. Д. 25. Л. 47.

Литература

- Слискова 2021a – Слискова В.В. «Новые чудеса биологии»: о медицинских экспериментах в популярной периодике 1920-х гг. // История России с древнейших времен до XXI в.: Проблемы, дискуссии, новые взгляды: Сб. статей. М.: ИРИ РАН, 2021. С. 282–289.
- Слискова 2021b – Слискова В.В. «Омолаживающий импульс»: исследования в Институте экспериментальной биологии в 1920-е гг. // Гуманитарный акцент. 2021. № 1. С. 25–29.
- Ферингер 2019 – Ферингер М. Авангард и психотехника: Наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в послереволюционной России / Пер. с нем. К. Левинсона и В. Дубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 332 с.
- Шабанов 2015 – Шабанов П.Д. Вклад Н.П. Кравкова в развитие общей, возрастной, эволюционной и клинической фармакологии // История медицины. 2015. Т. 6. № 2. С. 114–125.

---

³⁴ Сокращение от «Всероссийский союз рабочих земли и леса».

Gillyboeuf 2000 – *Gillyboeuf T.* The famous doctor who inserts monkeyglands in millionaires // Spring. The journal of E. E. Cummings Society. New Series. 2000. No. 9. P. 44–45.

Krementsov 2014 – *Krementsov N.L.* Revolutionary experiments: the quest for immortality in Bolshevik science and fiction. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. 268 p.

В.О. Неруш

«Я б в охотоведы пошел, пусть меня научат!»:
Академическое движение и трудоустройство студентов
Института народов Севера в 1930-е гг.

Статья посвящена оценке роли ленинградского Института народов Севера в деле подготовки специалистов для работы на Севере в 1930-х гг. Это учебное заведение было уникальным для своего периода потому, что занималось формированием кадров из числа представителей именно коренных малочисленных народов Севера. Вопрос рассматривается через оценку таких аспектов работы института, как академическое движение его студентов, их последующее трудоустройство на местах. Развитие института проходило в два этапа: в рамках Северных факультетов ленинградских университетов и в качестве самостоятельного учебного заведения. Со сменой этих этапов прослеживается пересмотр позиции руководства института в отношении приоритетов в подготовке кадров для Севера. Вместо формирования у студентов теоретической базы по основной программе институт постепенно сосредотачивается на практической подготовке слушателей к работе на местах в рамках курсов, специальных для конкретных организаций и районов Севера. В статье делается вывод о том, что по мере своего развития институт становился все более ориентированным на практические проблемы организаций Севера и сыграл важнейшую роль в подготовке не только преподавателей, кооперативных и партийных работников, но и первых представителей интеллигенции народов Севера.

Ключевые слова: Институт народов Севера, Северный рабфак, коренные малочисленные народы Севера, образование, трудоустройство, Ленинград

В 1930 г. в Ленинграде был образован Институт народов Севера (далее – ИНС, Институт) – заслуживающий особого внимания научно-педагогический эксперимент своего времени. ИНС был создан для «подготовки из среды трудящегося населения... туземных народностей и племен северных окраин РСФСР... работников по советскому и

© Неруш В.О., 2022

Публикация подготовлена при поддержке программы «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ», проект «Советская наука 1920–1980 гг.: индустрия и социальные проекты».

культурному строительству, по кооперативно-хозяйственному и индустриально-промысловому делу для севера»¹. В рамках Института впервые была предпринята попытка централизованно подготовить квалифицированные кадры для работы на Севере из представителей населяющих его коренных малочисленных народов – эскимосов, якутов, селькупов, нанайцев, коряков и др.

Такая работа со студентами из числа народов, говоривших на «незнакомых» для ленинградских преподавателей языках², в условиях отсутствия учебных материалов и недостатка сведений о специфике предполагаемой работы будущих выпускников на местах была сложной. Институт народов Севера должен был стать в первую очередь практически ориентированным учреждением, стратегически важным для решения на Севере проблем национальной политики (конкретной работой по преобразованию северных регионов руководил специально учрежденный 20 июня 1924 г. Комитет содействия народам северных окраин при Президиуме ВЦИК, далее – Комитет Севера [Смирнова 2012, с. 52]). Исходя из этого, ключевой для оценки реальной значимости ИНС является характеристика выпусков Института и трудоустройства молодых специалистов, прошедших обучение в его стенах.

Для решения поставленной задачи – оценки роли ленинградского Института народов Севера в деле подготовки специалистов из числа представителей коренных малочисленных народов для работы в регионе – обратим внимание на два этапа развития ИНС – до и после обретения им самостоятельности.

Итак, до создания отдельного Института в 1930 г. обучение студентов-северян велось на рабочих факультетах ленинградских университетов – в Ленинградском государственном университете (далее – ЛГУ) и Ленинградском институте живых восточных языков, переименованном в 1927 г. в Ленинградский Восточный институт (далее – ЛИЖВЯ-ЛВИ). За все 5 лет своего существования так называемые Северные факультеты (далее – Севфаки) не дали ни одного выпуска³. Одной из причин этого являлись многочисленные отчисления студентов, сведения о которых старались не афишировать. Так, список подлежащих исключению в 1929 г. студентов Северного факультета ЛИЖВЯ-ЛВИ с делопроизводственной пометкой «секретно» по-

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 238. Положение об институте Народов Севера, правила приема в институт на 1930–1931 учебный год и списки студентов института на 25 декабря 1930 г. Л. 1.

² РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 168. Кошкин Я.П. «Десять лет института Народов Севера». Статьи. 1935. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Материалы северного факультета Ленинградского, Восточного института (программы, доклады, записка, протоколы, доклады). 1927–1928. Л. 64.

казывал большое число отчислений по состоянию здоровья. Многие абитуриенты не были продиагностированы на местах и отправлялись на обучение, имея проблемы со здоровьем и различные заболевания. Болезни могли прогрессировать на протяжении долгого пути в антисанитарных условиях, в условиях общего стресса по причине смены климата, социального окружения и образа жизни [Слезкин 2008, с. 203]. В 1929 г. из 32 чел. именно из-за многочисленных болезней – различных видов туберкулеза и анемии, язв, бронхита – было отчислено 20 чел., и только 8 чел. – из-за академической неуспеваемости и 4 чел. – по социальному положению⁴. Получалось, что ряды и без того немногочисленных слушателей, с трудом отобранных на местах, теряли студентов уже в Ленинграде, по их прибытии.

В то же время ввиду размытости требований правления ЛИЖВЯ-ЛВИ и несовпадении их интересов с интересами Комитета Севера [Неруш 2021] в документации встречаются случаи неоправданного исключения и немногих здоровых подающих надежды студентов. Например, когда был исключен обрусевший юкагир Федор Магонин, помогавший отстающим однокурсникам и занимавшийся активной деятельностью в Северном кружке в качестве секретаря палеоазиатской секции, в ходе которой, в числе прочего, он редактировал послания студентов на VI пленум Комитета Севера⁵. Этот студент получил справку об исключении после того, как во время дежурства не пропустил без билетов на вечер знакомых т. Лозовского (декана Севфака, «абсолютно не знакомого с Севером», назначенного правлением ЛИЖВЯ-ЛВИ без согласования с Комитетом Севера⁶). В качестве официальной причины было указано, что Ф. Магонин «не проявил себя с общественной стороны» и не подходил к правилам приема, поскольку «знания его выше, чем необходимо»⁷, то есть фактически он был исключен «на почве личных счетов с тт. Лозовским», по выражению самого студента, «нисколько не заинтересованного в поднятии хозяйства и культурного уровня северных народностей»⁸.

Уровень полученных студентами на Севфаках знаний и навыков оставлял желать лучшего⁹. В подготовленном в 1931 г. отчете Комитету по заведованию учеными и учебными учреждениями (далее – Ученому комитету) ЦИК СССР ректор новообразованного ИНС К. Лукс

---

⁴ ГА РФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. Л. 22.

⁵ Там же. Л. 31.

⁶ Там же.

⁷ Там же. 1. Д. 474. Объяснительная записка о работе Северного факультета Ленинградского восточного института. 1929. Л. 24.

⁸ Там же. Д. 340. Л. 31–32.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2В-5. Д. 5257. Телеграммы Наркомпроса РСФСР о работе вакуумной лаборатории и о закрытии Института народов Севера (Индекс № 201). 1941. Л. 41 об.

негативно отзывался и о качестве подготовки студентов в рамках Севфака ЛИЖВЯ-ЛВИ к практической работе на местах. Так, несмотря на «солидное количество студентов-северников», а именно 200 чел., продолживших обучение в Институте, полученные ими на Севфаке знания были оценены ректором как «чисто теоретические»¹⁰. Согласно отчету, некоторые из студентов имели «кое-какие практические навыки», но и те были получены ими «вне Севфака и в порядке личной инициативы»¹¹. Многие студенты, долгое время обучавшиеся как на подготовительных, так затем и на основных курсах Севфака и сами рассматривали образовательный процесс в этот период «почти исключительно как подготовку в вуз», поскольку «утратили перспективу» возможности вернуться на Север и «взяться за практическую работу среди своих народностей»¹². Ретроспективно Севфак характеризовался К. Луксом в 1930 г. как «никак (курсив автора документа. – В. Н.) не подготовленный к ускоренному массовому выпуску практических работников для оленеводческих колхозов и совхозов, туземных интегральных кооперативов и органов туземной власти, а также туземных школ»¹³.

Таким образом, до выделения в самостоятельный Институт проект оценивался как не оправдавший себя с точки зрения подготовки кадров для практической работы на Севере. Севфак ЛИЖВЯ-ЛВИ оказался не способным удовлетворить требования «завтрашнего экономического и политического дня Советского Севера»¹⁴. Его сравнивали с «заводом, который должен был производить плуги, но занялся производством метеорологических инструментов, которые, несомненно, нужны, но которыми пахать землю никак невозможно»¹⁵.

Не решенная за 5 лет на Севфаке задача была поставлена перед самостоятельным Институтом.

За это время потребность в квалифицированных кадрах для реализации национальной политики на Севере только выросла. Предполагалось, что принятые на Севфак и продолжившие обучение в Институте студенты получили общеобразовательную подготовку в объеме вечерних рабфаков и специальное образование в объеме техникумов по линиям советского строительства, кооперативно-хозяйственной и педагогической деятельности на Севере¹⁶, и организации Севера рассчитывали на появление таких специалистов в регионе.

---

¹⁰ Там же. Л. 41 об.

¹¹ Там же. Л. 41.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 41 об.

¹⁶ Там же. Л. 14.

Уже в апреле 1930 г. различные хозяйственные организации обращались в ИНС с предложениями принять оканчивающих его студентов на работу на Севере¹⁷. В числе претендующих на специалистов по кооперативному направлению были Всесоюзный кооперативный охотничий союз (далее – Всекохотсоюз), Всероссийский центральный союз потребительских обществ (далее – Центросоюз) и Союз сельскохозяйственной кооперации по производству, переработке, сбыту продуктов животноводства (далее – Животноводсоюз). Специалистами по педагогическому и советскому строительству интересовались местные комитеты Севера и исполнительные комитеты (далее – исполком)¹⁸.

Ввиду такой востребованности будущих выпускников ИНС по советскому и кооперативному строительству (помимо готовившихся Институтом педагогических кадров), в том же месяце между Народным комиссариатом труда СССР (далее – НКТ, НКТруд), производившим распределение оканчивающих ИНС по согласованию с Комитетом Севера¹⁹, и Институтом завязалась переписка²⁰ о трудоустройстве студентов первого выпуска. В соответствии с инструкцией НКТруда СССР № 247, опубликованной в «Известиях НКТ СССР» № 32-33 1929 г., ИНС должен был предоставить в НКТруда сведения о студентах с указанием номера и наименования специальности и общего числа выпускников, получивших ее в процессе обучения²¹. Эти сведения были нужны для корректного распределения оканчивающих, так как ведомства и организации подавали свои заявки на кадры молодых специалистов по каждому номеру специальности отдельно²². По указанию Комитета Севера выпускники Института обязаны были отработать на местах не менее трех лет [Чумак 2008, с. 163].

Первый выпуск Института состоялся 3 мая 1931 г. [Чумак 2008, с. 163] – в этом году четырехгодичное обучение по специальности советского строительства и педагогической специальности²³ окончили 15 представителей малых народов Севера²⁴. Выпускники были рекомендованы Институтом для трудоустройства на таких должностях, как секретарь туземного районного исполнительного комитета Советов народных депутатов (далее – РИК, райисполком), инструктор

---

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 837. О направлении на работу оканчивающих Институт Народов Севера через органы НК Труда. 1930. Л. 1.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 837. Л. 6.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 8.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 6.

интегральных кооперативов, инструктор Комитета Севера; педагог в туземной школе, заведующий туземной школой или школой-интернатом, преподаватель областного техникума по национальным языкам²⁵. Специалисты по кооперативной деятельности, в которых так нуждались хозяйственные организации Севера, в этом году не были выпущены²⁶.

На деле профиль выпускников не всегда играл решающую роль при их трудоустройстве. Так, получившие педагогическое образование выпускники В. Адачев, А. Ельпин, К. Пакин и В. Чешова фактически по возвращении на малую родину заняли руководящие административные должности. Е.Г. Чумак считает, что на такой выбор мог повлиять характер их производственной практики, которую студенты проходили также не по профилю в качестве секретарей районных и родовых исполкомов [Чумак 2008, с. 163–164].

На то, что «выпуск ИНС в 1931 г. не является строго специализированным по какому-либо уклону», указывало и правление Всекохотсоюза. Учитывая острую нужду интегральной кооперации Урала, Сибири и Дальнего Востока в квалифицированных руководящих кадрах из среды коренного населения (в 1931 г. эта потребность исчислялась по всем районам в 23 человека)²⁷, оставшуюся полностью неудовлетворенной за отсутствием выпускников по линии кооперативного строительства на Севере, практика трудоустройства выпускников не по профилю побудила правление Всекохотсоюза направить в Институт просьбу о закреплении за организацией 11 выпускников²⁸ некооперативного профиля. Институт, ректором которого с одобрения Комитета Севера в 1930 г. был назначен Я.П. Кошкин, не удовлетворил эту просьбу, поскольку счел ее «нецелесообразной»²⁹. Предложение Всекохотсоюза о возможном расширении в будущем приема студентов по кооперативной линии для возмещения недостатка специалистов в 1931 г. также не было принято, поскольку Я.П. Кошкин посчитал такую меру возможной только за счет увеличения общего приема, что было затруднительно для Института³⁰. Таким образом, получалось, что и с выпуском первых специалистов Институт как центр подготовки кадров не оказался способным удовлетворить нужды по крайней мере хозяйственных организаций Севера.

---

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 531. Переписка с учреждениями о распределении на работу студентов, оканчивающих институт народов Севера и списки студентов, окончивших институт. 1931–1932. Л. 18.

²⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 3. Списки студентов, оканчивающих Институт в 1931 г. 1931. Л. 1.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 531. Л. 18.

²⁸ Там же. Л. 21.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 18.

Важной особенностью трудоустройства выпускников Института стало то, что выпускники часто направлялись на работу в те округа, от которых были командированы в ИНС [Чумак 2008, с. 164]. На распространенность такой практики указывает, например, направленный в ноябре 1932 г. представительством Якутской АССР запрос на распределение оканчивающих ИНС в 1933 г. якута Павлова и эвенка Лукиянова. Выбор был обусловлен тем, что эти студенты обучались по командировке Якутской республики и, в частности, получали якутские пособия (кроме того, подчеркивалось, что «как абorigены» выпускники знали местные условия и национальный язык)³¹.

Однако строгое следование этому принципу было бы нерациональным. Ввиду малого числа абитуриентов, предусмотренного для командировки каждым из северных округов, при отсутствии из-за большого процента отсева студентов – представителей округа в Институте (как было, например, в 1929–1930 уч. г. для Тобольского округа [Чумак 2008, с. 163]), для некоторых больших территорий, нуждавшихся в кадрах, в течение года не готовилось бы ни одного студента.

По этой причине оканчивающие ИНС в следующем 1932 г. 16 студентов оказались распределены не только по месту командирования, но и с учетом потребностей конкретных округов: в Дальневосточный и Восточно-Сибирский края было направлено по 4 выпускника, в Западно-Сибирский и Северный края и в Уральскую и Ленинградскую области – по два выпускника³². Однако даже при справедливом распределении по округам такое малое число молодых специалистов не было способно удовлетворить потребности округов в кадрах.

Уже через год для решения этой проблемы были приняты меры. В докладе о работе ИНС в 1932 г. его ректор Я.П. Кошкин подчеркнул ведущую роль Института в деле подготовки кадров из народов Севера по советско-партийной, кооперативно-колхозной и педагогической линиям. В связи с этим одним из особенно удачных достижений ректором было выделено «установление деловой связи с хозяйственными] организациями, заинтересованными в подготовке кадров для Севера»³³, что подразумевало открытие в 1931–1932 уч. гг. специальных курсов этих организаций при ИНС³⁴. Так, курсы Всекохотсоюза стали готовить инструкторов и охотоведов для Севера, а курсы Союза животноводческих совхозов – председателей рабкомов для этих совхозов³⁵.

Работа курсов стала очень важной для подтверждения Институту статуса «кузницы кадров» для Севера. За четыре года обучения на

³¹ Там же. Л. 11.

³² ГА РФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 531. Л. 1.

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 5–6.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 531. Л. 5–6.

курсах было выпущено 334 чел., из них 278 чел. были использованы на административно-советской, партийной и кооперативно-хозяйственной работе на Крайнем Севере и Дальнем Востоке из числа нацменов Крайнего Севера и Дальнего Востока³⁶. Еще 56 охотоведов и плановиков были подготовлены по линии Всекохотсоюза в разных краях и областях СССР без учета национальности специалистов³⁷.

Некоторые кадры готовились для конкретных регионов. Так, курсы Совстроительства в 1933–1934 уч. г. не только выпустили для Севера инструкторов РИК, председателей и секретарей сельсоветов в количестве 61 чел., но и подготовили 16 таких специалистов для Мурманского округа, и еще 6 – для Дальнего Востока. Также курсы Центросоюза выпускали работников потребительской кооперации специально для области Коми³⁸.

Также Институт стал осуществлять переподготовку туземного актива народов Севера, содействие органам на местах по разрешению практических задач по хозяйственному и культурному строительству на Севере на местах и, наконец, подготовку научных кадров и организацию научного дела на Севере³⁹.

Особенно стоит отметить деятельность Института по повышению квалификации учителей на Севере⁴⁰. Сведения о качестве школьного дела на Севере получались в ходе экспедиций, направленных на всестороннее изучение как учебного процесса, так и «особенностей формирования школьников» в среде Севера⁴². Участие в экспедициях принимали и студенты. Основной сектор Института послужил образцом для организации техникумов народов Севера на местах⁴³, что позволило расширить возможности по подготовке кадров для Севера.

В 1933 г. список выпускников включал 19 чел. по направлению советского строительства и 18 чел. по педагогической линии⁴⁴. За период прохождения практики или в ходе обучения в Институте студенты этого выпуска освоили самые разные навыки. Наиболее важна для студентов как будущих работников Севера была практика на местах. Так, известно об опыте работы студентов не только в качестве

---

³⁶ РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 168. Л. 20–21.

³⁷ Там же. Л. 21.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 531. Л. 5–6.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 969. Переписка о проведении производственной практики студентов института народов Севера в 1934 г. 1933. Л. 5.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 168. Л. 14.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 7. Списки студентов, окончивших советско-партийное, педагогическое и экономическое отделения. III выпуск. 1933. Л. 4.

инструкторов РИК, заведующих школами 1 ступени, инструкторов колхозного строительства и секретарей сельсовета, но и как судебных следователей, помощников продавца в кооперативе⁴⁵. Такой опыт был незаменимым в деле подготовки кадров, поскольку подразумевал непосредственное вовлечение студентов в практическую трудовую деятельность на Севере. Выпускники этого года были рекомендованы для работы как по перечисленным специальностям, так и на должности заведующего интегральной кооперации, инспектора Хабаровского Комитета Севера, инструктора крайохотсоюза⁴⁶, райкома, окрисполкома и по ликвидации безграмотности, а также секретаря РИК, члена правления окрохотсоюза, председателя рыбного интегралсоюза, преподавателя лопарского языка и преподавателя 1 ступени⁴⁷. Таким образом, к 1933 г. трансформировалась в лучшую сторону и закрепились первоначально вызвавшая недовольство местных организаций практика трудоустройства выпускников на основе опыта, полученного в ходе прохождения практики.

Студентов-практикантов часто задерживали на местах, и они могли вместо нескольких летних месяцев провести «несколько лет на ответственной работе»⁴⁸. Так, отправившись на летнюю практику, тунгус Салаткин на три года стал председателем Катангского национального РИК Восточно-Сибирского края, нанаяец Ходжер Боцан до окончания Института два года работал председателем Нанайского национального Дальневосточного края, а чукча Тэвлянто – председателем Чукотского национального Окрисполкома Дальневосточного края⁴⁹.

Итак, Институт народов Севера справился с задачей подготовки кадров для Севера гораздо лучше, чем Севфак. К 1935 г., по утверждению Я.П. Кошкина, не было уже ни одного национального округа или района на Крайнем Севере, где бы на той или иной руководящей работе не находились выпускники или студенты-практиканты ИНС⁵⁰. Кадры для кооперативной и педагогической деятельности также готовились более целенаправленно и эффективно, чем в начале самостоятельного существования Института. О восприятии выпускников Института на местах дают представление воспоминания о них (правда, несколько более поздние) корабельного врача Л.И. Балашевича. По словам Леонида Иосифовича, в Бухте Провидения в 1961 г., где жили чукчи – «этот в недавнем дикий народ, который до советской власти не имел даже письменности», среди молодежи выделялись «одетые почти по-европейски» «совсем цивилизованные

---

⁴⁵ Там же. Л. 3.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 168. Л. 14.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

парни, очевидно, получившие образование в Институте народов Севера (курсив мой. – В. Н.)»⁵¹. На результаты работы Института указывало и то, что в магазинах Севера можно было купить чукотский словарь, подготовленный к печати НИА ИНС⁵².

Общее количество выпускников основных курсов ИНС все же оставалось небольшим. Так, к 1935 г. Институт отправил на Север только 118 специалистов средней квалификации и 25 высшей квалификации⁵³. Однако все они были востребованными работниками на местах как по кооперативной линии, так и по направлению советского строительства. В число последних входили, например, ненец Евсюгин, ставший секретарем райкома ВКПб, тунгус Воронин, назначенный на должность заведующего отделом нацменьшинств Красноярского Крайисполкома, ханты Доровин, ставший заместителем Секретаря Остяко-Вогульского окружного ВЛКСМ⁵⁴, партийный и советский работник из хантов В.З. Хуланхов [Чумак 2008, с. 164]. Однако количественный недостаток специалистов компенсировался подготовкой кадров для конкретных организаций на курсах при ИНС, в ходе мероприятий по повышению квалификации и профессиональной переподготовке работников Севера.

Особая заслуга Института состоит в подготовке первых представителей национальной интеллигенции народов Севера. Так, приобский ненец П.Е. Хатанзеев, выросший среди ханты, получил известность как создатель первого хантыйского букваря. Основоположник хантыйской литературы Г.Д. Лазарев также был выпускником ИНС, как и основоположник мансийской литературы П.А. Чейметов (П. Еврин), сын кондинского рыбака-охотника. Выпускниками ИНС были и первые национальные художники К. Панков из д. Шекурья и Н. Натускин [Чумак 2008, с. 164].

Одним из немногих выпускников ИНС, которые остались жить в Ленинграде, стал окончивший ИНС ненец А.П. Пырерка. Он занимался родным языком, собирал и изучал фольклор, пробовал себя как литератор [Бурыкин 2003, с. 114–115]. Ленинградцем стал и юкагир Н.И. Спиридонов, известный под литературным псевдонимом Теки Одулок. Н.И. Спиридонов проявил себя и как ученый-историк, первым из студентов-северян защитивший кандидатскую диссертацию, и как литератор. Он стал прототипом Кендыка, главного героя романа В.Г. Богораза «Воскресшее племя» [Бурыкин 2003, с. 114] о жизни студентов Института народов Севера.

---

⁵¹ Запись дневника Леонида Балашевича от 16 сентября 1961 г. [Электронный ресурс]. М., 2015–2022. URL: <https://prozhito.org/note/527794/> (дата обращения 14.08.2022).

⁵² Там же.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 168. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Л. 14.

Итак, несмотря на отсутствие выпусков в период существования проекта в форме Северных факультетов и небольшое количество выпускников основных курсов ИНС, в рамках Института народов Севера или при его содействии действительно были подготовлены квалифицированные кадры для Севера, и большинство из них – из числа его малочисленных народов. Деятельность института не сразу была выстроена в соответствии с нуждами Севера, однако вовлечение студентов в практическую трудовую деятельность на Севере в ходе прохождения ими производственной практики, а также проведение дополнительных мероприятий, таких как учреждение курсов при Институте по подготовке специалистов для конкретных организаций и по повышению квалификации педагогов северных школ, позволили вернуть проекту практическую направленность. Несмотря на значительный процент отсева студентов и существенные организационные сложности, Институт продемонстрировал практическую значимость в деле подготовки кадров для Севера из числа его коренных народов.

Литература

- Бурькин 2003 – Бурькин А.А. Представители малочисленных народов Севера в Санкт-Петербурге: судьбы четырех поколений диаспоры // Жизненный мир поликультурного Петербурга: Материалы Междунар. конф. 6–9 октября 2003 г. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб.: Астерион, 2003. Вып. 1. С. 113–121.
- Неруш 2021 – Неруш В.О. Учебные планы для «северян»: об одном межведомственном конфликте в Ленинграде в 1925–1930 гг. // Гуманитарный акцент. 2021. № 1. С. 70–78.
- Слезкин 2008 – Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера: Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Смирнова 2012 – Смирнова Т.М. Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 2. Т. 4. С. 51–65.
- Чумак 2008 – Чумак Е.Г. Значение Института народов Севера имени П.Г. Сидовича в подготовке специалистов из представителей коренных народов Севера в начале 1930-х гг. // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2008. № 7. С. 162–165.

К.С. Шевякова

История нефтеразведки и нефтедобычи во второй половине 1940-х гг.: борьба за нефтяной рынок Венесуэлы

На основе широкого комплекса документации из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) в статье характеризуется особый период в истории нефтеразведки и нефтедобычи – вторая половина 1940-х гг. Именно в это время в условиях набирающего обороты соперничества между СССР и Соединенными Штатами на фоне начинавшейся холодной войны во внешней политике Советского Союза была актуализирована тема нефти. Советское правительство считало, что лидирующие позиции в нефтегазовой отрасли смогут обеспечить шансы на победу, поэтому одной из важных задач внешней политики СССР было изучение опыта крупных нефтедобывающих стран. Особенно привлекательным в этой связи являлся латиноамериканский регион и, в частности, Венесуэла, где преобладали американские и английские нефтяные компании. Особый акцент делается на исследованиях Фомы Андреевича Требина, ученого-нефтяника, который в короткий период своей научной биографии занимал должность Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Венесуэле.

Ключевые слова: Ф.А. Требин, нефтеразведка, нефтедобыча, мировые нефтяные рынки, СССР, Венесуэла, Англия, США

«Нефтяной» фактор обострился во внешней политике СССР в 1940-е гг. Если в 1930-е гг. нефтяная промышленность была ориентирована, прежде всего, на удовлетворение внутренних потребностей СССР, то уже в 1939 г., как отметил В.М. Молотов в своем докладе, подготовленном к XVIII съезду ВКП(б), была поставлена задача «догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки»

© Шевякова К.С., 2022

Публикация подготовлена при поддержке программы «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ», проект «Советская наука 1920–1980 гг.: индустрия и социальные проекты».

[Молотов 1939, с. 5]. Приоритеты в политике СССР хорошо видны на примере журнала «Нефтяное хозяйство», где в довоенное время активно работал иностранный отдел: выходило много статей о нефтяной политике и промышленности за рубежом.

В 1940-е гг. тема нефти зазвучала особенно остро. Экономист – нефтяник Л.М. Гельзин в статье «Нефть и война» писал:

Не приходится доказывать, что нефть является одним из важнейших видов военного сырья, которое должно играть решающую роль в современной войне. <...> Товарищ Сталин на XV Съезде ВКП(б) указал, что «воевать без нефти нельзя, а кто имеет преимущества в деле нефти, тот имеет шансы на победу в грядущей войне [Гельзин 1940. с. 13].

Во время и после Второй мировой войны нефть приобрела огромное значение. В этой связи внимание СССР привлекли крупные нефтедобывающие страны, прежде всего – латиноамериканский регион.

Особое место на его карте занимала Венесуэла, внесшая важный экономический вклад в победу союзников: страна обеспечивала до 60% поставок нефти в Великобританию и США [Мартынов 2019, с. 46]. Б.Ф. Мартынов отмечал:

Опасаясь нападения нацистов на нефтепромыслы Маракайбо и танкеры под венесуэльским флагом, привозившие нефть в Европу, Венесуэла, не «без подсказки» со стороны Белого дома (3 февраля 1945 г. Франклин Делано Рузвельт информировал латиноамериканские страны о том, что они не будут представлены на мирной конференции, если не объявят войну странам оси), вступила в войну лишь в феврале 1945 г. [Мартынов 2019, с. 46].

Неудивительно, что после установления дипломатических и консульских отношений между СССР и Венесуэлой в марте 1945 г. советские ученые начали активно изучать нефтедобывающую отрасль Венесуэлы, а также экспорт нефти и нефтепродуктов из страны. В 1940-е гг. Венесуэла стала «экспериментальной площадкой» для изучения технических разработок Англии и США. Активное присутствие данных стран в регионе можно объяснить не только богатыми нефтяными запасами Венесуэлы, но и ее удобным географическим расположением: страна находилась недалеко от Панамского канала, в 1200 милях от Нью-Йорка и на близком расстоянии от английских владений в Тринидаде и Вест-Индии¹.

Таким образом, решение внешнеполитической задачи, озвученной В.М. Молотовым на XVIII съезде ВКП(б), легло, в том числе, и на совет-

---

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 107. Д. 63. Л. 1.

ских ученых. Специалисты из разных сфер работали над этим вопросом, находясь на родине и за ее пределами. Так, в 1948 г. Фома Андреевич Требин, ученый-нефтяник, специалист по газу и по совместительству Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Венесуэле, в отчете правительству привел важные сведения об экспорте венесуэльской нефти и нефтепродуктов в различные страны².

Из этого сообщения можно сделать вывод, что основными потребителями венесуэльской нефти были американские нефтеперерабатывающие заводы на острове Аруба (“Standard Oil of New Jersey”) и англо-голландские нефтеперерабатывающие заводы на острове Кюрасао (“Shell”). Данные нефтяные компании занимались активным промышленным освоением Венесуэлы. Так, Ф.А. Требин приводил неофициальные сведения о форсировании строительства американцами мощного нефтеперегонного завода на побережье полуострова Парагуана в заливе Коро. Кроме того, потребителями венесуэльской нефти являлись и другие предприятия США, Канада, все страны Южной Америки, Британские острова и Франция.

Особое внимание Ф.А. Требин обращал на Британские острова в Атлантическом океане (Британская Антилла), куда экспорт венесуэльской нефти значительно увеличился. Фома Андреевич связывал это с возможным устройством на них морских и военно-воздушных баз и небольших нефтеперерабатывающих заводов. Также произошло увеличение экспорта во Францию, что Фома Андреевич в риторике тех лет квалифицировал как «подачку со стороны американских империалистических нефтяных трестов»³.

Анализируя перспективы развития нефтяной промышленности Венесуэлы, Ф.А. Требин обосновал в перспективе снижение темпов добычи нефти в связи с особенностями эксплуатации фонтанных скважин. Помимо этого, он охарактеризовал вопросы геологоразведочных работ на нефть: английская компания “Shell” разведала мощные залежи нефти на пространстве между колумбийской границей и «Маракайбским» заливом (Венесуэльским)⁴, а разведка американской компании “The Creole Petroleum Corporation” (Standard Oil of N.J.) в штате Гуарико дала отрицательные результаты. На основе этого ученый сделал вывод о возможном дальнейшем увеличении доли участия в общей добыче нефти англо-голландской компанией “Shell” и снижении доли участия американских компаний⁵. Необходимо отметить, что еще в 1936 г. советские ученые отмечали, что добывающая промышленность Венесуэлы находится в сфере влияния крупных ан-

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 50 а. Д. 960. Л. 103–107.

³ Там же. Л. 104.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 104-105.

глийских и американских трестов. Причем для Великобритании венесуэльская нефть составляла на тот момент 37% от всей нефтяной продукции государства, а если исключить производства нефти, которые она контролировала в США, процент венесуэльской нефти составлял 50% от всей нефти, которой располагала Великобритания⁶.

Данные Фомы Андреевича подтверждаются другим ученым, французским геологом-нефтяником А. Перродоном, который, размышляя об истории нефтяной разведки в Венесуэле, в книге «История крупных открытий нефти и газа» (1985) приводил цитату другого исследователя Хиртца: «В районе Гуарико (Восточная Венесуэла)... В конце 1947 г. Crèole ушла из этого района, безрезультатно израсходовав 19 млн долл...» [Перродон 1994, с. 60]. Компания «Shell» также занималась бурением в этом районе, результаты были незначительные, но тем не менее положительные [Перродон 1994, с. 60]. По мнению А. Перродона, история нефтеразведки и нефтедобычи в Венесуэле в тот период времени была полна контрастов, так как в стране наиболее богатой нефтью даже самым авторитетным компаниям приходилось иногда терпеть неудачи [Перродон 1994, с. 59–60]. Так, до национализации нефтяного сектора в Венесуэле сорок семь разного размера компаний проводили там геологоразведочные работы, после провала которых часть из них покинула страну [Перродон 1994, с. 59].

В июле 1949 г. Ф.А. Требин подготовил новый отчет об экономической ситуации в Венесуэле⁷. Ученый пришел к выводам о том, что нефтяная промышленность страны переживает спад, а официальная статистика не соответствует действительному положению вещей и «дает явно завышенные цифры по добыче»⁸. В этот же период времени нефтяные компании стали сокращать количество рабочих, занятых на нефтепромыслах, чтобы уменьшить свои расходы⁹. Также сократился и размер экспорта нефтепродуктов.

Несмотря на большой интерес Фомы Андреевича к нефтепромышленности Венесуэлы, ученый пытался дать комплексную картину конкуренции на мировых нефтяных рынках, в частности уделяя внимание соперничеству между Великобританией и США. Интересно, что ученый следил не только за технической составляющей процесса, но и интересовался политическими и юридическими вопросами. Так, в 1949 г. его внимание привлекла статья на испанском языке в журнале «Economía venezolana» о бурении скважин в штате Вайоминг в США. Эти скважины характеризовались как наиболее глубокие в мире. Статья была переведена 3-м секретарем Ф.А. Тре-

---

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 107. Д. 63. Л. 1–2.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 250. Л. 20–22.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 21.

бина Н. Демидовым и отправлена в качестве приложения к отчету в секретариат Л.П. Берии¹⁰.

В этом же году Ф.А. Требин изучил торговый договор между Великобританией и Аргентиной, на основании которого должен был производиться обмен аргентинского мяса на английскую нефть и другие товары. Ранее Аргентина импортировала около 5 млн тонн нефти в год и платила за нее около 115 млн долларов Соединенным штатам и 5 млн долларов Великобритании. После подписания договора вся нефть, необходимая Аргентине, стала поставляться из британских источников. США, таким образом, потеряли этот рынок. Венесуэльская нефть, которая экспортировалась Аргентине до 1949 г. американскими компаниями, стала поставляться исключительно британской компанией¹¹. Статья на испанском языке из журнала «Economía venezolana», освещавшая данный сюжет, также была переведена Н. Демидовым и направлена почтой в СССР.

В тексте перевода другой отправленной в СССР статьи из данного журнала под названием «Соединенные Штаты теряют мировые рынки нефти» отдельно выделялись некоторые моменты. Например, в предложении «Несмотря на то, что Великобритания национализировала много индустрий, американские специалисты заявляют, что иностранная нефтяная торговля развивается с большой энергией по традиционным капиталистическим формам и поэтому североамериканские фирмы... наталкиваются на все большие трудности, чтобы выдерживать конкуренцию» было подчеркнуто словосочетание «национализировала много индустрий», таким образом, акцентуализировались господствующие позиции Великобритании на нефтяных рынках¹².

Параллельно Ф.А. Требин интересовался ситуацией и на Среднем Востоке. В тексте перевода другой отправленной на родину статьи подчеркивалось: «С подтвержденными резервами нефти на Среднем Востоке... В ближайшие годы перспективы для производящих зон, особенно вне США, достаточно туманны»¹³. Дело в том, что почти 65% нефтяного производства Среднего Востока на период 1949 г. находилось в зоне стерлингового блока, т. е. в зоне валютной группировки стран, в финансовых операциях которых превалировало использование фунта стерлингов, при этом в долларовой зоне находились только Саудовская Аравия и острова Бахрейна¹⁴. Сведения, приведенные Фомой Андреевичем Требиным, позволяют сделать вывод о том, что

---

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 18.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 14.

именно Великобритания на тот период времени лидировала в данной отрасли, в то время как позиции Соединенных Штатов на мировом рынке были неустойчивы.

Таким образом, во второй половине 1940-х гг. советские ученые решали важные геополитические задачи. Актуализация темы нефти в политическом дискурсе СССР способствовала изучению латиноамериканского региона и, главным образом, Венесуэлы – страны, обладающей крупными запасами нефти. В частности, исследования Фомы Андреевича Требина, посвященные нефтедобывающей отрасли Венесуэлы и других стран – ведущих экспортеров нефти, таких как Англия и США, иллюстрируют советскую политику тех лет. На основе этих данных можно судить и о ситуации на мировых рынках. Донесения фиксируют лидирующие позиции Англии; «нефтяной кризис» в США, который также затронул Венесуэлу, что лишь подтверждает связь этих двух экономик. Все это представляет самостоятельный интерес для экономической истории и истории международных отношений в ключевой для становления советско-латиноамериканских связей период. В этом отношении перспективы изучения темы многоаспектны и разноплановы.

Литература

- Гельзин 1940 – *Гельзин Л.М.* Нефть и война // Нефтяное хозяйство. 1940. № 4–5. С. 13–18.
- Мартынов 2019 – *Мартынов Б.Ф.* История международных отношений стран Латинской Америки Карибского бассейна (XX – начало XXI в.). Москва: Аспект Пресс, 2019. 320 с.
- Молотов 1939 – *Молотов В.М.* Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.): Тезисы доклада тов. В. Молотова на XVIII съезде ВКП(б), одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП(б). 2-й пункт порядка дня съезда // Нефтяное хозяйство. 1939. № 2. С. 3–14.
- Перродон 1994 – *Перродон А.* История крупных открытий нефти и газа / Пер. с фр. М.И. Бурцева и др.; Под ред. Г.А. Былевского. М.; Париж: Мир: Эльф Акитен, 1994. 254 с.

История для общества и государства

УДК 930.1(73)
ББК 63.1(7Сое)

Д.А. Бакланов

Научная и экспертно-аналитическая деятельность Ричарда Пайпса (1970–1980 гг.): история на службе идеологии

Статья посвящена научному творчеству известного американского историка-русиста Ричарда Пайпса в 1970–1980-е гг. Автор проводит последовательный анализ трудов исследователя, учитывая социально-политический контекст их создания и биографическую траекторию Пайпса в этот период. Выявляются основные положения концепции российской истории, которую Пайпс впервые сформулировал в 1974 г. Дается оценка его экспертно-аналитической деятельности в государственных структурах Соединенных Штатов Америки. Особое внимание уделено работе Пайпса в «Команде Б» в 1976 г., оказавшей существенное влияние на политику администрации президента Рональда Рейгана. Автор приходит к выводу о ключевом значении этого периода для интеллектуальной биографии ученого.

Ключевые слова: Ричард Пайпс, интеллектуальная история, американская русистика, советология, «Команда Б»

В 2023 г. отмечается 100-летний юбилей со дня рождения известного американского историка-русиста Ричарда Пайпса. Фигура ученого до сих пор вызывает неоднозначные оценки и в академическом сообществе, и среди широкого круга читателей.

В 1970–1980-е гг. имя историка стремительно начало набирать популярность как в США, так и в Советском Союзе. Пайпс надежно утвердился в качестве лидера так называемого тоталитарного подхода в американской русистике. Среди советских историков труды гарвардского исследователя стали олицетворением всей западной буржуазной историографии, чему, помимо его научного творчества, в значительной степени способствовала экспертно-аналитическая деятельность в государственных структурах Соединенных Штатов Америки.

Пик популярности Пайпса в России пришелся на 1990-е гг., что прежде всего было вызвано распадом Советского Союза. В гарвардском ученом многие увидели предсказателя. Его исторические конструкции, изложенные главным образом в период 1970–1980-х гг., стали объектом пристального общественного внимания. На фоне отрицания заслуг советской историографии в 1990-е гг. многие отечественные специалисты нашли в работах советолога ответы на злободневные вопросы российской истории. Этому также способствовало суждение о том, что западные специалисты, в отличие от их советских коллег, были свободны от гнета общегосударственной идеологии и независимы в рамках собственной творческой лаборатории. Свидетельством возросшего интереса к Пайпсу является перевод монографий ученого на русский язык. В частности, «Россия при старом режиме» была издана в 1993 г. тиражом в 30 тыс. экземпляров [Пайпс 1993].

Однако с течением времени интерес к трудам ученого начал спадать. Пайпс, как и многие другие западные исследователи, стал заложником процесса снижения интереса к советскому прошлому и вместе с тем к работам советологов. Например, предполагавшийся в начале 1990-х гг. 100-тысячный тираж «Русской революции» сменился итоговыми двумя изданиями в 5000 экз. [Пайпс 1994а; Пайпс 1994b], а двухтомная биография Струве в 2001 г. вышла тиражом 3000 копий [Пайпс 2001а; Пайпс 2001b].

Между тем в последние годы труды Пайпса начали переживать новый виток популярности. В частности, с момента смерти историка в 2018 г. его ученик – Джонатан Дэли – ввел в широкий научный оборот ряд архивных материалов: переписку Пайпса с М. Раевым, заметки и очерки, а также адресованные к Дэли письма (в том числе электронные) [Daly 2018а; Daly 2019]. Из-под пера Дэли также вышли некоторые обобщающие статьи об историке [Daly 2017; Daly 2018b], отличающиеся, однако, заметным панегирическим характером.

К работам Пайпса обращаются и для поиска ответов в нынешних условиях геополитического кризиса. Отдельные исследователи даже пытаются реконструировать выводы ученого о текущих международных событиях и приходят к заключению о востребованности и релевантности его концепции в текущее переломное время.

К 2022 году, спустя четыре года после смерти Пайпса, мир пробудился к реальности, которую он знал давно. <...> Пайпс хотел бы ошибаться, но, к сожалению, его прозрения кажутся такими же пророческими, как и всегда» – на этой патетической ноте отдельные авторы завершают свое исследование [Jindra, Behringer 2022].

Ранее автор настоящей работы уже обращался к научному творчеству Пайпса 1950–1960-х гг. [Бакланов 2022]. Данная статья является

логическим продолжением исследования его интеллектуальной биографии, где нами предпринимается попытка осмыслить богатое научное наследие историка уже в 1970–1980-е гг. – периода, на который пришелся пик его популярности.

С конца 1960-х гг. Ричард Пайпс погрузился в изучение актуальных политических сюжетов. Одной из внешних причин этого стала проводимая США и СССР политика разрядки международной напряженности, которую он категорически не поддерживал. В 1969 г. ученый выступил с докладом [Pipes 1970], где указал на историческую невозможность мирного дипломатического сосуществования двух стран, а также на необходимость введения сдерживающих мер по отношению к Советскому Союзу.

В 1970 г. сенатор-демократ Генри Джексон, кандидат в президенты 1972 и 1976 гг., пригласил Пайпса в качестве свидетеля на слушание по Договору об ограничениях стратегического вооружения в Сенат, где историк, по собственным воспоминаниям, выступил против разрядки и указал на то, что «главными являются не возможности самого оружия, а психология и политическая ментальность людей, обладающих этим оружием» [Пайпс 2005, с. 209]. Позже Джексон утвердил Пайпса в качестве консультанта «за своим Комитетом национальной безопасности и международной деятельности» [Пайпс 2005, с. 209]. В 1973 г. ученый был приглашен в Центр русских исследований Стэнфордского университета на должность главного консультанта [Пайпс 2005, с. 210]. Так постепенно открывалась новая страница в карьере Пайпса.

Однако, несмотря на новый круг обязанностей, историк продолжал активно заниматься своим основным ремеслом – научной деятельностью. В 1970 г. из-под пера Пайпса вышел первый том биографии П.Б. Струве, охвативший период с 1870 по 1905 г. Тогда же было выпущено первое 15-томное издание сочинений русского мыслителя. С конца 1950-х и все 1960-е гг. с небольшими перерывами Пайпс изучал жизнь и творчество П.Б. Струве. По собственному признанию, интерес к последнему у Пайпса возник спонтанным образом. Ученый увидел в Струве близкого по духу и взглядам человека [Пайпс 2005, с. 156–157].

В основу биографического исследования (первого и второго тома, вышедшего в 1980 г.) легли архивные материалы из Москвы и Ленинграда, американских университетов и институтов (Гуверовского института в Стэнфордском университете, Архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета и др.), стран Европы (Великобритании, Германии и др.), а также документы личных архивов (в первую очередь сына П.Б. Струве – Г.П. Струве). Пайпс также привлекал и устные источники, интервьюировал друзей и близких политика. Наиболее важную составляющую источниковой

базы монографии – статьи, книги, очерки, рецензии П.Б. Струве – американский ученый собрал и систематизировал в 1970 г. Тем не менее Пайпс указал на неполноту библиографического указателя наследия Струве по причине недоступности ряда советских архивов и библиотек [Пайпс 2001б, с. 581].

Цикл трудов о П.Б. Струве является важной вехой в карьере американского ученого. Пайпс впервые предпринял попытку масштабного исследования в русле интеллектуальной истории. Несмотря на то что в период своего раннего научного творчества (1950–1960-е гг.) Пайпс выпускал отдельные статьи [Pipes 1955; Pipes 1960] и небольшие монографии [Pipes 2005] в русле этого направления, они чаще всего отличались фрагментарностью и сосредоточением на узких промежутках деятельности того или иного мыслителя. Книга «Струве: левый либерал» [Пайпс 2001а], в свою очередь, представляет собой глубокий всесторонний анализ биографии Струве с самого детства до начала Первой русской революции 1905 г., а также интеллектуального фона, социально-политического контекста и окружения мыслителя в то время.

Пайпс подчеркивал, что уже с юношеского возраста политические воззрения Струве были либерально детерминированы. Социал-демократические идеи, которыми мыслитель увлекся в начале 1890-х гг., в свою очередь, были ему «имплантированы». Они стали промежуточным этапом на пути к политической зрелости, а именно либерализму, который ассоциируется «с абсолютным добром и является конечной целью политики, тогда как социализм выступал лишь в качестве средства» [Пайпс 2001а, с. 93]. Однако даже то политическое движение, от которого Струве позже откололся, в теоретическом плане во многом оставалось его детищем: «И если Плеханов вне всяких сомнений является первым российским социал-демократом, то Струве можно назвать первым социал-демократом в России» [Пайпс 2001а, с. 105].

В качестве дополнительного подтверждения неустойчивости социалистического движения в России конца XIX в. Пайпс указывал на то, что Карл Маркс не был понят русскими интеллектуалами (эта мысль фигурировала и в работах М.М. Карповича [Карпович 2012, с. 265] – учителя Пайпса) и был крайне удивлен широкой популярностью своих трудов в России, т. к. «никогда не скрывал своего отвращения ни к анархистам, ни к славянам» [Пайпс 2001а, с. 73].

Важную роль в исследовании также играет фигура В.И. Ленина, с которым Струве сотрудничал в течение нескольких лет. Над ранним периодом его интеллектуальной биографии (1887–1900 гг.) Пайпс работал в конце 1960-х гг. [Pipes 1968]. Существенная часть выводов статьи вошла в эту монографию. Ученый высказывал мысль о том, что Ленин стал революционером случайно, всячески подчеркивая народническое прошлое будущего вождя пролетариата. Ленин представля-

ется историку как ограниченный и аскетичный юноша, чьи мысли и действия были заточены исключительно на претворение в жизнь революции. Пайпс уже в начале 1890-х гг. обнаружил у Ленина «тоталитарные интенции» [Пайпс 2001а, с. 204].

Струве, в свою очередь, постепенно отходил от социал-демократических установок и начинал сомневаться в непогрешимости марксизма: «Чем глубже Струве вникал в теорию стоимости Маркса, тем больше поражался ее непоследовательности» [Пайпс 2001а, с. 330]. В 1900 г. он еще верил в «возможность сочетания марксистской социологии и не-марксистской экономики» [Пайпс 2001а, с. 331]. Однако «порвать» с Марксом он смог только лишь поверхностно, а после 1905 г. – всерьез [Пайпс 2001а, с. 333]. В процессе отхода Струве от марксизма ухудшались его отношения с социал-демократами и все туманнее становились перспективы дальнейшего сотрудничества. Так, во время переговоров о журнале «Искра» в 1900 г. Ленин внезапно осознал, что ненавидит Струве [Пайпс 2001а, с. 376]. В какой-то момент нападки Ленина на Струве стали не просто полемикой с чуждой ему теорией, а «внутренней потребностью уничтожить человека, являвшегося живым напоминанием о его прошлых ошибках» [Пайпс 2001а, с. 394]. Пайпс в дальнейшем упоминал и о других маниакальных намерениях Ленина, в том числе и о желании последнего расправиться со Струве [Пайпс 2001а, с. 396], но при этом доказательную базу историка составляли источники личного происхождения – воспоминания, мемуары и др.

Таким образом, фигура Струве для Пайпса стала своеобразным ориентиром, образцом для подражания в «клоаке» российского идейно-политического декаданса конца XIX – начала XX в. Струве сумел преодолеть временное социал-демократическое «помешательство», следуя здравому смыслу и проводя скрупулезную научную работу. Он осознал всю ошибочность социалистического движения, отсеял «вредоносные» элементы (Ленина и его соратников) и встал на путь конституционалиста-либерала. Мыслитель начал отходить от своих прошлых политических убеждений как раз в период идейного кризиса Ленина, в результате которого были сформулированы основные постулаты большевизма. Плоды стараний Струве в итоге были вознаграждены в 1905 г. с началом революции и учреждением Государственной Думы.

На протяжении своей академической карьеры с 1950-х до 1970-х гг. Пайпс всегда отличался высокой работоспособностью и творческой плодовитостью. Всем его крупным трудам предшествовало апробирование материала в виде статей или докладов. Бывало, что в ходе работы над книгой ученый находил для себя смежные по хронологии сюжеты и за год успевал написать еще одно довольно крупное исследование. В частности, в 1963 г. из-под пера историка вышла небольшая монография «Социал-демократия и рабочее движение в Санкт-

Петербурге, 1885–1897 гг.», которую он охарактеризовал как «побочный продукт» к биографии Струве [Pipes 1963, p. XI].

В этой связи предварительная работа над книгой «Россия при старом режиме» значительно выбивается из привычной манеры публикаторской деятельности ученого. Об этом также свидетельствует полный библиографический список всех его работ, составленный Дэли в примечаниях к переписке Пайпса с М. Раевым [Daly 2018a, pp. 367–386]. В промежуток с 1970 по 1974 г. не вышло ни одной статьи, посвященной сюжетам российской истории до XIX в. Однако заметно, что взор Пайпса преимущественно был сосредоточен на политических проблемах современности. На наш взгляд, эти факторы свидетельствуют о форсированном сборе источников и идеологической ангажированности ученого в процессе написания труда.

Исследователь сформулировал собственное видение российской истории, начиная с расселения славян в V–VII вв. и заканчивая рубежом XIX и XX столетий. Ядром политического и общественного устройства, по утверждению Пайпса, является отношение правителей к власти и собственности. По мнению историка, российские правители в период с XII до XVII в. и с некоторыми перерывами вплоть до времени непосредственного создания книги рассматривали свои владения как собственную «вотчину». Соответственно режим, сложившийся в России, Пайпс окрестил «вотчинным». Характерными свойствами этого режима являются тотальное подавление права на частную собственность у подданных и отсутствие четкого разграничения между государством и обществом. Термин «вотчинный режим» историк заимствовал у М. Вебера, а последний, в свою очередь, «вызволил его из небытия и пустил в современный научный оборот» [Пайпс 1993, с. 38]. Соответственно «вотчинный тип правления» не был открыт и описан немецким социологом. Пайпс отмечал, что в различные периоды истории это понятие уже использовалось, а сами примеры «вотчинного правления» имели место в древних государствах (Египет Птолемея, Пергам при Атталидах и др.) [Пайпс 1993, с. 40].

По мнению О.В. Большаковой, ученый «совершенно не упоминает» о «концепции вотчинной монархии» российской историко-юридической школы второй половины XIX в. [Большакова 2008, с. 43], на которую, в частности, опирался сам Вебер в своих работах о России. Однако это утверждение не вполне корректно. Пайпс упомянул юридическую школу, но под наименованием «государственной школы», а также в предисловии указал на ее «основательность». «Государственной» ее стали называть в советской историографии [Иллерицкая 2002, с. 10]. Этот факт свидетельствует о том, что Пайпс был неплохо знаком со своими идеологическими оппонентами.

Незыблемым идеалом государственно-правового устройства для Пайпса являются западноевропейские страны. Если перевести идею

ученого в геометрическую плоскость, то исторический процесс (по крайней мере, в России) он видел как некоторую синусоиду, минусовые значения которой занимают периоды «вотчинного устройства». Когда Россия пыталась ступить на рельсы европейского пути, «вотчинный режим» несколько ослаблялся, а исторический процесс приобретал прогрессивный характер.

«Вотчинная модель» выстроила порядок эффективного государственного управления, который непропорционально подавлял интересы и свободу одних классов и удовлетворял потребности других. Лишь в промежуток с середины XVII по первую четверть XVIII в. российские правители стали осознавать, что мощь их вотчины скорее видимая, нежели реальная, что поспособствовало «частичному свертыванию вотчинного уклада». Индикатором к этому во многом стали трудности и неудачи на военном поприще.

Однако при Николае I политические преследования начали приобретать упорядоченный системный характер, что было вызвано восстанием декабристов [Пайпс 1993, с. 379–380]. Пайпс увидел прямые аналогии между царствованием Николая I и советской властью, сравнив, в частности, уголовный кодекс 1845 г. с советскими вариантами 1926 и 1960 гг. [Пайпс 1993, с. 383–384].

К середине XIX в. ни одна из общественных групп «старого режима» не высказывала настоятельного желания активно участвовать в политической жизни. Единственной политически активной прослойкой населения была интеллигенция.

Поворотным моментом для Пайпса явилось убийство Александра II. С началом своего правления император стремился положить конец своеволию бюрократического аппарата и создать правовое государство. Однако при Александре III последовала модификация и систематизация репрессивных мер прошлых лет [Пайпс 1993, с. 398]. Установившаяся система стала прообразом будущего советского режима. Тем не менее Российскую империю конца XIX – начала XX в., по мнению ученого, нельзя назвать тоталитарным государством в классическом виде в связи с наличием ряда прорех и недостатков в исполнительной и правовой системе. Заполнить эти лакуны и упорядочить репрессивный аппарат удалось большевикам.

Однако Пайпс еще не решался формулировать рецепт для излечения России от исторически присущего ей тоталитарного недуга. Наставническую и терапевтическую позицию по отношению к объекту своего изучения он занял позже, в 1990–2010-х гг. [Пайпс 2015].

Не отрицая научный характер исследования, формат написанного Пайпсом текста скорее можно охарактеризовать как «размышления на тему», объединенные единой идеей, или же учебник (собственно, «Россия при старом режиме» некоторое время использовалась в американских вузах в качестве учебника), а не полноценную научную

монографию. Об этом свидетельствуют несколько маркеров: немногочисленные ссылки, узкая источниковая база, фактические ошибки, которые, впрочем, не оказывали существенного влияния на развитие концепции, а также эластичные и во многом неограниченные хронологические рамки.

Прослеживается стремление ученого подогнать факты под заранее сформулированную априорную модель. Пайпс изначально поставил перед собой цель найти истоки тоталитаризма в дореволюционной истории России [Пайпс 1993, с. 11]. Свою установку он реализовал в полной мере. Прообразы тоталитарного государства ему удалось найти в период Московского царства, а в отдельных случаях и раньше. «Хладнокровная работа скрупулезного вивисектора над трупом с заранее заданной целью подтвердить уже предопределенный диагноз» [Вельяминов 2005, с. 46], – так охарактеризовал труд Пайпса Г.М. Вельяминов.

В 1976 г. в жизни ученого произошли значительные перемены. По инициативе Джорджа Буша-ст., тогда еще директора ЦРУ, была сформирована «Команда Б». Осуществлено это было с целью проведения независимой экспертизы советской угрозы в противовес «Команде А», состоявшей из аналитиков ЦРУ. «Команду Б» возглавил Пайпс. Ему также была дана возможность выбора части помощников. По собственным воспоминаниям, к работе он привлек Пола Нитце, Дэниела Грэма, Пола Вулфовица и др. [Пайпс 2005, с. 215–216].

В ноябре 1976 г. в штаб-квартире ЦРУ стороны встретились и представили свои тезисы. Так как в составе «Команды А» были молодые и неопытные специалисты, Пайпс и его «Команда» без каких-либо осложнений «в пух и прах разнесли» доводы оппонентов [Пайпс 2005, с. 217]. Основной вывод «Команды Б» заключался в недооценке американскими властями масштабов советского вооружения и наступательных намерений заокеанского противника и, как следствие, необходимости отхода от политики детанта.

Пайпс отметил два главных последствия работы «Команды Б»:

Во-первых, она настолько глубоко повлияла на Рейгана и на мышление его администрации, что некоторые журналисты поначалу обозначали администрацию Рейгана как «Команду Б». Во-вторых, ее деятельность внесла вклад в улучшение процедуры разработки оценок ЦРУ [Пайпс 2005, с. 224].

И действительно, при Рейгане к власти примкнули так называемые алармисты (к ним относился и Пайпс), отстаивавшие жесткий курс в отношении СССР и отвергавшие политику разрядки. «Алармистам» противостояли «ревизионисты», а уже позже появились «реалисты», занявшие умеренные позиции в этом вопросе.

Тем не менее современные исследователи пришли к однозначному заключению о существенной переоценке в выводах «Команды Б». Широкой огласке ее деятельность подверглась в конце 1976 г., когда информация о работе просочилась в прессу. Между тем мысль о преувеличении советской угрозы экспертами прозвучала еще в 1977 г. Тогда же (в частности, по инициативе З. Бжезинского) была создана секретная комиссия для анализа деятельности «Команды Б».

Однако Пайпс до конца жизни продолжал отстаивать состоятельность и правдивость собственных умозаключений, а также их значимость во влиянии на внешнюю политику Соединенных Штатов Америки тех лет и, как следствие, победе в холодной войне. Ученый, погружившись в контекст исторического развития обеих стран, развил тезис о наступательном характере внешней политики СССР. Летом 1977 г. вышла статья с крайне провокационным названием – «Почему Советский Союз думает, что он мог бы сражаться и выиграть ядерную войну» [Pipes 1977]. Д. Дэли, как, впрочем, и сам Пайпс, считает, что данная статья вызвала наибольший резонанс из всего того, что он когда-либо писал [Daly 2018b, p. 8; Пайпс 2005, с. 226].

Во второй половине десятилетия Пайпс все глубже погружался в работу в государственных структурах США: «Благодаря предшествующей деятельности я был вовлечен в большую политику, хотя у меня было мало связей в этой среде и большую часть времени я посвящал историческим исследованиям» [Пайпс 2005, с. 229].

После президентских выборов 1980 г. Ричард Аллен, назначенный главой Совета национальной безопасности (далее – СНБ), собрал команду из экспертов, «не связанных с бытовавшими представлениями о разрядке и контроле над вооружениями как основе американской внешней политики» [Пайпс 2005, с. 230]. В эту команду вошел и Пайпс. Историк описывал годы работы в СНБ как довольно напряженные. Он был уверен, что Аллен видел в нем потенциального соперника и поэтому всячески препятствовал его выходу из тени: «Всему, что могло повысить мою репутацию, чинились препятствия, а любой признак положительного отношения ко мне со стороны вызывал раздражение» [Пайпс 2005, с. 232], – позднее признавался ученый. В качестве одного из примеров Пайпс приводит тот факт, что за время работы в СНБ он присутствовал на совещании лишь единожды и ни разу не информировал президента лично [Пайпс 2005, с. 232]. Однако, невзирая на подобное отношение к Пайпсу, Аллен пригласил историка на должность в одну из групп советников Рейгана [Пайпс 2005, с. 233].

Параллельно с этим гарвардский историк усиленно занимался и научной деятельностью. В 1980 г. был издан второй том биографии Струве. В нем Пайпс сосредоточился на жизни и творчестве политика с 1905 г. до его смерти в 1944 г. Пайпс продолжил линию либерально-

националистической детерминированности взглядов Струве. Однако в хронологический период 1905–1944 гг., по его мнению, подавленный либерализм политика уже окончательно избавился от социал-демократической пелены.

Либерализм Струве имел ряд отличительных особенностей, претерпевая серьезные изменения на протяжении всей жизни мыслителя (вплоть до недолговременной симпатии мыслителя к Гитлеру в 1930-х гг., а также монархического уклона в конце жизни). По мнению Пайпса, либерализм вкупе с национализмом оказались для Струве основополагающими жизненными постулатами. Они пронизывали и объединяли вокруг себя комплекс его политических, научных и философских представлений. Невзирая на резкие трансформации взглядов Струве, он всегда оставался верен основным либеральным принципам – свободе слова и совести и, что наиболее важно, частной собственности. Без последней, по мнению и Струве, и Пайпса, истинная свобода человека невозможна. Как в дальнейшем признавался историк:

Когда мое внимание привлекла проблема частной собственности и ее отношение к политической свободе, я обнаружил, что мои мысли по этому поводу, осознанно или нет, удивительным образом основывались на идеях Струве [Пайпс 2005, с. 157–158].

Струве для Пайпса являлся крайне неординарным политиком и мыслителем, опережавшим свое время. Его интеллектуальные изыскания представляли собой энциклопедическую амальгаму, неспособную уместиться в масштабах программы той или иной политической партии. По этой причине Струве всегда оставался несколько непонятым и, если угодно, «непримкнувшим» мыслителем. Примечательно, что в 1915 г. в рядах кадетской партии, в основании которой он принимал деятельное участие, для него также не оказалось места [Пайпс 2001b, с. 280].

Путеводной звездой и главной исследовательской проблемой для Струве стала революция: «В юности он размышлял о том, как не допустить ее, в зрелом возрасте – как направить ее в созидательное русло, в старости – как с ней справиться» [Пайпс 2001b, с. 374]. Таким образом, Струве во многом оказался заложником своих прошлых политических решений и пристрастий. К примеру, в 1921 г. и позднее в эмиграции про него говорили, что он «несет личную ответственность за деяния Ленина и Сталина» [Пайпс 2001b, с. 395].

Рассматриваемая монография стала для Пайпса также и своеобразной пробой пера перед многотомным трудом «Русская революция». Ученый сквозь призму жизненной траектории Струве проследил ключевые события в России 1917 года.

Апологетический характер исследования нередко затмевал взор автора. На протяжении двух томов, описывая Струве как непримиримого интеллектуала, вступающего в полемику по значительным и незначительным поводам, в его эмигрантский период жизни Пайпс присвоил мыслителю «свойственную ему идейную терпимость» [Пайпс 2001b, с. 448]. В конце своего исследования Пайпс закономерно пришел к заключению, что ум Струве был «самым мощным умом, рожденным в России в XX веке» [Пайпс 2001b, с. 560].

Так двухтомник гарвардского профессора стал первым последовательным анализом жизни и творчества Струве. Пайпс посвятил работе над этим исследованием с небольшими перерывами более двадцати лет. В будущем историк неоднократно обращался к жанру интеллектуальной биографии, в рамках которой был написан данный труд. Помимо этого, политические, социальные и философские представления мыслителя, несомненно, сказались и на системе взглядов самого Пайпса.

Таким образом, период 1970–1980 гг. стал переломным в жизни и творчестве Р. Пайпса. В это десятилетие ученый впервые сформулировал последовательную концепцию истории России, представил глубокий и всесторонний анализ биографии Струве в русле интеллектуальной истории, а также начал свою недолгую, но оттого не менее яркую работу в высших государственных структурах США.

Монография «Россия при старом режиме» обрела популярность как в Америке, так и за ее пределами. Гибкость и эластичность концепции Пайпса вкупе с едкой и сатирической литературной формой изложения до сих пор привлекают внимание широкого круга читателей. Кроме того, книга использовалась в качестве учебника по истории России в американских вузах.

Двухтомная биография Струве долгое время признавалась центральной работой среди специалистов [Пономарева 2004, с. 8]. Только в последние годы начали появляться исследования о Струве, в которых подвергается сомнению историографическая традиция, ориентированная на монографию Пайпса. К примеру, М.А. Колеров пишет о русофобии гарвардского ученого, которая, по его мнению, придавала исследованию предвзятый и идеологизированный характер [Колеров 2020, с. 7].

Экспертно-аналитическая деятельность Ричарда Пайпса в этот период оказала значительное влияние на содержание дискуссий сторонников и противников политики разрядки международной напряженности. В 1981 г. к власти пришли последние. Администрацию Рейгана в первое время его пребывания у власти называли «Командой Б», а сам Пайпс в 1981–1982 гг. стал личным советником президента по вопросам Восточной Европы и СССР. Тем самым выводы экспертов и Пайпса в особенности (признанные

впоследствии тенденциозными) не могли не сказаться на восприятии Рейганом Советского Союза в условиях угрозы ядерной войны. В связи с этим историческая совесть ученого все больше уступала политическим и идеологическим задачам, которые ему приходилось реализовывать.

Литература

- Бакланов 2022 – *Бакланов Д.А.* Вехи интеллектуальной биографии Ричарда Пайпса: период раннего научного творчества (1950–1960-е гг.) // Гуманитарный акцент. 2022. № 2. С. 65–72.
- Большакова 2008 – *Большакова О.В.* Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. М.: Наука, 2008.
- Вельяминов 2006 – *Вельяминов Г.М.* История российского государства и права в книге Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме» // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 3. С. 45–47.
- Иллерицкая 2002 – *Иллерицкая Н.В.* Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в.: Дис... д-ра ист. наук. М., 2002.
- Карпович 2012 – *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2012.
- Колеров 2020 – *Колеров М.А.* Петр Струве: революционер без масс: 1870–1918. М.: Циолковский, 2020.
- Пайпс 1993 – *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.
- Пайпс 1994a – *Пайпс Р.* Русская революция: Ч. I. М.: РОССПЭН, 1994.
- Пайпс 1994b – *Пайпс Р.* Русская революция: Ч. II. М.: РОССПЭН, 1994.
- Пайпс 2001a – *Пайпс Р.* Струве: левый либерал, 1870–1905. Т. 1. М.: Московская школа полит. исследований, 2001.
- Пайпс 2001b – *Пайпс Р.* Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. М.: Московская школа полит. исследований, 2001.
- Пайпс 2005 – *Пайпс Р.* Я жил. Мемуары непримкнувшего. М.: Московская школа полит. исследований, 2005.
- Пайпс 2015 – *Пайпс Р.* Два пути России. М.: Алгоритм, 2015.
- Пономарева 2004 – *Пономарева М.А.* П.Б. Струве в эмиграции: развитие концепции либерального консерватизма: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2004.
- Daly 2017 – *Daly J.* The Pleiade: Five Scholars Who Founded Russian Historical Studies in the United States. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2017. Vol. 18. № 4. P. 785–826.
- Daly 2018a – *Daly J.* Pillars of the Profession: The Correspondence of Richard Pipes and Marc Raeff. Leiden-Boston: Brill, 2018.

- Daly 2018b – *Daly J. A Scholar with a Sense of Mission // Cahiers du monde russe.* 2018. Vol. 59. № 4. P. 553–566.
- Daly 2019 – *Daly J. Documents from the Archive of Richard Pipes // Ab Imperio.* 2019. Vol. 1. № 4. P. 266–296.
- Jindra, Behringer 2022 – What Richard Pipes Would Say Today? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americanpurpose.com/articles/what-would-richard-pipes-say-today/> (дата обращения 20 июля 2022).
- Pipes 1955 – *Pipes R. Max Weber and Russia // World Politics.* 1955. Vol. 7. № 3. P. 371–401.
- Pipes 1960 – *Pipes R. Russian Marxism and Its Populist Background: The Late Nineteenth Century // The Russian Review.* 1960. Vol. 19. № 4. P. 316–337.
- Pipes 1963 – *Pipes R. Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement, 1885–1897.* Cambridge: Harvard University Press, 1963.
- Pipes 1968 – *Pipes R. The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin // Revolutionary Russia / Ed. by R. Pipes.* Cambridge: Harvard University Press, 1968. P. 26–52.
- Pipes 1970 – *Pipes R. Russia's Mission, America's Destiny // Encounter.* 1970. Vol. 4. № 35. P. 3–11.
- Pipes 1977 – *Pipes R. Why the Soviet Union Thinks It Could Fight and Win a Nuclear War // Commentary.* 1977. Vol. 44. № 1. P. 21–34.
- Pipes 2005 – *Pipes R. Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis by Richard Pipes.* Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.

В.Д. Евплов

«О Евгении Моисеевне Тальман
не могу не сказать особо...»:
вклад Е.М. Тальман в развитие археографии

Статья посвящена научной деятельности доцента кафедр теории и практики архивного дела и археографии Московского государственного историко-архивного института с 1947 по 1969 г. Евгении Моисеевны Тальман. Изучаются взгляды ученой на различные вопросы истории археографии, методики документальных публикаций. Подробно анализируются ее научные труды, среди которых есть и один неопубликованный. Исследование и анализ указанных трудов способствуют осознанию роли Е.М. Тальман в развитии отечественной археографии и являются вкладом в изучение истории кафедры археографии Историко-архивного института.

Ключевые слова: Е.М. Тальман, Историко-архивный институт, археография, публикация, легенда, С.Н. Валк, М.Н. Покровский

Актуальность изучения научного наследия и вклада в развитие археографии Е.М. Тальман, на наш взгляд, может быть выражена словами ее ученика В.А. Черных, сказанными на круглом столе, посвященном проблемам преподавания археографии в Российском государственном гуманитарном университете в 2007 г.:

...я с горьким чувством заметил, что в преамбуле к этому документу, с которым мы ознакомились, где перечислены многие преподаватели кафедры археографии, забыта Евгения Моисеевна Тальман, – то есть она попала в число “и др.”. Хотя она очень многое сделала – читала лекции, много лет вела практические занятия, руководила археографической практикой студентов...» [Черных 2008].

Прибавим к этому еще и то обстоятельство, что Е.М. Тальман является автором книг (в соавторстве с коллегами по кафедре) и представляющих немалый интерес научных статей, посвященных истории археографии и методике публикаций документов.

Д.М. Эпштейн и Е.М. Тальман (справа) принимают экзамены

До сих пор не существовало труда, специально посвященного анализу работ Е.М. Тальман, хотя специалистами неоднократно предпринимались попытки осмысления развития археографической мысли в Московском государственном историко-архивном институте (далее МГИАИ) в 50–60-е годы – то есть именно в то время, когда Евгения Моисеевна находилась в составе кафедры и преподавала в институте. В качестве примера можно привести статьи А.Д. Степанского [Степанский 2008] и А.Б. Безбородова [Безбородов 2018]. Оба автора лишь упоминают Е.М. Тальман как соавтора научных пособий и автора статей по археографии, не рассматривая тексты подробно. Единственным исключением стала упомянутая А.Д. Степанским статья Е.М. Тальман «К вопросу о передаче содержания документов в форме регест и таблиц».

Как мы уже говорили, Е.М. Тальман разрабатывала как исторические, так и методические аспекты археографии. Особого внимания в данном контексте заслуживает статья «Публикация дипломатических документов советскими научными учреждениями в 1920–40 годах» [Тальман 1960], изданная в МГИАИ отдельной брошюрой. Несмотря на «историческую» тему, данная статья посвящена и методическим вопросам публикации дипломатических документов. Рассмотрение методических аспектов не находится здесь в тени описания перипетий развития советской археографии в начале века, а гармонично сосуществует с исторической частью, будучи как бы «вплетенным» в повествование и дополняя работу. Из сборников документов, выпущенных Архивным управлением Народного комиссариата иностранных

дел, Е.М. Тальман выделяет несколько, на примере которых, последовательно описывая их достоинства и недостатки, показывает, что может снизить качество археографической публикации дипломатических документов, а что, наоборот, окажет существенную помощь читателю.

Можно выделить несколько критериев, по которым Е.М. Тальман оценивает качество археографических публикаций в своей статье: актуальность выбранной авторами сборника темы (насколько та или иная тема отвечает политическим задачам государства и запросам общества в период выхода публикации); представление документов в публикации (качество подбора документов для максимально полного раскрытия темы, передача текста, внешнее оформление текста); наличие научно-справочного аппарата и его качество. На примерах из сборников Е.М. Тальман показывает, какие требования стоит предъявлять к публикации, начиная с самых общих, например подбора документов для наиболее полного раскрытия темы, или необходимости в составлении качественной археографической легенды и заканчивая теми требованиями, которые отражают специфику публикации именно дипломатических документов. Мысли Е.М. Тальман по этому поводу особенно интересны.

В частности, она дает свой ответ по вопросу о публикации документов на иностранных языках. Она считает, что подобные документы должны воспроизводиться на языке оригинала и сопровождаться переводом на русский язык, а не печататься только в переведенном виде с указанием языка оригинала, как это было сделано почти во всех рассматриваемых сборниках документов. Также хорошим (но необязательным) приемом Е.М. Тальман считает напечатание нескольких страниц документа в виде факсимиле, чтобы читатель имел возможность проверить не только качество перевода, но и качество передачи текста документа в целом. Интересны замечания Е.М. Тальман по вопросам передачи текста с учетом специфики дипломатических документов. Так, она указывает на неприемлемость изъятия из текста дипломатической переписки начальных и заключительных фраз, обращений и форм вежливости. Они далеко не всегда стереотипны, а могут отражать отношения между корреспондентами.

Е.М. Тальман

Подтверждая свои тезисы, обосновывая каждую методическую ошибку публикаторов прошлого, Е.М. Тальман приводит большое количество примеров. В качестве «исторической» ее работа ценна большим количеством фактического материала и может быть использована для изучения истории отечественной археографии 20–40-х годов, для ознакомления с историей архивного дела в СССР. Статья содержит информацию о внешнеполитической ситуации до и во время выхода сборников документов, о лицах, принимавших участие в подготовке публикаций, об истории сборников (от возникновения идеи до практической реализации) и т. д.

Говоря о других работах Е.М. Тальман, следует сказать, что Евгения Моисеевна проявила себя как разносторонний исследователь, способный уделять внимание разным эпохам. Занимаясь в основном историей ранней советской археографии, она пишет также об археографии в период «развернутого строительства коммунизма» [Корнева, Тальман, Эпштейн 1967], то есть фактически о современной на тот момент обстановке, и почти одновременно переносит в далекое прошлое, описывая процесс становления «публикаторских навыков»¹ у наших предков с XI по XVIII столетие [Корнева, Тальман, Эпштейн 1969] в первой главе учебного пособия «История археографии в дореволюционной России». Раздел данного пособия, написанный Е.М. Тальман, содержит подробный анализ документальных публикаций XVIII в., множество исторических фактов, наглядно иллюстрирующих процесс накопления опыта по работе с документами, начиная с использования исторических источников автором «Повести временных лет». Показывая упомянутый процесс, Е.М. Тальман делает выводы о постепенном приходе «науки» в процесс публикации документов, осуществлявшийся на ранних этапах в сугубо практических и политических целях. По мнению А.Б. Безбородова, это учебное пособие

...формировало представление об археографии как исторической дисциплине интегрирующего содержания, которая не может развивать методику без широких междисциплинарных связей, не опираясь на собственную историю и опыт [Безбородов 2018, с. 115].

Можно выделить и исторический период, которому Е.М. Тальман уделяет больше всего внимания в своих работах. Это 20–40-е гг. XX в. Этому времени Е.М. Тальман посвятила статьи «Значение труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”»², «Археографическая деятельность Централархива в 20–30-х гг.» [Тальман 1962], «Публи-

---

¹ Условный для раннего периода истории термин, введенный Е.М. Тальман.

² ЦГА Москвы. Ф. Л-110. Оп. 1. Ед. хр. 307. Л. 1–33.

кация дипломатических документов советскими научными учреждениями в 1920–40-х годах» (подробно разобрана нами выше) и § 2–4 второго издания учебного пособия «История советской археографии», явившегося, по сути, первым пособием по истории советской археографии.

Исследуя означенный период, Е.М. Тальман стала первым ученым, обратившим пристальное внимание на журнал «Красный архив», издававшийся в 1922–1941 гг. и осуществлявший документальные публикации. Отдельная часть статьи «Археографическая деятельность Центрархива в 20–30х гг.» посвящена именно «Красному архиву» [Тальман 1962, с. 77–79]. Здесь Е.М. Тальман обращается к истории издания, приводит различные факты, обнаруженные при анализе публикаций в журнале. Некоторые из этих фактов столь же любопытны, сколь анекдотичны. Например, при переводе иностранного дипломатического документа для публикации в журнале выражение «*Voim general*», означающее «общий подъем», не вникнув в контекст, перевели как «генерал Бум» [Тальман 1962, с. 79]. Другой переводчик однажды обозначил фамилию Tonton как город в Румынии.

Позднее, в 1975 г., Т.В. Батаева, коллега Е.М. Тальман по кафедре, опубликовала статью «Документы по истории рабочего движения периода революции 1905–1907 гг. в журнале “Красный архив”» [Батаева 1975], продолжив дело анализа публикаций в знаменитом археографическом журнале. Т.В. Батаева очень тепло отзывалась о своей коллеге, ставшей ей за годы работы настоящим другом:

О Евгении Моисеевне Тальман не могу не сказать особо. Для меня она стала настоящим другом на всю жизнь. Внешне весьма строгая, со сложным и властным характером, внутренне это был чуткий, очень ранимый человек, всегда готовый прийти на помощь. Главным стержнем ее души было стремление к справедливости и добру [Батаева 2005].

Не могла Е.М. Тальман обойти вниманием и личность известного историка М.Н. Покровского, внесшего существенный вклад в развитие археографии и архивного дела в 20–30-е годы. В личном фонде И.Л. Маяковского хранится машинописная копия статьи Е.М. Тальман «Значение труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»³, которую профессор сохранил для изучения и цитирования в собственных работах. Сведений о публикации данной статьи в каком-либо издании, как и другой информации о ней, нам обнаружить не удалось. Велика вероятность, что данная статья была подготовлена для выступления на внутриинститутском собрании, конференции или кружке не ранее 1951 г. В данной статье, помимо всего про-

³ ЦГА Москвы. Ф. Л-110. Оп. 1. Ед. хр. 307. Л. 1-33.

чего, Е.М. Тальман касается деятельности Покровского, критикуя ее с марксистской точки зрения. Она сообщает следующие методологические ошибки археографических публикаций, сделанных под влиянием «школы Покровского»: отсутствие полного исследования всех источников по теме, из-за чего публикации носят выборочный характер; отсутствие каких-либо правил публикации документов; некачественные предисловия, никак не связанные с публикуемыми материалами и игнорирующие фактический ход исторического развития; изложение документов «на память», с искажением их содержания; недостаток примечаний к публикуемым документам; некачественные заголовки публикаций. Большинство из этих замечаний вполне справедливы, но некоторые, как нам кажется, связаны не столько с недостатками работы М.Н. Покровского и его «школы», сколько с объективным развитием археографии в СССР в то время. Е.М. Тальман и другие критики «школы» связывают большую часть из этих ошибок с антимарксистскими взглядами М.Н. Покровского на историю и его буржуазно-объективистским подходом к публикации. Взгляды М.Н. Покровского в рассматриваемой статье объявляются антиисторическими, а он сам – фактически лжеученым.

В своих дальнейших работах по археографии Е.М. Тальман продолжает последовательно критиковать взгляды Покровского. Замечания Евгении Моисеевны очень схожи с теми, которые были выделены нами в рассмотренной выше статье. Это справедливо, например, для сборника «Пугачевщина», который она рассматривает в работе «Археографическая деятельность Центрархива в 1920–1930-х годах» (1962). Здесь Е.М. Тальман повторяет тезисы, высказанные ей в статье «Значение труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”». Не изменяет Е.М. Тальман своим взглядам и в книге «История советской археографии» (1966).

Несмотря на то что в своих исследованиях Е.М. Тальман, как мы видим, придерживается сходного мнения о влиянии М.Н. Покровского на археографию, нужно заметить, что в сравнении со статьей «Значение труда И.В. Сталина...», в последующих работах тон критики знаменитого историка стал гораздо менее резким. В своих поздних работах Тальман не отказывает Покровскому в статусе ученого, внесшего важный вклад в историческую науку, и отмечает, что многие методологические ошибки публикаций, осуществленных при его участии, связаны не с его влиянием, а являются лишь результатом недостаточного развития советской археографии в тот период. Более того, в статье «Археографическая деятельность Центрархива в 20–30-х гг.» Е.М. Тальман даже опровергает негативное мнение, сложившееся о Покровском в контексте недооценки им источников раннего периода. Она отмечает, что именно по инициативе Покровского было организовано обследование древлехранилища Троице-Сергиевой лавры.

Говоря о вкладе Е.М. Тальман в развитие методики публикаций, следует начать со статьи «Археографическое оформление документов при их публикации» [Тальман 1957], которая явилась «попыткой рассмотреть вопросы, связанные с важным процессом публикаторской работы – археографическим оформлением документов, т. е. с процессом составления заголовков и контрольно-справочных сведений к документам» [Тальман 1957, с. 66]. «Контрольно-справочные сведения» – термин, впервые введенный Е.М. Тальман в указанной статье для замены термина «легенда», по мнению ученой и ее коллег по кафедре, устаревшего и неопределенного.

Приведем здесь полностью определение контрольно-справочных сведений и их состав: «Контрольно-справочные сведения являются важной составной частью археографического оформления документов при их публикации. Они создают возможность удостовериться в наличии оригинала публикуемого документа, проверить всю работу археографа, начиная от выявления и отбора документов для публикации и кончая научно-справочным аппаратом к изданию документов. В этих целях они включают указания на место хранения публикуемого документа и его шифр. Исковые данные в контрольно-справочных сведениях, наряду с археографическим предисловием, где приводится характеристика использованных архивных фондов и документов, включенных в публикацию, а также обоснование принципов отбора документов и методов их археографической обработки позволяют им осуществить указанную функцию. Шифр публикуемого документа облегчает также при необходимости быстрое разыскание документов, связанных с ним, но не включенных в издание» [Тальман 1957, с. 87].

Кроме того, в состав «сведений» Е.М. Тальман включает указания на внешний вид документа и его подлинность, а также ссылки на предыдущие издания. Таким образом, неопределенный термин «легенда» был предложен к замене на конкретный «контрольно-справочные сведения», с четким ограничением по составу таких сведений и обязательным использованием всех элементов при составлении публикации.

На статью Е.М. Тальман обратил внимание сам С.Н. Валк, подробно разобрав все, что касается «контрольно-справочных сведений» в своей статье «Археографическая “легенда”» [Валк 1972]. Ученый подверг критике предложенное определение, заявив, в первую очередь, о его неполноте. В состав «сведений» не включаются данные об авторе, дате, месте создания документа, то есть, по Валку, такое определение отрицает обязанности археографа «дать отчет о своей работе» и фактически «оставляет без внимания самую сложную часть работы археографа». С.Н. Валк замечает, что археограф для облегчения задачи историку, работающему с документом, должен предоставить как мож-

но больше информации об источнике, а что еще важнее – обосновать указанные сведения: датировку, указание автора и прочее. Е.М. Тальман предполагает помещать такую информацию не в «легенде» или «сведениях», а в текстуальных примечаниях.

С.Н. Валк тем не менее согласился с Е.М. Тальман во многих аспектах – к примеру, в вопросе о необходимости указывать сведения о подлинности документа, о его состоянии, об архивном шифре и т. д. Цитату Е.М. Тальман о том, что «в зависимости от того, является документ подлинником, копией (какой копией), черновиком, отпуском, у читателя будет складываться то или иное отношение к изучению документа» [Тальман 1957, с. 88], он и вовсе повторяет несколько раз.

Термин «контрольно-справочные сведения» продолжал использоваться на кафедре, в том числе самой Е.М. Тальман. К примеру, он употребляется в «Методическом пособии по археографии» [Селезнев, Тальман 1958] в пятой главе «Археографическое оформление документов» за авторством Е.М. Тальман. Здесь, однако, термин «сведения» приравнивается к «легенде» и сосуществует с ним в одном подзаголовке. В остальном Е.М. Тальман продолжает настаивать, что «не следует включать в контрольно-справочные сведения обоснований выбора текста, датировки и авторства» [Селезнев, Тальман 1958, с. 181]. Термином «контрольно-справочные сведения» она пользовалась и в своих статьях.

Проанализированный нами корпус работ Евгении Моисеевны Тальман, на наш взгляд, позволяет по достоинству оценить ее вклад в развитие археографии. Е.М. Тальман проявила себя как разносторонний исследователь, открывающий читателю ценные факты о публикаторской работе наших предшественников, обращающий внимание на необычные и интересные темы, вносящий свой вклад в развитие методики документальных публикаций. Научное наследие Е.М. Тальман – часть истории советской археографии 50–60-х годов, всестороннее исследование которой началось сравнительно недавно и, надеемся, впоследствии будет продолжено. Изучение и анализ работ Евгении Моисеевны и ее коллег внесет существенный вклад в сохранение памяти о работе кафедры археографии в Историко-архивном институте, и также должно продолжаться.

Литература

Батаева 1975 – Батаева Т.В. Документы по истории рабочего движения периода революции 1905–1907 гг. в журнале «Красный архив» // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1975. С. 129–141.

Батаева 2005 – «Наш набор 1945 г. был первым послевоенным...»: Воспоминания профессора Т.В. Батаевой об Историко-архивном институте // Архи-

- вы России URL: <http://portal.rusarchives.ru/publication/bataeva.shtml> (дата обращения 20.08.2022).
- Безбородов 2018 – *Безбородов А.Б.* Научная школа археографии в Историко-архивном институте: история и современность // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2018. № 5 (38). С. 109–122.
- Валк 1972 – *Валк С.Н.* Археографическая «легенда» // Открытый текст [Электронный ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/history/archeography/publication/rules/valk-s-n-arheograficheskaja-legenda/> (дата обращения 20.08.2022).
- Корнева, Тальман, Эпштейн 1967 – *Корнева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М.* История советской археографии. Вып. 6. Археография в период развернутого строительства коммунизма / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. Кафедра археографии. М., 1967. 110 с.
- Корнева, Тальман, Эпштейн 1969 – *Корнева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М.* История археографии в дореволюционной России: Учеб. пособие / Под ред. М.С. Селезнева / Моск. гос. ист.-архивный ин-т. Кафедра археографии. М., 1969. 227 с.
- Селезнев, Тальман 1958 – Методическое пособие по археографии / Под ред. М.С. Селезнева, Е.М. Тальман / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1958. 300 с.
- Степанский 2008 – *Степанский А.Д.* Отечественная археографическая мысль середины 1950-х – 1960-х гг. и ее ведущие представители // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2008. № 8 (08). С. 54–89.
- Тальман 1957 – *Тальман Е.М.* Археографическое оформление документов при их публикации // Труды МГИАИ. 1957. № 8. С. 66–94.
- Тальман 1960 – *Тальман Е.М.* Публикация дипломатических документов советскими научными учреждениями в 1920–40 годах. М.: МГИАИ, 1960. 20 с.
- Тальман 1962 – *Тальман Е.М.* Археографическая деятельность Центрархива в 1920–1930-х годах // Археографический ежегодник за 1960 год. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 67–81.
- Черных 2007 – *Черных В.А.* Речь на круглом столе по проблеме «Преподавание археографии в РГГУ: современное состояние и перспективы развития» 4 апреля 2007 г. // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2008. № 8 (08). С. 44–46.

Т.К. Холматов

Коллективные проекты создания исторического атласа СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг.

Одна из актуальных задач в историографических исследованиях – изучение не только истории исторической науки, но и социально ориентированных практик историописания. В советскую эпоху одним из средств трансляции социально ориентированного исторического знания было создание крупных коллективных трудов. С этой точки зрения привлекают внимание два тесно связанных между собой коллективных проекта: «Атлас по истории СССР» и «Материалы к историческому атласу СССР», которые разрабатывались в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в Институте истории АН СССР. На основе делопроизводственных материалов из Архива РАН (АРАН) в статье проанализированы вопросы о времени и обстоятельствах создания проектов. Выдвинуты также предположения о факторах/причинах их нереализованности. В качестве перспективы для дальнейшего изучения отмечена необходимость детального изучения содержания «Атласа по истории СССР» и «Материалов к историческому атласу СССР», а также подобных проектов (как учебных, так и академических) в другие периоды.

Ключевые слова: историческая география, историческая картография, исторический атлас, советская историческая наука, советская историография, коллективное исследование, Институт истории АН СССР

Введение

Коллективное исследование как форма организации научной деятельности позволяет привлечь к работе специалистов из разных научных сфер, создать крупный труд, в котором могут быть детально проанализированы различные аспекты объекта исследования. Коллективные труды историков часто организовываются по проблемно-

---

© Холматов Т.К., 2022

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность Л.Н. Мазур за комментарии по докладу, на основе которого была написана данная статья. Доклад был прочитан на III Межвузовской школе молодых ученых «Один день из жизни ученого: повседневность, коммуникации, смыслы» (РГГУ, 2 апреля 2022 г.).

хронологическому принципу: привлекаются «специалисты по эпохам» с целью рассмотреть процесс / явление на длительном временном промежутке.

Изучение истории подобных крупных проектов позволяет глубже представить степень востребованности различных сторон истории исторической науки или социально ориентированных практик историописания в определенный исторический период, проблемы организации и реализации коллективной формы научной деятельности. В российской историографии ранее рассматривался вопрос создания коллективных исторических трудов в советскую эпоху [Свешникова 2007; Яркова 2009], однако оживленный интерес к данной теме наблюдается на рубеже 2010–2020-х гг., когда стали разрабатываться вопросы о планах и организации коллективных работ, обстоятельствах создания, а также их восприятию в научной среде¹. Стали появляться как обобщающие исследования [Тихонов 2021], так и работы по истории конкретных многотомных проектов, в том числе «Всемирной истории» [Карпюк, Крих 2018; Карпюк, Крих 2019; Карпюк, Крих 2021; Метель 2022], «Очерков истории исторической науки» [Груздинская 2020; Halperin 2021], «Истории СССР» [Кириллова 2021a; Кириллова 2021b], «Истории Византии» [Куц 2022]. Ранее в историографии преимущественно привлекали внимание индивидуальные научные труды (особенно при изучении научных биографий историков прошлых лет). Изучение же практик создания коллективных трудов позволяет расширить представления о способах историописания в советский период.

Примерами таких коллективных проектов были тесно связанные между собой «Атлас по истории СССР» (далее – «Атлас...») и «Материалы для исторического атласа СССР» (далее – «Материалы...»), которые так и не были завершены в предвоенные и военные годы. Настоящая статья посвящена анализу обстоятельств и условий создания этих коллективных проектов, а также преград, стоявших перед их реализацией.

Условия и обстоятельства создания проектов

«Атлас...» и «Материалы...» разрабатывались в Институте истории АН СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Работа над ними, как и многими другими коллективными проектами того времени, была вызвана *социальным заказом*. Создание крупных коллективных трудов, рассчитанных на массового читателя, было одним из векторов представления советской концепции истории. Вместе с тем необходимо

---

¹ В данном контексте следует выделить также организацию секции «Мегапроекты в гуманитарных и социальных науках» на XV Международной конференции «История науки и техники. Музейное дело» (г. Москва, 8–9 декабря 2021 г.).

учитывать и *институциональный фактор* в создании подобных мега-проектов. Перед новообразованным Институтом истории (основан в 1936 г.) стояла задача показать свою эффективность как научно-исследовательского учреждения. Публикация крупных многотомных трудов смогла бы наглядно продемонстрировать высокую степень результативности Института истории [Карпюк, Крих 2018, с. 1015; Тихонов 2021, с. 147–148].

При изучении обстоятельств создания исторического атласа и крупного коллективного исследования по исторической географии необходимо учитывать нараставший с 1930-х гг. интерес к географическому знанию в СССР. Согласно Г.А. Орловой, в этот период «был сформулирован заказ на создание новой версии географического знания и уточнение его политического статуса» [Орлова 2004, с. 164], в результате чего все большее внимание стало уделяться географии в просветительской сфере, в том числе преподаванию в школе. Стала появляться новая учебная литература, в 1934 г. вступило в силу постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании географии в начальной и средней школе», а также появился журнал «География в школе» [Орлова 2004, с. 163–185]. В 1937 и 1940 гг. вышли два тома «Большого советского атласа мира», а в 1939 г. – сборник учебных исторических атласов по истории гражданской войны в СССР [Вспомогательные 1988, с. 71–72]. В довоенные годы схожий процесс создания многотомных проектов наблюдался и в советской географической науке: в конце 1930-х гг. в Институте физической географии АН СССР одно из основных направлений работы – создание «Географии СССР» [Собищев 2021, с. 129]. Необходимо отметить, что «Атлас...» имел в большей степени учебное целеполагание: «“Атлас по истории СССР” должен явиться пособием для вузов и научных работников с тем, чтобы на его основе можно было создать учебный исторический атлас для средней и начальной школы»². С учетом тесной связи «Материалов...» с «Атласом...» можно предположить, что оба коллективных труда были направлены на достижение одной и той же цели.

Заслуживает отдельное внимание вопрос о датировке – начале разработки проектов «Атласа...» и «Материалов...». По-видимому, работа над проектом исторического атласа была начата в последней трети 1938 г. Судя по протоколу совещания при Отделении общественных наук АН СССР от 26 августа 1938 г. на повестке дня одна из главных тем была связана с планом научных работ Института истории в 1938–1939 гг., в том числе крупных коллективных проектов³. Обсуждались не только перспективы работы над «Историей СССР» и «Всемирной историей» (центральными проектами Института истории в предво-

² АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 220. Л. 1.

³ Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 10.

енные годы), но и вопросы о целесообразности разработки и включения в план также коллективных исследований по истории культуры, историческому словарю и историческому атласу⁴. Об обсуждении к тому времени лишь *замысла* коллективного труда по историческому атласу наглядно свидетельствует вопрос А.Д. Удальцова (1883–1958). Историк поинтересовался, какой именно атлас планируется разработать: всемирно-исторический или по истории СССР. На что академик А.М. Деборин (1881–1963) ответил следующее: «Я бы думал пока ограничиться атласом по истории СССР. Вот с этим можно пойти на Президиум и указать на крупный сдвиг в работе Института Истории»⁵.

Можно предположить, что последние месяцы 1938 г. были направлены на разработку основного плана и содержания проекта, а также поиск исследователей для составления исторических карт. Как видно из последующих делопроизводственных материалов, основная работа над «Атласом...» была запланирована на 1939 г. В докладной записке М.Н. Тихомирова⁷ (1893–1965), составленной по заданию Дирекции Института истории АН СССР не позже 8 января 1939 г., излагался проект составления «Атласа...», согласно которому основная работа над коллективным трудом должна проводиться *в течение 1939 г.* и завершиться к 1 января 1940 г.⁸ Многие из отмеченных организационных вопросов были зафиксированы в докладной записке и приложении к ней⁹.

Гораздо труднее установить начало работы над «Материалами...». Обнаруженные делопроизводственные документы позволяют сделать вывод, что проекты были взаимодополняющими: если «Атлас...» рассматривался как *историко-картографический проект*, то «Материалы...» должны были стать в большей степени *историко-географическим описанием* карт. Историко-географические тексты в зависимости от широты темы были рассчитаны на объем от 0,5 п. л. (например, «План Москвы в XVII веке», предполагаемый автор – С.К. Богоявленский (1872–1947)) до 2,5 п. л. (например, «Карты и атласы России в XVIII веке», предполагаемый автор – М.Н. Тихомиров)¹⁰.

---

⁴ Там же. Л. 85–86.

⁵ Там же. Л. 86.

⁶ В машинописном приложении к докладной записке присутствует приписка – «последний вариант на 8/1 39 г.». Там же. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 220. Л. 2.

⁷ В докладной записке (составленной не позже 15 октября 1938 г.) А.М. Деборину М.Н. Тихомиров рассматривался как руководитель проекта по историческому атласу СССР. Там же. Д. 177. Л. 147–148.

⁸ Там же. Д. 220. Л. 1–10б.

⁹ В машинописном тексте (приложение было в двух экземплярах) присутствовал ряд коррективов относительно описания карт и их авторов. Замечу также, что не были отмечены составители ряда карт, особенно по истории XX в. – Там же. Л. 2–11.

¹⁰ Там же. Д. 162. Л. 6–7.

На параллельную разработку и реализацию проектов (как минимум на начальном этапе работы) указывают несколько обстоятельств. Так, названия значительной части предполагаемых работ дублировались и для обоих проектов подбирались одни и те же авторы. Предполагаемые историко-картографические и историко-географические работы по феодальной раздробленности Северо-Восточной Руси должен был подготовить С.Б. Веселовский (1876–1952), по Сибири в XV–XVII вв. и вотчине Строгановых – В.И. Шунков (1900–1967), по Кавказу в XI–XVIII вв. – И.П. Петрушевский (1898–1977) и т. д.¹¹ О параллельной разработке также свидетельствует письмо С.Б. Веселовского Н.В. Устюгову (1896–1963) в середине января 1952 г., в котором отмечено, что «Материалы...» были составлены в 1940 г. [Переписка 2001, с. 493], т. е. тогда же, когда должен быть завершен «Атлас...». Следует подчеркнуть, что С.Б. Веселовский не только разрабатывал карты и тексты для обоих проектов, но, по меньшей мере, в случае «Материалов...» был одним из руководителей (наряду с М.Н. Тихомировым и Ю.В. Готье (1873–1943))¹². В отчете о научной деятельности за первое полугодие 1940 г. С.Б. Веселовский отметил ход работы над обзором к карте феодальных княжеств Северо-Восточной Руси XV в., который планировалось включить в «Материалы...», а также над исторической картой, которая также должна была войти в «Атлас...»¹³.

По всей видимости, «Материалы...» рассматривались как много-томный проект. Об этом может свидетельствовать, во-первых, заглавие сохранившейся незавершенной рукописи: «Материалы для исторического атласа СССР. Том I»¹⁴, а также делопроизводственная документация, в которой перечислены статьи и карты «Материалов...» 1-го выпуска¹⁵. Во-вторых, само содержание труда и перечень тем, вошедших в первый том¹⁶. Хронологически темы заканчивались на XVIII в., т. е. не исключено, что планировались и последующие тома. Заканчивался на том же хронологическом периоде и план «Материалов...»¹⁷. Отмечу, что по плану Института истории второй том другого крупного проекта «История СССР» также ограничивался XVIII в. [Институт истории 2016, с. 41–42], для которого также разрабатывались исторические карты¹⁸. Не исключено, что исторические карты для «Истории СССР» разрабатывались в тесной связи с проектами «Атласа...»

¹¹ Там же. Л. 5–7.

¹² Там же. Оп. 6. Д. 398. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 620. Оп. 1. Д. 340. Л. 1–10б.

¹⁴ Там же. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 398. Л. 1.

¹⁵ Там же. Оп. 5. Д. 191. Л. 19–20.

¹⁶ В Архиве РАН сохранился незаконченный вариант «Материалов...»: Там же. Оп. 6. Д. 398–406.

¹⁷ Там же. Оп. 5. Д. 162. Л. 6–7.

¹⁸ Там же. Л. 1, 13–14.

и «Материалов...». О связи проектов может говорить, например, то, что председателем комиссии по составлению карт для пятитомника «История СССР» был М.Н. Тихомиров, а также тематическая близость (нередко, судя по названиям, и тождественность) карт.

Преграды в реализации проектов

Один из главных факторов незавершенности проектов было начало войны. Сотрудники Института истории АН СССР в результате эвакуации из Москвы оказались в Казани, Свердловске, городах Средней Азии и т. д. Эвакуация нарушила привычный академический труд, планы, контакты с коллегами, а также ограничила доступность источников и историографии для работы. Все это приостановило разработку начатых в довоенный период коллективных проектов и историкам пришлось сменить вектор научной деятельности, адаптироваться под работу, доступную в новых условиях [Метель 2021, с. 142–143].

Не менее важными были проблемы организационного характера. Для осуществления планов «Атласа...» и «Материалов...» требовалось привлечь историков, как правило, сотрудников Института истории. Однако, как видно из различных вариантов плана «Атласа...» и «Материалов...», не для всех карт и глав были найдены авторы¹⁹. По проекту «Атласа...» был выделен перечень карт, не имевших авторов²⁰.

Великая Отечественная война также усилила потребность в специалистах-картографах. Составление карт историками представляло собой лишь один из этапов работы, после чего в работу включались редакторы и рецензенты²¹. Работали над картой и специалисты-картографы, потребность в которых для работы над историческим атласом подчеркивал С.Б. Веселовский в отчете за первое полугодие 1940 г.²² С учетом потребности в картографии для обеспечения запросов фронта, в военные годы «гражданская историческая картография практически не разрабатывалась» [Вспомогательные 1988, с. 72], что, по-видимому, отразилось и на проектах по «Атласу...» и «Материалам...». Более того, нехватка была не только в кадрах, но и в материалах для составления исторических карт. В частности, С.Б. Веселовский в ранее упомянутом отчете подчеркнул необходимость обеспечить картами разных масштабов группу по работе над проектами²³.

¹⁹ Там же. Л. 5–7; Д. 220. Л. 2–11.

²⁰ Там же. Оп. 5. Д. 191. Л. 17–18.

²¹ Там же. Л. 26–60.

²² Там же. Ф. 620. Оп. 1. Д. 340. Л. 1–1об.

²³ Там же.

Немаловажным был также вопрос финансирования проектов. Это относилось не только к «Атласу...» и «Материалам...», но и в целом к крупным коллективным проектам, работа над которыми была начата в довоенный период. Например, в докладе Института истории АН СССР о работе за первое полугодие 1939 г. акцентировалось внимание на финансовых трудностях как одной из причин задержки в работе над главными многотомными проектами того времени – «История СССР» и «Всемирная история»²⁴. «Болезненность» финансового вопроса иллюстрирует также стенограмма заседания Ученого совета Института истории от 9 ноября 1943 г., на котором Б.Д. Грековым (1882–1953) был прочитан доклад о пятилетнем плане Института. Значительная часть доклада была посвящена теме незавершенных крупных проектов, продолжению их разработки. С комментариями к докладу выступил П.И. Лященко (1876–1955)²⁵: «для выполнения научной работы нужны не только кадры и план, но и громадные средства. Борис Дмитриевич отвел здесь заданный кем-то вопрос, сказав, что мы издательского вопроса не касаемся. Но по существу все те вопросы, которые поставлены в перспективный план, они собственно тогда будут осуществлены, когда они будут изданы и напечатаны»²⁶.

* * *

Таким образом, преграды в реализации «Атласа...» и «Материалов...» были, по всей вероятности, схожими с другими коллективными проектами Института истории АН СССР, которые были начаты в довоенные годы. Во многом схожими были и обстоятельства их создания. Однако в создании «Атласа...» и «Материалов...» необходимо учитывать их тесную связь с исторической картографией и исторической географией. Предположу, что работа над ними была попыткой создать не только крупные обобщающие труды, которые должны быть направлены на формирование новой версии отечественной истории, но также показать ее основные этапы *как можно нагляднее*, в том числе *через визуальный формат*.

Тема коллективных проектов исторического атласа СССР, несомненно, заслуживает дальнейших исследований. Во-первых, отдельное внимание следует уделить планам «Атласа...» и «Материалов...» с точки зрения их содержания. Изучение данного вопроса представляется плодотворным через анализ основных принципов, которые были

---

²⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1 (1939). Д. 31. Л. 19–22.

²⁵ В стенограмме упоминается «член-корреспондент А.Н. Лященко». Это, по-видимому, описка и речь шла о П.И. Лященко, который осенью 1943 г. стал членом-корреспондентом АН СССР.

²⁶ Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 79. Л. 38.

заложены при составлении проектов. Во-вторых, представляет интерес исследование не только учебных проектов исторического атласа СССР. Например, в послевоенные годы разрабатывался схожий с «Атласом...» проект, но академического типа [Яцунский 1967].

Литература

- Вспомогательные 1988 – Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория / Отв. ред. Ю.Ю. Кондуфор. Киев: Наукова думка, 1988. 280 с.
- Груздинская 2020 – Груздинская В.С. Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.: Дис... канд. ист. наук. Омск, 2020. 281 с.
- Институт истории 2016 – Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2016. Вып. 1. 320 с.
- Карпюк, Крих 2018 – Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 4. С. 1011–1031.
- Карпюк, Крих 2019 – Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий // Вестник древней истории. 2019. Т. 79. № 1. С. 136–151.
- Карпюк, Крих 2021 – Карпюк С.Г., Крих С.Б. История древности во «Всемирной истории» // «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / Отв. ред. С.Г. Карпюк. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 56–123.
- Кириллова 2021a – Кириллова М.Н. Древность в академическом проекте «Истории СССР» (1938–1941) // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2021. Т. 9. С. 345–356.
- Кириллова 2021b – Кириллова М.Н. История древности в «Истории СССР» // «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / Отв. ред. С.Г. Карпюк. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 124–183.
- Куц 2022 – Куц Т.В. Нарушая конвенцию: участие М.Я. Сюзюмова в подготовке «Истории Византии» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 2. С. 155–166.
- Метель 2021 – Метель О.В. Академическая наука в эвакуации: Институт истории АН СССР в 1941–1943 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 139–146.
- Метель 2022 – Метель О.В. Между организационными сложностями и концептуальными противоречиями: подготовка «Всемирной истории» советскими исследователями конца 1940-х – начала 1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 2. С. 140–154.

- Орлова 2004 – Орлова Г.А. Овладеть пространством: физическая география в советской школе (1930–1960-е гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 4. С. 163–185.
- Переписка 2001 – *Переписка* С.Б. Веселовского с отечественными историками. М.: Древлехранилище, 2001.
- Свешникова 2007 – *Свешникова* О.С. Как написать историю вместе? Из опыта работы над коллективными монографиями Института истории материальной культуры // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. С. 157–168.
- Собисевич 2021 – *Собисевич* А.В. Создание Института географии АН СССР и институализация советской географической науки // Наука и техника: вопросы истории и теории: Материалы XLII Междунар. годичной науч. конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, Санкт-Петербург, 25–29 октября 2021 г. СПб.: Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2021. С. 128–129.
- Тихонов 2021 – *Тихонов* В.В. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР // Российская история. 2021. № 5. С. 144–154.
- Яркова 2009 – *Яркова* К.П. Научный совет «История исторической науки» Отделения Истории Академии наук СССР (1958–1985): возникновение, деятельность, итоги: Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2009.
- Яцунский 1967 – *Яцунский* В.К. Исторический атлас СССР // История СССР. 1967. № 1. С. 219–228.
- Halperin 2021 – *Halperin* Ch.J. An Artifact of Soviet Historiography: Oчерки istoricheskoy nauki v SSSR // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. No 1 (29). P. 205–218.

Молодые исследователи: трудности и перспективы вхождения в профессию

УДК 930.1
ББК 63.1(2)6

А.А. Королева

«Барышня-профессор»: казанский период жизни М.В. Нечкиной

В статье реконструируется этап жизни советского академика, историка Милицы Васильевны Нечкиной, связанный с ее первыми шагами в научной деятельности. Хронологические рамки совпадают с «казанским» периодом жизни Нечкиной, отраженным преимущественно в источниках личного происхождения: дневниках и письмах. Работа является частью исследования научной биографии историка в контексте событий переломной эпохи. Автором характеризуются юридические ограничения вхождения женщин в научную деятельность до 1917 г., правовые и институциональные изменения первых постреволюционных лет. По мнению автора, М.В. Нечкина успешно справлялась со всеми вызовами, демонстрируя целый набор качеств, необходимых женщине, избравшей путь ученого в тот период. В их числе – высокий уровень амбиций, целеустремленность, самоуверенность, трудолюбие и упорство.

Ключевые слова: «казанский период», М.В. Нечкина, женское образование, женщина в науке, советская историческая наука

Милица Васильевна Нечкина (25.02.1899–16.05.1985) родилась в Нежине, Черниговской губернии Российской империи в семье интеллигентов. У Нечкиных уже был старший ребенок – сын Борис, после Милицы родились еще дочери Ксения и Вера. Оба родителя получили образование в Санкт-Петербурге: отец, Василий Иванович Нечкин, – химик, инженер-технолог, мать, Надежда Николаевна Северова, была выпускницей историко-филологического отделения Высших женских Бестужевских курсов. После окончания университета Василий Иванович был направлен в Нежин как инспектор ремесленного училища, затем служил директором Нежинского технического училища им. Я.О. Кушакевича.

М.В. Нечкина

О дошкольных годах Нечкиной известно из ее мемуаров, составленных для Нежинского краеведческого музея [История 2011, с. 919]. О детстве в Нежине историк отзывалась очень образно, ярко и исключительно с теплотой. Так она написала: «Круг знакомых у наших родителей был связан с преподавателями Нежинского лицея и вообще с нежинскими педагогами и инженерами. По-видимому, в Нежине складывался кружок марксистского направления» [История 2011, с. 925]. В 1981 г. (год написания мемуаров) Нечкиной было важно подчеркнуть связь с марксизмом на протяжении всей жизни. Из Нежина семья переехала в Ростов-на-Дону в связи с назначением Василия

Ивановича директором Ростовского среднетехнического училища. Предположительно это произошло в годы Русско-Японской войны, – о том периоде практически нет информации. В ноябре 1911 г. семья обосновалась в Казани. Шанс предоставила очередная должность отца – директор Казанского промышленного училища – и его намерение дать детям университетское образование (в Ростове-на-Дону университет открылся только в 1915 г.). Милица была определена в Ксенинскую женскую гимназию – лучшую в Казани с квалифицированным преподавательским составом, большинство из которых были выпускниками университетов. Отличительной чертой Ксенинской гимназии являлся высокий уровень преподавания истории, последняя лидировала как самый популярный предмет со средним баллом гимназисток 4.5. «Казанский период» в историографии заслуженно называют началом творческого и научного пути Милицы Васильевны. Город, безусловно, дал возможности для разностороннего развития и реализации, однако основной потенциал был заложен в личности Нечкиной.

В принятой в те годы среди интеллигенции манере с ранних лет Нечкина вела дневник (первая известная запись от 21 февраля 1913 г., в которой она сокрушалась, что до этого долго не писала¹. По этим

¹ «...И мучилась и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. С. 61 (далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках).

записям о Милице складывается впечатление как о романтической, но при этом критически мыслящей, эрудированной, амбициозной и деятельной девушке. Повседневность и быт мало занимали ее. Значительно больше внимания уделялось впечатлениям, переживаниям, а главное, размышлениям гимназистки. На первый план выходят две магистральные темы: складывание ее исследовательских интересов и философствования о роли труда и познания в жизни человека. Еще за два года до окончания гимназии Нечкина решила поступить на историческое отделение филологического факультета.

Я кончу на будущий год гимназию. В восьмом классе я остаюсь и беру в специальность математику из чисто практических целей, а именно: избавиться от экзамена по математике, когда буду сдавать на аттестат зрелости. Потом, после восьмого класса, я иду на историческое отделение филологического факультета (с. 69).

При этом помимо практической цели: «говорят, что историкам очень трудно достать место, а филологикам гораздо легче» (с. 69)², – имелась в виду работа учительницы русского языка, присутствовала весьма не тривиальная мотивация. По ее воспоминаниям, впервые в тринадцать лет, во время прохождения курса древней истории, на нее снизошло озарение. История сама по себе не являлась любимым предметом, фактология мало занимала ее, но побуждала к размышлениям, в результате которых Нечкина обнаружила для себя существование законов истории. Их «неумолимое, строгое, как-то поэтически увлекательно-красивое движение» необычайно поразили гимназистку и закономерно привели к социологии, популярной в те годы (с. 70). Конечно, на 1915 г. знакомство Нечкиной с социологией было поверхностным и строилось на мыслях, которые она «выработала сама», «случайных понятиях», которые попадались ей в различных книгах, в большей степени из-за отсутствия наставника, советчика при подборе научной литературы. «Что плохо – это то, что я в выборе книг – совершенно «без руля и без ветрил». Мне некому сделать на этот счет указания, некому хотя бы отчасти руководить моим чтением» (с. 72). Семья не могла обеспечить удовлетворение ее стремительно растущих интересов, учителя гимназии не стремились дать больше, чем предполагала программа.

В процессе чтения Нечкину не интересовали методологические рекомендации для понимания функционирования этой отрасли знания и применения в новых исследованиях. Она искала готовые законы истории, которые могла сопоставить с собственными открытиями. Вместе с тем Нечкина признавалась, что из-за очень развитого

---

² Там же.

самолюбия ей доставляло боль и обиду встречать собственные мысли в чужой книге, будто это обесценивало факт, что она независимо пришла к ним. Однако она подчеркнула, что совершила усилие над собой – «подвиг», и интуитивно сформулировала смысл изучения историографии: определение лакун, тенденций в науке как отправная точка для собственных исследований. В конечном итоге, несмотря на перенесенные «страдания», она отмечала, что каждое встреченное упоминание социологии приносило ей «странное удовлетворение». Складывающийся из других записей дневника образ его автора позволяет предположить, что это чувство было связано с узнаванием, подсознательной радостью и гордостью, что ей уже известно о существовании относительно молодой и активно развивающейся науки. Нечкина погрузилась в эту тему настолько, что сформулировала конкретные мечты – стать профессором социологии и привнести в нее нечто новое. Формально это было возможно. Закон от 30 декабря 1911 г. открывал возможность и устанавливал порядок приобретения женщинами от университетов научных степеней [Валькова 2019, с. 567], появились прецеденты избрания женщин на профессорскую должность [Валькова 2019, с. 581]. Тем не менее в исследовании О.А. Вальковой продемонстрировано, что наличие закона не гарантировало реальной возможности научной карьеры для женщин. Во-первых, законопроект был составлен авторами с намерением упростить систему подготовки учительниц средних учебных заведений, количество которых к началу XX в. заметно выросло, а не допустить женщин к участию в научной деятельности и преподаванию в высшей школе. Во-вторых, в 1914 г. Правительствующий Сенат дал разъяснение: «лица женского пола не могут занимать должностей доцентов и профессоров университета» [Валькова 2019, с. 611]. Поэтому желанию сопутствовали сомнения: «Я с самых ранних лет мечтаю о чем-то несбыточном» (с. 71).

Женское дореволюционное гимназическое образование не было равно мужскому ни по объему подготовки, ни по весомости диплома – «женский» аттестат не давал право поступить в университет. Только в 1915–1916 гг. в женских гимназиях был введен девятый класс, который готовил к экзамену на аттестат зрелости и к поступлению в университет вольнослушательницами. Альтернативным способом стать вольнослушательницей были высшие женские курсы (которые до 1910 г. не считались высшим образованием). В 1911 г. был принят и опубликован закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений». Так женщины, окончившие курс в учебных заведениях, программа которых признавалась равной университетской, получали право сдать государственные экзамены и получить дип-

лом с сопутствующими привилегиями, за исключением сословных и поступления на государственную службу. Оба пути требовали от девушек большого желания и усердия, – чтобы преодолеть все препятствия. Нечкина заранее составила стратегический план, как их минимизировать.

Курсы освободят меня от экзамена по латинскому языку на аттестат зрелости, в гимназии я изучаю математику как специальность – следовательно, тоже освобождаюсь от этого экзамена, курс русского языка у нас в гимназии уравниен с курсом мужской гимназии, что опять-таки освобождает от экзамена по русскому, а физику также обещают ввести в восьмом, таким образом, я освобождаюсь от экзамена на аттестат зрелости (с. 69–70).

В последнем классе гимназии М.В. Нечкина наметила план самостоятельной работы, исходя из личных интересов и целесообразности. Это стало возможным благодаря малоинтенсивному школьному расписанию, к тому же Нечкина смогла найти оптимальный баланс между усердием при подготовке к урокам и результатом.

Круг интересов Милицы был очень широк: психология, логика, политическая экономия, социология, музыка, немецкий, английский и французский языки, философия, литература. 25 июня 1917 г. М.В. Нечкина подала прошение ректору Казанского университета с просьбой принять ее вольнослушательницей на историческое отделение историко-филологического факультета. Поступление невероятно воодушевило ее: «Боже, какое наслаждение учиться в университете, а не в гимназии!». «Полная, ничем не стесненная свобода в умственном труде» [История 2011, с. 935] способствовала возобновлению активных, усердных занятий: посещение лекций и подготовка к экзамену на аттестат зрелости, которые отвлекали от бушевавшей вокруг Гражданской войны. В конце января 1918 г. Нечкина сдала дополнительные экзамены по физике и латинскому языку на аттестат зрелости и 26 февраля была зачислена в число студентов Казанского университета исторического отделения [История 2011, с. 991]. Воскресла амбициозная цель стать профессором, но, более того, ее продолжали питать занятия наукой. «Опьянение в занятиях наукой» [История 2011, с. 945] омрачало одиночество в ее устремлениях. «Господи, как трудно, как тяжело быть одной, совершенно одной в научной работе!» [История 2011, с. 944].

Мне хочется, чтобы кругом меня ключом была научная молодая работа... чтобы каждая новая научная идея сразу претворялась во многих молодых мозгах – сколько бы пропастей можно было перескочить одним прыжком (с. 94).

Сказывался дух эпохи модернизма, наполненный «поиском новых идей и справедливых форм, способных определить место и роль человека и общества в стремительно меняющемся мире» [Тихонов 2019, с. 257]. Появлялись и развивались новые области науки. Сердцем она не могла допустить, чтобы они оставались без внимания в ее окружении, как было с социологией, и поэтому тянулась сама. «Я хочу и историю, и литературу, и философию, и естественные, и математические науки!» [История 2011, с. 945]. Вновь проявилась ее легкоувлекающаяся натура, к тому же статус «ищущей», «неопределившейся». В конце 1918 г. самым тяжким «камнем на душе» ей видится конкурсное сочинение, а именно отсутствие темы, «сознание, что я в истории еще ничем не заинтересовалась сильно» [История 2011, с. 945].

Формирование ранних научных интересов М.В. Нечкиной – длительный и сложный процесс. В первую очередь по уже названной причине ее склада ума и характера. Немалую роль сыграл и тот факт, что не находилось наставника, способного увлечь ее. Постепенно нарастало разочарование в университете, который, по ее мнению, держался лишь на молодых профессорах и их новых мыслях [История 2011, с. 948]. На этом фоне выделялся Петр Григорьевич Архангельский с курсами по русской историографии и истории русской общественной мысли XIX в. Нечкина нередко упоминала его лекции, иногда – личные беседы, которые производили на нее глубокое впечатление. В «деловых» дневниках она фиксировала интенсивные самостоятельные занятия по истории русской исторической науки и в итоге в связи с историографией заметила: «в научной работе все яснее и яснее определяется правило специализации» [История 2011, с. 99]. Архангельский помог ей определиться с темой конкурсного сочинения (дипломной работы) – «Приложение теории экономического материализма к изучению русской истории в трудах русских ученых: (критико-историографический обзор исторических трудов данного направления и выявление роли последнего в развитии русской науки)» [История 2011, с. 949]. Она дала ей надежду преодолеть «тоску по методу» [История 2011, с. 953].

«Вся трагедия нашей науки состоит в том, что в ней... есть страшная возможность доказывать и утверждать противоположное» [История 2011, с. 953]. Тот же метод давался профессорами ее университета. Нечкина не смогла четко сформулировать, почему он не удовлетворял ее, из-за чего потребность в ином. Возможно, причина состояла в том, что она сформировалась как человек эпохи модерна с приматом опытов, экспериментов в качестве главного основания научности и подсознательно стремилась к этому в истории. Наиболее известным приверженцем эмпириокритизма в отечественной исторической науке был Р.Ю. Виппер. Смысл его книги «Очерки теории исторического познания» Нечкина выразила следующим образом: «историче-

ское знание почти сплошь – фикция: мы изучаем не историю, а наше представление об истории, которое изменчиво и действительности не соответствует» и поддержала [Тихонов 2019, с. 259–260]. Кроме того, было распространено мнение о ранее невообразимых возможностях «новой науки» – окончательно постигнуть «сложнейшую диалектику бытия человека и общества» [История 2011, с. 16]. Л.А. Сидорова высказала другое предположение, что «недоверие к истории как к науке прежде всего относилось к русской классической исторической науке и было во многом связано с разочарованием в ее прогностической функции на фоне социально-политических потрясений XX в.» [Сидорова 2014, с. 164]. Они, впрочем, не противоречат, а, наоборот, дополняют друг друга. Нечкина составила план занятий по направлениям, которые должна освоить в процессе написания сочинения: «сначала политическая экономия, потом теория исторического материализма» [История 2011, с. 954], и была намерена овладеть недостающими методологическими приемами. Позже план был расширен до истории культуры, истории народного хозяйства, политической экономии, исторического материализма и писателей-материалистов по русской истории. В итоге работа над сочинением далеко вышла за рамки поиска метода. Цель была достигнута:

...для меня открылся в истории целый мир после знакомства с экономическим материализмом. <...> Я поняла, что такое процесс, и увидела его там, где раньше видела или пустоту, или личность (с. 113–114).

Процесс работы отмечен явным фанатизмом. Вопреки множеству трагических обстоятельств – слабость, болезнь, тяжелые бытовые условия, голод, ежедневно Нечкина проделывала колоссальный труд по прочтению, конспектированию и систематизации материала. При этом ходила на службу в объединенный совет книжных бюро; затем – библиотекарем-культурником при библиотеке политотдела запасной армии вещбазы № 2, посещала университет, участвовала в деятельности студенческой Ассоциации общественных наук, поэтических чтениях. С одной стороны, богатая духовная жизнь отвлекала и поддерживала ее, с другой – забирала много сил. «Я устала буквально до полусмерти. Я уже действую бессознательно, как под гипнозом, даже в работе» (с. 111). Физическое и моральное истощение неизбежно приводило к срывам мотивации. «Во имя чего это все?» (с. 111). Нечкина предприняла попытку сузить тему, остановиться на Н.А. Рожковом и М.Н. Покровском, однако Архангельский был против и призвал ее ограничить выборку источников иначе: сохранить перечень авторов, но взять их основные работы. Нечкина с ним не согласилась и была готова бросить сочинение. Подобное решение она принимала не единожды, но все равно продолжала. Интенсивная упорная подготови-

тельная работа способствовала тому, что немногим меньше чем за два месяца, к 5 сентября, Нечкина закончила конкурсное сочинение в 644 страницы. Пять дней после длилась работа по «ликвидации»: внесение дополнений, справок, изменений в структуру, написание тезисов. 10 сентября 1920 г. белый бумажный сверток с рукописью был готов к отправке в университет. На нем были написаны адрес: «В историко-филологический факультет Казанского университета», тема: «Приложение теории экономического материализма» и девиз «Слова и иллюзии гибнут, факты остаются» [История 2011, с. 963]. Отнести конкурсную работу на кафедру должен был другой человек. Нечкина выбрала приятеля П.И. Кругликова, которого чаще в дневниках называла «Белое золото» (для нее было характерно давать друзьям прозвища). Анонимность автора сохранялась до присуждения награды.

Только тогда Нечкина смогла прийти в себя, расслабиться и выразить свои чувства по поводу первого самостоятельного исследования: «светло и спокойно звучат в душе могучие глубокие звуки какой-то неведомой миру симфонии» [История 2011, с. 963]. Однако к концу года неприязнь к университету, факультету и общему духу развилась в Нечкиной до масштабов «тяжелой скуки и презрения» [История 2011, с. 966]. Она осознавала, как процессы, происходящие в университете на фоне социально-общественных потрясений, мешали развитию научного творчества. «Каста, мертвечина и личные счеты» [История 2011, с. 967]. Нечкина беспокоилась, что сочинение не получит объективной оценки. Кроме того, опасения Нечкиной подкреплялись болезнью научного руководителя П.Г. Архангельского, который вместе с профессором Н.Н. Фирсовым выступал рецензентом сочинения. Архангельский умер 6 января 1921 г. от сыпного тифа. Милица Васильевна принимала активное участие в организации его похорон. Вопреки ее сомнениям, 22 февраля конкурсное сочинение Нечкиной получило почетный отзыв.

Мечта получить профессорское звание иногда отступала, но никогда окончательно не оставляла М.В. Нечкину, однако до этого было необходимо окончить университет и пройти еще несколько ступеней академической карьеры. Однако на пути к успешному получению диплома возникла помеха. В 1919 г. началось реформирование Казанского университета: был упразднен юридический факультет, его кафедры рассредоточены по другим факультетам, а на историческом факультете открыто отделение общественных наук, куда перевели некоторые кафедры с юридического. Следующим шагом было открытие в апреле 1919 г. факультета общественных наук. На 1 июня 1921 г. была намечена ликвидация исторического факультета и перевод кафедр в факультет общественных наук. Тем не менее Нечкина намеревалась получить аттестат о высшем образовании на историческом факультете, однако должна была сдать еще шесть экзаменов. В связи с интен-

сивной работой над конкурсным сочинением, активной социальной и культурной жизнью, а также тяжелыми жизненными обстоятельствами, сдать их до ликвидации факультета Нечкина не успевала. Она получила согласие от профессоров поставить все недостающие зачеты авансом и таким образом «окончила» университет 30 мая [История 2011, с. 978]. Подобное случилось не впервые. Например, преподаватель по новой философии, «Костя Сотонин», как панибратски назвала его Нечкина, поставил «весьма удовлетворительно» со словами «разве я вас не знаю?» [История 2011, с. 972]. Эта ситуация ярко демонстрирует реальное отношение профессоров университета к студентке Нечкиной: уважение, высокий кредит доверия в противовес тому, какое впечатление сложилось об университетском сообществе у нее самой. 31 мая Нечкина забрала аттестат. После «сумасшедшей интенсивности» подготовки к выпускным экзаменам 27 октября появилась запись в дневнике о реальном окончании университета [История 2011, с. 980].

В начале декабря было вынесено официальное решение об оставлении М.В. Нечкиной при университете, на кафедре новых европейских и внеевропейских обществ со специализацией по русской истории для подготовки к профессорскому званию. Ее научным руководителем назначили Николая Николаевича Фирсова, специалиста по древнерусской истории. Еще в октябре, когда вопрос прикрепления к кафедре был не вполне очевиден, Нечкина наметила дальнейший исследовательский план: «в течение ближайшего месяца выяснится в ту или иную сторону вопрос об оставлении при университете. Совершенно не зависят от этого мои занятия» [История 2011, с. 979]. В первую очередь, ею была запланирована работа на тему «Ключевский как социолог», затем редаKTура и публикация медального сочинения и, наконец, работа по теме опричнины в качестве диссертации. М.В. Нечкина написала Фирсову письмо, где изложила свои пожелания по будущей магистерской экзаменационной программе. «Все темы, меня интересующие, делятся на две группы – темы русской историографии и темы, ведущие к непосредственному знакомству с каким-либо определенным источником» [История 2011, с. 51]. Нечкина увлеклась источниковедением параллельно с написанием сочинения, посещала практические занятия Архангельского по источниковедению русской истории и даже осознала, что на тот момент поставила для себя точку в историографии. Она признавала, что «конечно, сделано далеко не все», но выработала скептицизм в отношении историков и недоверие к «чужой разработке» [История 2011, с. 965]. В противоположность к напряженным методологическим поискам в области интеллектуальной истории, Нечкина признавалась: «когда я читаю летопись, мне хорошо, тепло, просто» (с. 138). Согласованная в начале магистерского обучения программа полностью удовлетворяла Нечкину и, что важ-

нее для ее натуры, вдохновляла на работу. «Моя мечта – по каждому вопросу моей магистерской программы написать по небольшой работе, прочесть ее как доклад в каком-нибудь серьезном обществе и напечатать» (с. 139). Осенью 1922 г. стало известно об упразднении факультета общественных наук Казанского университета и переводе его преподавателей, лиц, оставленных для «подготовки к профессорскому званию», в недавно созданный Восточный педагогический институт. После введения нового университетского устава в 1921 г. фактически автономия университетов упразднилась, поскольку теперь ректор и правление назначались из Главпрофобра. Комментарий по новой политике в высшей школе казанская профессура и студенты получили только в октябре 1922 г. Теперь вопрос об утверждении стипендиатов решался в Москве. В связи с этим было принято решение заменить в магистерской экзаменационной программе вопросы «Исследования акад. А.А. Шахматова в области русского летописания» и «Русская Правда как исторический источник» темами «Школа экономического материализма в русской историографии» и «Отношение крестьянства Казанской губернии к проведению в жизнь законов об отрубках (по материалам секретного стола Казанского губернатора, имеющимся в Казанском революционном архиве)» (с. 137). Обе темы, очевидно, являлись более актуальными в новых социально-политических условиях и способствовали успешному утверждению Нечкиной в ряду стипендиатов, развитию ее дальнейшей карьеры. Вследствие этого возражений по поводу изменений Нечкина не выразила. Она оказалась готовой поступиться некоторыми пристрастиями ради амбиций. «Когда я сделаю все, что можно в Казани, я уеду в Москву или Петербург и сдавать магистерские и приватдоцентироваться буду там» (с. 139).

С сентября 1922 г. шла работа над редактурой и подготовкой к печати медального сочинения Нечкиной в Госиздате. Исходя из того, что 6 декабря она направила авторские экземпляры книги узкому кругу приятелей, можно сделать вывод, что редакция была закончена к началу декабря 1922 г. В 1923 г. на книгу Нечкиной «Русская история в освещении экономического материализма» вышло четыре рецензии: казанского ученого-марксиста В.Т. Дитякина [Дитякин 1922], литературоведа Г.Ф. Линсцера [Линцер 1923] и историков В.И. Невского [Невский 1923] и Н.Н. Фирсова [Фирсов 1923]. Рецензия Дитякина была напечатана в критико-библиографическом журнале «Казанский библиофил», который на тот момент уже принадлежал Госиздату. Автор регулярно печатался в этом издании и проявил себя как суровый, не сдержанный в эмоционально окрашенных и оценочных суждениях критик. Однако нигде прежде его выражения не достигали такой резкости, с которой он обрушился на Нечкину. Она проявилась с самого названия рецензии – «Пустая ученость». В грубых выражениях Дитякин отказал Нечкиной в компетенции исследователя: «полное не-

вежество автора», «самодовольное невежество вульгаризатора – вот истинная физиономия автора», «появился ученый мракобес», «наглая развязность малограмотного нахватавшегося» [Дитякин 1922, с. 179], «восклицает институточка» [Дитякин 1922, с. 180] и т. д. Он дал не менее уничижающую рекомендацию «хорошенько изучить азбуку научной исторической работы и поскорее покинуть сделанную ею “первую ступень”, ибо она оказалась в корне гнилой» [Дитякин 1922, с. 183]. Свой гнев Дитякин представляет как защиту марксизма и метода исторического материализма, а также основоположников теории Маркса и Энгельса. «Во всей книге за некоторыми комплиментами по адресу марксизма все же отчетливо выступает истинная физиономия ее – попытка покушения на марксизм «с негодными средствами» [Дитякин 1922, с. 183]. Стиль, в котором была написана рецензия, был негативно воспринят научным сообществом. Общее впечатление выразил редактор «Казанского библиофила» Г.Ф. Линсцер. Стоит отметить, что в 1922 г. Нечкина получила приглашение участвовать в издании журнала и написала несколько статей и рецензий. О рецензии Дитякина она узнала еще до ее публикации, когда общалась с Линсцером по рабочему вопросу, и получила заверение, что «он ее не поместит целиком или напишет ему сейчас же ответ» (с. 249). Таким образом, вопрос об отношении к рецензии Дитякина поднимался не только в кругу научного сообщества, но и внутри коллектива «Казанского библиофила».

Ответ Линсцера был напечатан в одном номере с рецензией Дитякина, сразу за ней. Автор сразу определил свою главную цель – остановиться на тоне, манере «обращения» Дитякина, которые нецелесообразны с его точки зрения [Линсцер 1923, с. 186]. «Критика должна разное относиться к разным явлениям жизни. Когда мы поправляем ошибку товарища, обнаруживаем недочеты зарвавшегося вперед идейного нашего единомышленника – это одно дело, когда мы отражаем нападение врага, вскрываем заблуждения враждебной нам идеологии – это другое дело. Находить и указывать промахи в труде начинающего ученого – одно, в сочинении старого матерого ученого – другое», «прискорбно то явление, которое я назвал бы критической расправой» [Линсцер 1923, с. 184]. Сам Линсцер не отрицал, что работа Нечкиной «в некоторых отношениях слабая» [Линсцер 1923, с. 184], однако абсолютно не был согласен с утверждением Дитякина, что она бесполезна. Более того, он выделил ряд «непониманий», которые происходили из домыслов и превратной интерпретации слов Нечкиной критиком, и опроверг их обоснованность. Главной мыслью, проходящей красной линией через всю статью, является призыв к Дитякину использовать свой опыт и знания для воспитания будущих ученых-марксистов. «Когда же дело идет о начинающем работнике, который желает настроиться на наш лад, отношение должно стать

еще более осторожным, серьезным и вдумчивым. Нам нельзя разгонять таких работников» [Линсцер 1923, с. 185]. Наряду с Дитякиным и Линсцером высказался известный историк-марксист, член партии и политический деятель В.И. Невский. Он акцентировал внимание на несогласии с выводом Нечкиной об отсутствии прямой связи между психологическими и социальными, политическими явлениями, однако, как и Фирсов, научный руководитель Нечкиной, отметил обстоятельность историографического обзора. Более того, Невский рекомендовал «Русскую историю в изложении...» студентам-марксистам как библиографию богатейшей литературы, необходимой для освоения каждому историку. Приятель Нечкиной А.И. Никифоров, фольклорист, историк литературы из Петербурга, отвез ее книгу историку «старой школы» академику С.Ф. Платонову и в письме передал в целом положительный отзыв. «А работа не ничтожество. Это не то, что работа здешнего Вознесенского, да даже и Покровского», и предсказал достойное будущее автору: «она свое место займет в историографии. Она нулем не будет»³. Критика не заставила М.В. Нечкину усомниться в собственной работе: «с очень многими до сих пор не согласна, и книга, в конце концов, не так уже плоха» (с. 250) и тем более не отвернула от занятия наукой.

На протяжении 1922 г. основная работа Нечкиной шла над сочинением «В.О. Ключевский как социолог», которая позднее по совету академика Б.Б. Богословского, ученика В.О. Ключевского, принимавшего участие в сохранении и публикации его наследия (с. 342), получила название «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли». В сентябре 1922 г. Нечкина уже понимала, что для более плодотворной работы по Ключевскому ей необходимо ознакомиться с неопубликованными или архивными материалами, пообщаться с теми, кто знал героя ее исследования. Все это можно было сделать только в Москве. Кроме того, она была убеждена, что заниматься в Казани исторической наукой невозможно: «кто захочет заниматься в Казани историей... будет обречен на полное духовное одиночество» (с. 343). Первая поездка Нечкиной в Москву состоялась в мае-летом 1923 г. Подготовка к научной командировке сопровождалась сбором официальных документов – Нечкина подала заявление в предметную социально-историческую комиссию Восточного педагогического института, «портфолио»: несколько экземпляров журнала «Вестника просвещения» с публикациями Нечкиной, «сочинение» (с. 257–258). На момент записи о приготовлениях к поездке выпускная работа не была закончена. Вероятно, речь шла об «Идеях в историческом миро-

---

³ «Как чудно жить, понимать и участвовать в этой жизни». Письма к М.В. Нечкиной: 1923–1927 гг. / Публ. Е.Р. Курапова // Исторический архив. 2007. № 6. С. 118.

созерцании В.О. Ключевского», которую Нечкина в дневнике назвала «самостоятельной работой», в то время как она являлась одной из глав большого запланированного сочинения «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли». Командировка была одобрена на три месяца с зачислением в общежитие ЦЕКУБУ и обеспечением питанием – «обедом». Отец сопроводил ее письмом к профессору Московского университета М.Н. Шарко, знакомому по Нежину, с просьбой наставить Милицу «при ознакомлении на первых порах с Московским университетом и московским ученым миром» [Курапова 2007, с. 464]. Нечкина рассчитывала лично встретиться с Богословским, чтобы показать ему рукопись работы о Ключевском, получить комментарии и, возможно, выступить с докладом в Историческом обществе. Эти планы Нечкина заранее согласовала с Богословским и запаслась положительной рекомендацией профессора Фирсова, однако встреча не состоялась. В ночь на 7 июня умер ее отец. Смерть отца повлияла на мотивацию Нечкиной добиваться переезда в Москву. «После того, что случилось, я оказываюсь единственной опорой семьи в материальном смысле» [История 2011, с. 345]. Нечкина всегда ощущала ответственность перед семьей и была для нее серьезной поддержкой, однако теперь это стало не ее волевым решением, а единственным выходом из сложившегося положения. Данное обстоятельство подвигало Нечкину с ее решительным и твердым характером действовать еще более настойчиво и целеустремленно. В очередном письме Богословскому она ходатайствовала о зачислении в штат Исторического научно-исследовательского института при факультете общественных наук 1-го МГУ, где он на тот момент руководил Секцией русской истории, и подчеркнула: «мое зачисление в качестве сотрудника в Исследовательский институт приобретает для меня особо большое значение. От этого зависит вся возможность продолжения научной работы» [История 2011, с. 345], а также приложила к письму заявление и резюме для секции и коллегии, опасаясь, что отдельно они не дойдут в срок. Ее рвение дало результат: в июне 1923 г. из письма жены Шарко, Натальи Осиповны, Нечкина узнала об успешном ходатайстве Шарко перед Д.М. Петрушевским и зачислении в Исследовательский институт сотрудником 2-го разряда, тем не менее вынуждена была остаться в Казани до конца года и читать лекции в Политехническом университете, чтобы сохранить для семьи квартиру, которую ранее занимал ее отец – профессор Казанского Политеха.

Вторая поездка в Москву с 22 ноября по 3 декабря состоялась благодаря тому, что Нечкину выбрали делегатом на I Всероссийский съезд научных работников от казанской секции. Параллельно Нечкина готовила доклад в РАНИОН «Ключевский как социолог», не оставляла намерения продолжить научную карьеру в Москве, несмотря на невыясненность положения дел в Исследовательском инсти-

туте (с. 275). Участие в съезде стало для Нечкиной знаменательным: 1 декабря свершилось ее личное знакомство с будущим наставником, академиком М.Н. Покровским. В конце января 1924 г. Нечкина смогла осуществить намеченный переезд в Москву. Она была зачислена научным сотрудником II разряда Института истории Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, параллельно Нечкина стала вольнослушательницей Института красной профессуры и преподавателем политэкономии и истории классовой борьбы на рабфаке им. М.Н. Покровского 1-го МГУ и истории СССР на рабфаке Коммунистического университета трудящихся Востока. С этого шага начался процесс становления Милицы Васильевны Нечкиной как видного советского историка.

Литература

- Валькова 2019 – *Валькова О.А.* Штурмуя цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 792 с.
- Дитякин 1922 – *Дитякин В.Т.* Пустая ученость // Казанский библиофил. 1923. № 4. С. 178–183.
- История 2011 – «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. Документальная монография / Отв. ред. Е.Л. Рудницкая, С.В. Мироненко. М.: Новый хронограф, 2011. 1104 с.
- Курапова 2007 – *Курапова Е.Р.* Академик М.В. Нечкина и исторический факультет МГУ: (Краткий обзор по материалам личного фонда в Архиве РАН) // Археографический ежегодник за 2005 г. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2007. С. 463–472.
- Линсцер 1923 – *Линсцер Г.Ф.* Несколько слов о критике и критиках (По поводу отзыва Дитякина о книге Нечкиной) // Казанский библиофил. 1923. № 4. С. 183–190.
- Невский 1923 – *Невский В.И.* Рец. на кн.: Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922 // Печать и революция. 1923. Кн. 7. С. 181–183.
- Сидорова 2014 – *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука в лицах: академик М.В. Нечкина // Российская история. 2014. № 6. С. 158–169.
- Тихонов 2019 – *Тихонов В.В.* Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Том 64. Вып. 1. С. 256–265.
- Фирсов 1923 – *Фирсов Н.Н.* Рец. на кн.: Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922 // Коммунистический путь. 1923. № 2 (22). С. 68–69.

В.М. Рыбак

Гендер и повседневность в математических школах позднего СССР

Статья посвящена анализу повседневности в математических школах позднего СССР, формальным и неформальным пространствам сообщества матшкольников. Особое внимание уделяется девушкам внутри этого сообщества, их сложностям и учебно-рабочей повседневности. Математические школы рассматриваются как уникальный позднесоветский феномен, который можно концептуализировать с помощью понятия А. Юрчака «внеаходимость».

Ключевые слова: математическая школа, поздний Советский Союз, гендер, повседневность, техническая интеллигенция

Приоритеты развития изучаемой страны можно узнать разными способами и один из них – посмотреть на систему школьного профильного образования. Необходимость высококвалифицированных кадров на производстве, которое все время усложняется, стала основной причиной развития углубленного технического образования в советских школах. Математические спецшколы и классы – вершина процесса профилизации советского школьного образования. Этот тезис подтверждается результатами школьников на международных олимпиадах и количеством лауреатов Филдсовской премии, которые начали свой путь именно в математических школах СССР.

Помимо этого, можно утверждать, что советские математические школы – это интересный позднесоветский феномен. В нем сочетаются и эксперименты в сфере образования и практическая необходимость в подготовке научно-технических кадров. Неформальная жизнь матшкол демонстрирует целый спектр теневых практик: обмен самиздатовскими книгами, вечера памяти неподцензурных советских бардов, передача друг другу услышанных политических

анекдотов. Это интеллектуальное пространство серьезно влияло на личность учеников и на их карьерный путь. В рамках этого исследования мы изучим два аспекта: повседневность позднесоветских математических школ и – прицельно – повседневность матшкольниц, интегрированных в большое детское сообщество. Это можно назвать гендерной оптикой внутри моей темы, но стоит отметить, что ее можно раскрыть гораздо шире, если анализировать не только феминное, но и маскулинное.

Предметом исследования являются стратегии интеграции в математическое сообщество, учебно-рабочая повседневность матшкольниц, возможные сложности пребывания в «мужском» сообществе. Основные хронологические рамки – 1970–1990 годы.

Историографическое поле темы можно разделить на три части: позднесоветский контекст, педагогический и гендерный. Ключевым для меня является понятие «внеаходимости» Алексея Юрчака [Юрчак 2014]. Общий педагогический контекст помогают узнать работы: Марии Майофис и Ильи Кукулина [Кукулин, Майофис, Сафонов 2015, с. 241–313], Дарьи Димке [Димке 2018], Галины Ивановой [Иванова 2018]. Особенности математического образования раскрывают исследования Вячеслава Геровича [Герович 2020]. Майофис и Кукулин в качестве основных источников используют интервью с выпускницами и педагогами математических школ и прослеживают их эволюцию, концентрируются на обсуждениях самой идеи математических спецшкол среди профессионального сообщества. Работа Дарьи Димке описывает особенности советской педагогической концепции детства и ее проявления в 1960–1970-е гг: «В советской коммунистической утопии 1920–1960-х гг. ребенок рассматривался как маленький взрослый, в семидесятые – как взрослый идеальный» [Димке 2018, с. 255]. Книга Галины Ивановой характеризует комплекс реформ в школьном образовании 1950–1960-х гг. и позволяет понять его состояние накануне семидесятых [Иванова 2018]. Вячеслав Герович в своей статье много пишет о неформальной структуре внутри математического сообщества и вводит важное понятие «моральная экономия советской математики»: «В неформальном сообществе советских математиков действовала своеобразная “моральная экономия”, которая опиралась на сети дружеских связей и практику взаимных бесплатных одолжений» [Герович 2020]. В понимании гендерного аспекта темы особенно помогли несколько работ: монография Наталии Лебиной «Мужчины и женщины: тело, мода, культура: СССР – оттепель» [Лебина 2018], статьи Натальи Пушкаревой «Гендерная система Советской России и судьбы россиянок» [Пушкарева 2012] и Рошан Сильвестр “Soviet Girls and the Tereshkova Moment” [Sylvester 2011]. Тексты Н.В. Лебиной и Н.Л. Пушкаревой концептуализируют в целом отношения между полами и про-

паганду государства в этой сфере. А ключевой идеей работы Рошан Сильвестр можно назвать символическое значение полета Валентины Терешковой для миллиона советских девушек, которые во многом после этого события решили связать себя со сферой науки и техники.

Можно выделить несколько элементов «детской математической утопии»: система Н.Н. Константинова, структура кружков и выездных школ, круг чтения матшкольников. Без понимания вышперечисленного анализировать повседневность матшкол затруднительно.

Николай Николаевич Константинов – организатор математического образования, один из создателей системы математических классов в Москве. Он разработал методику преподавания основ высшей математики для старшеклассников, ее принято называть «система листочков». Ее суть заключалась в том, что школьникам выдавались листочки с задачами разного уровня сложности; они должны были их самостоятельно прорешать и устно защитить студенту или аспиранту. Сам Константинов говорил об этой системе следующее:

Листки – чисто практическая вещь. У меня к этому времени – я же пять лет работал на физфаке – был реальный опыт преподавания, и я уже понял, что система преподавания, которая существует в МГУ, – лекции и семинары, – находится на пределе своих возможностей. Из нее нельзя больше ничего извлечь. У одного человека 25 студентов. Если я задаю какое-то домашнее задание, то максимум, что я могу – пройти по рядам и увидеть: у людей что-то написано. Или тщательно посмотреть, как один человек работал, например¹.

У практики листочков была не только педагогическая функция, но и социальная. Выпускники принимали задачи у нынешних школьников, а часто и неформально после уроков занимались с наиболее талантливыми ребятами. Таким образом, связывались поколения внутри математической школы. Профессор математики НИУ ВШЭ Екатерина Америк, выпускница 57 школы, рассказывала, что обычно студенты приходили в школу в специально выделенный для этого день – субботу. На ее взгляд, дополнительный день в учебной неделе под профильную работу и является главной особенностью любой спецшколы². Мария Ульянова, выпускница 57 школы, говорила про

---

¹ Интервью с Н.Н. Константиновым // Элементы [Электронный ресурс]. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431023/Intervyu_s_N_N_Konstantinovym (дата обращения 22.04.2022).

² Интервью с Екатериной Америк 20 апреля 2022 г. Интервьюер Рыбак В.М., видеозапись длит. 55 мин., цит. минута 31.

огромную роль Константинова в создании математического сообщества в Москве:

Константинов Николай Николаевич, всеми любимый, наш отец родной, создатель всех матшкол. Многие здесь присутствующие – его «дети», так сказать, ученики его³.

Стоит отметить, что Константинов во многом проектировал свои математические школы под детей и старался создать такие условия, чтобы туда приходили разные сильные ученики. Мария Ульянова, ученица одного из самых первых наборов 57 школы, рассказывала о своем разговоре с Константиновым в 2016 г.:

Мы его отвозили потом домой, мы рядом живем, и он мне сказал:

– Да, ты была моим сложным проектом.

Я говорю:

– Николай Николаевич, неужели Вы помните, 50 лет прошло.

А он говорит:

– Ну как, я же из-за тебя организовал французский в 57-ой школе.

Я думала в эту минуту, что я умру от счастья совершенно.

– Неужели это прямо-таки из-за меня?

– Но ты же все время никак не могла перейти, ты же все в 7-ую поступала⁴.

Информантки часто упоминали в своих воспоминаниях о детстве журнал «Квант»⁵, выпускаемый в 1970–1992 гг. издательством «Наука». Типичный выпуск «Кванта» состоит примерно из шестидесяти страниц⁶. Содержание можно разделить на несколько категорий: научно-популярные материалы по математике и физике (часто одна тема проходит через несколько статей внутри выпуска), дидактические материалы (задачи или варианты вступительных испытания прошлых лет в конкретном университете), информационный раздел (статьи о математических школах, олимпиадах, кружках, иногда репортажи с олимпиад). Сами редакторы в первом выпуске пишут, что журнал предполагает вовлеченную работу читателя. Можно сделать вывод, что одной из основных функций этого журнала было создание канала коммуникации со школьниками: они могли высылать свои решения задач, узнавать варианты вступительных экзаменов прошлых лет и о целой структуре мероприятий и организаций для матшкольников.

---

³ Интервью с Марией Ульяновой 18 августа 2017 г. Интервьюер Слава Герович, аудиозапись длит. 63 мин., цит. мин. 28.

⁴ Интервью с Марией Ульяновой 18 августа 2017 г. Интервьюер Слава Герович, аудиозапись длит. 63 мин., цит. мин. 30.

⁵ По материалам интервью.

⁶ Квант. 1970. № 1. 64 с.

Невозможно представить жизнь советского матшкольника без кружковского движения. Ленинград был известен множеством математических кружков и жесткой конкуренцией внутри них:

Это никакое не образование, а спорт. Давно уже самым главным показателем качества образования в кружке считается не что-нибудь, а количество дипломов городской (Всероссийской, Международной) олимпиады среди учеников кружка. И упор часто делается только на улучшение этого параметра. Детей учат не просто думать, но решать конкретные задачи⁷.

Функционировали две параллельные системы математических кружков в Санкт-Петербурге: ЮМШ (Юношеская математическая школа) и кружок Дворца пионеров. Занятия в ЮМШ проводились на базе нынешнего Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена два раза в неделю. О том, как проходили занятия, рассказывала Надежда Гуревич:

Мы встречались внутри университета, нам на доске писали задачки, а после мы их отвечали самому учителю. Ничего такого особенного. Периодически происходили матбои⁸.

Как можно увидеть, основной составляющей обучения в кружке была защита своего решения в устной форме: «Это, скорее, отличие ленинградской/петербургской городской олимпиады от остальных. До недавнего времени Петербург был единственным местом в мире, где проходили устные олимпиады»⁹. Важно понимать, что участие в кружках имело для детей не только плюсы, но и минусы, – в их числе, например, трудная в психологическом отношении атмосфера конкуренции:

В кружке на ребенка оказывается очень сильное психологическое давление. Самыми разными способами. В ходу всевозможные ранжирования детей – от простого разделения на «сильный» и «слабый», до «рейтингов», которые вывешиваются на стенку или регулярно объявляются. Там дети расставлены по количеству решенных задач. Ясное дело, что ребенок, который находится «внизу», хочет подняться «выше» и начинает стараться больше. Хорошо или плохо это – любимый предмет для дискуссий¹⁰.

---

⁷ Ленинградские / петербургские математические кружки – 1 // Livejournal [Электронный ресурс]. URL: <https://bromozel.livejournal.com/28584.html> (дата обращения 22.04.2022).

⁸ Интервью с Надеждой Гуревич 29 апреля 2022 г. Интервьюер Рыбак В.М., видеозапись длит. 78 мин., цит. мин. 22.

⁹ Ленинградские / петербургские математические кружки – 4 // Livejournal [Электронный ресурс]. URL: <https://bromozel.livejournal.com/31490.html> (дата обращения 22.04.2022).

¹⁰ Ленинградские / петербургские математические кружки – 2 // Livejournal [Электронный ресурс]. URL: <https://bromozel.livejournal.com/28990.html> (дата обращения 22.04.2022).

Журналистка Мария Гессен тоже сравнивала олимпиадную математику со спортом:

Олимпиадная математика похожа на спорт куда больше, чем многие полагают. Здесь тоже есть клубы – математические кружки, есть тренеры – преподаватели математики, есть тренировки и, разумеется, состязания. Одних способностей для успеха мало: талантливому ученику нужен хороший наставник, команда, поддержка семьи и, разумеется, воля к победе. Невозможно сразу выделить будущих звезд [Гессен 2011, с. 35].

Существовали практика выездов для кружковцев и матшкольников в разные места. Это принято называть «константиновскими» лагерями. Самый известный был в Эстонии:

В лагерь приезжали ребята из московских матклассов, а также иногородние участники всесоюзной олимпиады по математике. Никакой официальной поддержки этого предприятия, конечно, не было, мы все делали сами: и палатки ставили, и еду готовили, и в колхозе работали, на территории которого все это проводилось. И, конечно, математикой занимались. Меня очень удивлял этот контраст, сама идея того, что в нашей стране может быть что-то неформальное и негосударственное, она на меня сильно повлияла¹¹.

Ольга Кравченко в интервью упоминала про свою поездку 1984 г.: «Это был константиновский лагерь, все что-то моделировали и махали молотком. Я почему-то помню, как мы с Константиновым обсуждали Цветаеву»¹². Это пространство было одним из элементов неформальной среды матшкольников, где возможно даже плотнее, чем в школе формировались социальные связи. Практика создания детских лагерей своими «средствами» была распространена еще в 1960-е гг., они назывались трудовые и были альтернативой пионерским [Димке 2018, с. 107]. В них было больше пространство свободы, а труд органично вплетался в идеологему. В какой-то степени можно проводить параллель между константиновским и трудовым лагерем, занятие математикой заменяло физический труд, обустройство пространства вокруг оставалось на плечах ребят, а неформальная обстановка являлась неотъемлемой частью этих пространств.

Однако пространство неформального в математических школах было гораздо шире, чем просто выезды и смены в лагерях. Внутри са-

---

¹¹ Свобода, равенство, любопытство: с чего начинался Турнир Ломоносова // Olimpiada.ru: [Электронный ресурс]. URL: <https://olimpiada.ru/article/702> (дата обращения 22.04.2022).

¹² Интервью с Ольгой Кравченко 22 апреля 2022 г. Интервьюер Рыбак В.М., видеозапись длит. 72 мин., цит. мин. 39.

мого учебного заведения возникали внеурочные практики, которые во многом выкристаллизовывали сообщество. Надежда Гуревич рассказывала о традиции литературных вторников в 239 школе, когда каждый вторник какой-то класс делал небольшое тематическое выступление и почти вся школа собиралась на это небольшое представление¹³. Политический дискурс в Советском Союзе влиял на все сферы жизни, в том числе и на образование. Если в интеллектуальном пространстве математической школы идеологемы еще можно игнорировать, то при взаимодействии с другими государственными институтами их приходилось придерживаться. Часто именно директор и завуч выступали проводниками политической повестки в школьный мир. Иногда общая подозрительность приводила к странным ситуациям Дмитрий Бураго рассказывал:

Я в 3 классе организовал тайное общество по установлению нового общественного строя. Я называл его тривиализм. Нас через пару дней застукали, а родителей вызвали в школу. Они вернулись все бледные как мел и долго со мной разговаривали, а потом этот разговор повторялся еще много раз. Все, что обсуждается в семье там и остается. Никому нельзя доверять¹⁴.

Остановимся на второй части темы – гендерном аспекте, а конкретно – особенностях пребывания женщин в пространстве, где преобладают мужчины. Основным источником были глубинные интервью с женщинами, которые в промежутке 1970–1990 гг. учились в математических школах. Всего источниковая база состоит из десяти интервью: пять проведено самостоятельно, а материалы других пяти переданы в пользование без какой-либо обработки до этого. Длительность интервью от часа до двух.

К сожалению, нет сводной статистики гендерного состава математических школьников, потому что сама сеть математического образования была достаточно широка: интернаты для одаренных детей, специализированные математические школы, вечерние школы, математические классы в обычных школах и передвижные матклассы. Общая статистика просто не велась. Однако в открытых источниках можно найти информацию со списками выпускников именитых математических школ. Например, вот такую статистику я составила по 57 школе в Москве¹⁵.

---

¹³ Интервью с Надеждой Гуревич 29 апреля 2022 г. Интервьюер Рыбак В.М., видеозапись длит. 78 мин., цит. мин. 50.

¹⁴ Интервью с Дмитрием и Анной Бураго 2017 г. Интервьюер Слава Герович, аудиозапись длит. 92 мин., цит. мин. 51.

¹⁵ Выпускники // Школа 57 [Электронный ресурс]. URL: <http://sch57.cintra.ru/people/alumni/> (дата обращения 22.04.2022).

Год	Общее число учеников	Количество девушек
1970	26	8
1971	35	3
1972	32	4
1973	22; 33	13; 7
1974	28	4
1975	35	10
1976	32	7
1977	34; 34	7; 10
1978	36, 39	6; 8
1979	37; 30	10, 7
1980	37	7
1981	30; 28	6; 6
1982	37; 37	13; 4
1983	31; 34	8; 8
1984	32; 33	6; 11
1985	34; 32	9; 9
1986	37; 38	8; 11
1987	31; 31	12; 8
1988	34; 35	8; 10
1989	29; 29; 29	10; 3; 7
1990	28; 30	3; 6

Таблица выше составлена мною самостоятельно на основе списков выпускников математических классов школы № 57 с 1970 по 1990 г. По данным видно, что девушки составляли примерно треть класса. В ходе интервью часто информантки называли такое же соотношение.

Существенную роль в выборе образовательного направления играли родители и другие родственники, Надежда Гуревич рассказывала:

На меня очень сильно повлиял мой брат. Он для меня был абсолютный авторитет и небожитель. Вся его компания друзей были матшкольники и я хотела понимать их разговоры, локальные шутки. Так что для выбор математической школы был очевиден¹⁶.

Все мои информантки выходцы из семей технической интеллигенции¹⁷. Этот фактор можно назвать повторяющимся у большинства матшкольников. Нельзя забывать и про то, что математические шко-

¹⁶ Интервью с Надеждой Гуревич 29 апреля 2022 г. Интервьюер Рыбак В.М., видеозапись длит. 78 мин., цит. мин. 7.

¹⁷ По материалам интервью.

лы считались хорошими по качеству образования, поэтому родители, которые особенно заботились об образовании своего ребенка, старались его направить именно туда. Данное утверждение совпадает со словами, сказанными Надеждой Гуревич, в ее классе было много детей, которые перешли в 239 школу после обучения в английских школах, которые также считались престижными¹⁸.

Своих информанток я спрашивала о том, какие книги повлияли на них и стали элементом их «математического детства». Екатерина Америк рассказывала:

До 57 школы сложно говорить о книгах, которые меня сформировали. Но моей настольной книгой лет в шесть-семь была книга Виктора Хинкиса «Жизнь и смерть Роджера Бэкона». Роджер Бэкон это один из протоученых, жил в тринадцатом веке, монах францисканец. Один из первых, кто начал ставить эксперименты в нашем сегодняшнем смысле этого слова. И меня абсолютно завораживала эта книга, я ее перечитывала, наверное, тридцать раз. Было понятно, что хочется заниматься наукой, а какой непонятно, а потом как-то сама втянулась в математику¹⁹.

Ольга Кравченко в интервью помимо журнала «Квант» упоминала, что покупала книги по логике: «Я сама активно покупала себе книги переводные по логике. Из отечественного Шмульян»²⁰. Все информантки упоминали, что читали классические книги Якова Исидоровича Перельмана «Занимательная физика», «Занимательная математика», «Занимательная астрономия» и его сборники задач. Правда, отношение к этим книгам было разным, например, Наталья Целевич говорила: «Почему-то классические перельмановские книги мне не нравились». Нельзя забывать еще про то, что далеко не все книги были легкодоступны, особенно – специализированная литература. Надежда Гуревич поделилась интересной историей: «Купить книгу по математике было целое дело. В Санкт-Петербурге был магазин старой технической книги и помню, как в разных шкафах люди смотрели и искали подходящую литературу. Была удивительная атмосфера единения и без слов было понятно, что здесь твои единомышленники. Запах этих старых книг у меня до сих пор ассоциируется с этим магазином. Одна книга была по стоимости как обед. Нужно было выбирать внимательно. Это для меня очень теплые воспоминания»²¹. Этот эпизод показывает нам сразу несколько интересных моментов. Во-первых,

---

¹⁸ Интервью с Надеждой Гуревич 29 апреля 2022 г. мин. 4.

¹⁹ Интервью с Екатериной Америк 20 апреля 2022 г.

²⁰ Интервью с Ольгой Кравченко 22 апреля 2022 г. Интервьюер Рыбак В.М., видеозапись длит. 72 минуты, цит. минута 12.

²¹ Интервью с Надеждой Гуревич 29 апреля 2022 г.

это дополняет наш ряд «математических» пространств, которые формировали сообщество и являлись зонами «внеаходимости». Во-вторых, перед нами реконструируется картина позднесоветской повседневности, которую мы, с одной стороны, понимаем, а с другой стороны, как представители другой эпохи – нет. Выбор книги, ее поиск в специализированных магазинах, отсутствие чего-то в хранилищах библиотек – все это показывает, что книга, перед тем как попасть в руки матшкольника, проходила целую цепочку операций.

Попытаемся ответить на вопрос, с какими трудностями сталкивались девушки на своем математическом пути. Все мои информантки – представительницы семей технической интеллигенции, поэтому их стремление заниматься наукой поддерживалось. Однако были случаи, когда девушек пытались направить по другому пути, потому что родитель пережил травмирующий момент в прошлом. Екатерина Маслова рассказала про свою маму:

Я не знала про 57 и 2 школу. Моя мама закончила МГТУ факультет ракетных двигателей, где она была одна из двух девочек. Она оберегала меня от математики. Параллельно с этим она выписывала мне «Квант», но надеялась, что я пойду во что-то гуманитарное, где девочки, а не во что-то инженерное²².

Можно предположить, что для матери Екатерины учеба в почти полностью мужском коллективе была испытанием. Также ее учеба выпала на период после отмены раздельного обучения в школах, но стереотипы никуда не исчезли. Это объясняет желание другой образовательной траектории для дочери. Екатерина все-таки поступила в 52 математическую школу и своей личной заинтересованностью смогла убедить маму и директора школы в правильности выбора²³.

Необычный для этой работы ракурс дает дневник школьницы из села Шестаково Кировской области, который она вела в конце 60-х годов. В записях описывается процесс поступления и обучения в заочной математической школе (далее – ЗМШ) при МГУ, а также участие в математической олимпиаде. Этот источник является единственным на данный момент текстом в открытой базе «Прожито», где есть ключевое слово ЗМШ. Это-документ дает нам информацию о нескольких важных темах: отношение семьи девочки к ее занятиям, фрагментарное представление о том, как работала ЗМШ, перспективу ответа на вопрос, вовлекались ли дети из нестоличных городов в математическое движение. По этой записи можно понять, что на школьницу ло-

---

²² Интервью с Екатериной Масловой 22 марта 2017 г. Интервьюер Слава Герович.

²³ Там же.

жилась серьезная дополнительная нагрузка, а ее семья очень переживала по этому поводу:

22 марта я не пошла в школу: переписывала начисто решения задач вступительной контрольной работы ЗМШ. Переписывала до двенадцати. Бабушка изо всех сил меня жалеет и охает. Потом я пошла в школу, показала тетрадь Марии Николаевне (учительнице математики. – *В.Р.*), а затем отправилась на почту, отправила тетрадь заказной бандеролью. Теперь можно свободно вздохнуть. Как гора с плеч свалилась. Дома все говорят, что я похудела и побледнела. Я и сама чувствую, как устала. А впереди еще областная олимпиада²⁴.

Есть заметка и про гендерный состав делегации ребят из нескольких сел:

Едут 10 человек, он одиннадцатый. 4 математика, 3 физика, 3 химика. Интересно, есть ли кроме меня девчонки? <...> Итак, девчонок – трое, остальные – парни. Третью зовут Галя, она из Вахрушевской школы²⁵.

Дневник наполнен описанием трудностей сельского быта:

Недавно пришло письмо из ЗМШ. За первое задание я получила отлично. Надо решать задачи, а у меня нет времени. Вот сейчас уже 12 часов, а я еле выкроила минутку для дневника. Вчера продали теленка, и сегодня стали «обмывать». Пили-пили, потом стали играть в карты. Шум, гам, содом! Голова трещит. А я сидела и учила уроки. Они про меня и забыли. Завели пластинки на полную громкость. Папа хвастался моими успехами в учебе и математике. Когда они утомонились, я решила 3 задачи. А еще сколько!²⁶

Из записей девушки мы узнаем, что задание на месяц состояло из пятнадцати задач, задания ЗМШ присылала примерно раз в месяц, был четкий дедлайн, после которого задачи уже нельзя было отослать. По итогам обучения в случае выполнения всех заданий выдавался диплом об окончании ЗМШ, но он не давал преимуществ при поступлении в университет. В цитируемом источнике поднимается вопрос сложности поступления в университет для человека из провинции. Сама автор очень хочет поступить, но думает, что у нее не получится. Знакомые, видя ее способности, убеждают ее попробовать:

---

²⁴ Прожито: [сайт]. URL: <https://prozhito.org/notes?diaryTypes=1&diaryTypes=2&keywords=%5B%22ЗМШ%22%5D> (дата обращения 22.04.2022).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. 20 января 1967 г.

И она откуда-то знает, что я учусь в ЗМШ. Просто удивительно. И она никак не сказала, откуда она это знает. Она мне говорит, что мне прямо надо поступать в университет. Спрашивала, куда я поступать хочу²⁷.

Как ощущали себя девушки внутри пространства, где мужчин было большинство? С какими трудностями сталкивались в школе и на начальных этапах своего пути? Эти вопросы я задала информанткам. Изначально моя гипотеза заключалась в том, что определенный дискомфорт девушки ощущали, но были математически подкованы, поэтому в дальнейшем добились успехов. После бесед с информантками выяснилось, что многие не задумывались на эту тему, потому что в их коллективе были очень яркие девочки-математики, а это помогало избавиться от ощущения своей инаковости по сравнению с мальчиками. Надежда Гуревич рассказывала:

У нас было 8 девочек на 39 человек в общем. Девочек было не критично мало, чтобы это особенно ощущалось. Никакого особенного отношения не было. У нас были очень сильные девочки, в параллельном классе, который был больше нацелен на дальнейшее профессиональное занятие математикой, я бы сказала, что девчонки были самые сильные ученицы среди всех. Это было бы глупо даже глупо, если бы кто-то позволил себе высказывания странные²⁸.

Екатерина Америк говорила:

В 57 школе никаких проблем не было. Ну в моем классе точно, а за другие отвечать сложнее. Существовали, конечно, предубеждения, которые иногда проскакивали наружу. Учителя между собой и, когда говорили про сильных учеников, обычно выделяли отдельно самых-самых среди мальчиков и среди девочек²⁹.

Из этой фразы можно узнать, что даже внутри благополучной среды 57 школы были учителя с подсознательными установками, что девушки слабее в математике, поэтому для поощрения их стоит составить отдельный рейтинг. Это убеждение появилось в учителях 57 школы не само по себе, а под влиянием социальной политики государства и общественного мнения, часто основанного на консервативных представлениях о роли мужчины и женщины. Другими словами,

---

²⁷ Там же. 10 февраля 1967 год.

²⁸ Интервью с Надеждой Гуревич 29 апреля 2022 г. Интервьюер Рыбак В.М., видеозапись длит. 78 минут, цит. мин. 10.

²⁹ Интервью с Екатериной Америк 20 апреля 2022 г. Интервьюер Рыбак В.М., видеозапись длит. 55 мин., цит. минута 19.

государству и его социальным институтам удалось на нерелексивуем уровне поддержать образ женщины как неравной соперницы мужчины.

Разговор с Ольгой Кравченко дал нам новый взгляд на проблему отношения к женщине в советском обществе в целом. Мы вышли на пласт влияния семьи и установок, которые родители сознательно или автоматически транслируют своим детям. Мать Ольги, доктор химических наук, сама прошла нелегкий путь к карьерному успеху, но так и не смогла воспринять себя и других женщин как равных мужчинам в занятии наукой:

Моя мама научный работник и в воздухе витало, что мужчина лучше женщины по определению. У нее была такая фраза: «У нее отличная докторская диссертация. Совершенно мужского уровня». Я только позже осознала, что это сильно давит на мозги и ты по определению должен стремиться к этому мужскому уровню. При том, что я вижу нынешнее поколение 30-летних. Им гораздо легче, наверное. Хотя я вижу, что во Франции по-прежнему мало женщин профессоров, хотя коллеги женщины часто работают лучше мужчин³⁰.

Очевидно, что свою фразу мать Ольги придумала не сама, а сформировала такое убеждение под влиянием внешней среды, где женщины в науке меньше, а их активность внимательнее изучается, а их самых часто воспринимают как «других». Ольга только недавно начала рефлексировать на тему сложностей, которые были у нее на пути:

Конечно, ощущала (то, что находилась в мужском коллективе. – В. Р.). Но у нас в классе было несколько очень сильных девочек. Я себя оцениваю, что была третья. Мои одноклассницы не стали математиками, потому что их не взяли на мехмат, а так головы светлейшие. Я всю жизнь лет до 10 играла с мальчиками в футбол и даже думала, что хочу стать мальчиком. В какой-то момент называла себя Колей, а не Олей. Потом это все прошло. Я все время была в соревновании с мальчишками. Но при этом я только сейчас начинаю осознавать, что мне всегда мешало, то, что я женщина³¹.

Ситуацию в своем классе Ольга скорее воспринимала как благополучную и рассказала даже о том, какие есть преимущества, когда тебя недооценивают:

---

³⁰ Интервью с Ольгой Кравченко 22 апреля 2022 года. Интервьюер Рыбак В.М., видеозапись длит. 72 мин., цит. мин. 47.

³¹ Там же.

Нет, не вообще не было, но не в моем классе (недооценивание и сложности в 57 школе из-за гендера. – В. Р.). Например, со стороны Давидовича. Когда я была студенткой, то я вместе с друзьями, которые учились у него, приходила принимать задачи. Я очень быстро перестала, потому что это было неприятно. <...> Я играла в шахматы и в пионерском лагере, например, быстро выигрываешь, пока люди не разберутся, что ты хорошо играешь. Просто, потому что ты девочка³².

Таким образом, мы проанализировали неотъемлемые составляющие жизни матшкольников. Многие информантки подчеркивали, что для них школа и иные математические институции были пространством творческой свободы и общения с единомышленниками³³. В них не было запретных тем, но политика считалась неинтересным объектом обсуждения, поэтому ребята будто бы выпадали из социальной и политической повседневности. Я думаю, что можно характеризовать эти места как пространства «внеаходимости». Принцип внеаходимости состоял, по объяснению А. Юрчака, в том, что «советский субъект» в период позднего социализма мог находиться одновременно внутри и вне дискурсивного поля системы [Юрчак 2014, с. 556]. Еще со школьной скамьи начинал работать механизм моральной экономии внутри математического сообщества, этому способствовали неформальные пространства, где возникали обширные сети знакомств. Девушки в этом математическом сообществе были чуть более рациональны, потому что даже в комфортной среде им приходилось постоянно подтверждать свой статус. Во многом развитию характера в матшколах способствовал выбор, который им приходилось делать: пользоваться своей феминностью (выше был описан пример с недооцениванием) или подстраиваться под паттерны большинства в окружающем их коллективе. Истории, рассмотренные мною в этом исследовании, можно назвать счастливыми, потому что на уровне школьного образования личное столкновение с сексизмом у информанток было минимальное, хотя общественные настроения в позднесоветском обществе можно назвать патриархальными. Советская правящая верхушка давала заказ культурной сфере на создание образа социалистической «новой маскулинности» и «новой феминности», во многом опираясь на достижения советского проекта в научно-технической сфере [Лебина 2018, с. 55].

---

³² Интервью с Ольгой Кравченко 22 апреля 2022 года...

³³ По материалам интервью.

Литература

- Герович 2020 – *Герович В.* «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // *Логос*. 2020. № 2 (135). С. 93–127 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/matematicheskiy-ray-parallelnaya-sotsialnaya-infrastruktura-poslevoennoy-sovetskoj-matematiki> (дата обращения 28.08.2022).
- Гессен 2011 – *Гессен М.* Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия. Москва: Corpus, 2011. 272 с.
- Димке 2018 – *Димке Д.В.* Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2018. 255 с.
- Иванова 2018 – *Иванова Г.М.* Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Фонд «Московское время», 2018. 432 с.
- Кукулин, Майофис, Сафронов 2015 – Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / Ред. и сост. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
- Лебина 2018 – *Лебина Н.Б.* Мужчина и женщина: Тело, мода, культура, СССР – оттепель. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 208 с.
- Пушкарева 2012 – *Пушкарева Н.Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 5 (117). С. 8–23.
- Юрчак 2014 – *Юрчак А.В.* Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
- Sylvester 2011 – *Sylvester R.P.* She Orbits over the Sex Barrier: Soviet Girls and the Tereshkova Moment // *Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture* / Ed. by J.T. Andrews, Asif A. Siddiqi. University of Pittsburgh Press, 2011. P. 195–212.

Кафедра

УДК 001.32+378.4
ББК 72.471.5

Е.А. Долгова

Базы данных по истории и социологии советского научного сообщества: опыт применения в учебном процессе РГГУ

В методической статье характеризуется практика создания и последующего использования в методическом обеспечении изучаемых в РГГУ учебных дисциплин баз данных по истории и социологии советского научного сообщества: 1) базы данных «Женщины – исследовательницы Москвы и Ленинграда, 1920-е годы»; 2) базы данных «Бюджетное обследование научных работников СССР. 1925 г.»; 3) базы данных «Аннотированный каталог советских художественных кинофильмов о науке и ученых за 1918–1980-е гг.». В настоящее время их содержание внедрено в программы дисциплин, читаемых на разных уровнях обучения – в рамках курсов бакалавриата и магистратуры (Исторический факультет), программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре по научной специальности 5.6.6. «История науки и техники».

Ключевые слова: социальная история науки, советское научное сообщество, база данных, результат интеллектуальной деятельности, профессиональные компетенции студентов-историков, аспирантура

В 2022 г. Российским государственным гуманитарным университетом были получены три свидетельства о регистрации результатов интеллектуальной деятельности – баз данных по истории и социологии советского научного сообщества под названиями: 1) «Женщины – исследовательницы Москвы и Ленинграда, 1920-е годы»¹; 2) «Бюджет-

---

© Долгова Е.А., 2022

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, № 20-78-10095. Благодарю ведущего аналитика Управления по научной работе РГГУ Викторию Викторовну Богданову, оказавшую неоценимую помощь в процессе регистрации РИД.

¹ Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. База данных «Женщины-исследовательницы Москвы и Ленинграда, 1920-е годы». Номер свидетельства о государственной регистрации базы данных 2022620868, дата регистрации 18 мая 2022 г.

ное обследование научных работников СССР. 1925 г.»² и 3) «Аннотированный каталог советских художественных кинофильмов о науке и ученых за 1918–1980-е гг.»³. Указанные базы данных были подготовлены в рамках работы над проектом «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)», реализуемого в Российском государственном гуманитарном университете в 2020–2023 гг. при поддержке Российского научного фонда, № 20-78-10095. Получение свидетельств о регистрации результатов интеллектуальной деятельности финализовало длительную работу участников проекта по нескольким исследовательским векторам и одновременно поставило вопрос о практическом использовании баз данных в учебно-педагогическом процессе РГГУ. В настоящее время их содержимое внедрено в ряд образовательных курсов, читаемых на разных уровнях образования – в рамках курсов бакалавриата и магистратуры (Исторический факультет), в рамках обучения на специальности 5.6.6. «История науки и техники» в аспирантуре РГГУ.

В основе базы данных «Женщины – исследовательницы Москвы и Ленинграда, 1920-е годы» (авторы Е.А. Долгова, Е.А. Стрельцова) лежит статистический анализ сведений о составе женщин, работавших в сфере науки в 1920-х гг. В качестве документального источника были использованы депонированные в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) списки сотрудников Москвы и Ленинграда, состоявших в Секции научных работников и зарегистрированных в Центральной комиссии по улучшению быта ученых (далее ЦеКУБУ) 1926–1930 гг.; данные синхронных справочников. Агрегированные результаты историко-статистического обследования были представлены авторами ранее [Долгова, Стрельцова 2019], зарегистрированная же база данных является важным справочным реестром сведений о женщинах – научных работниках и преподавательницах вузов, работавших в Москве и Ленинграде в конце 1920-х гг. Эмпирически она основана на архивных данных – перечне женщин – научных работников и преподавательниц высшей школы, документальной информации об их социально-демографических характеристиках и статусе в науке и высшем образовании.

---

² Мазур Л.Н., Долгова Е.А. База данных «Бюджетное обследование научных работников СССР. 1925». Номер свидетельства о государственной регистрации базы данных 2022620352, дата регистрации 28 февраля 2022 г.

³ Долгова Е.А., Слискова В.В. База данных «Аннотированный каталог советских художественных кинофильмов о науке и ученых за 1918–1980-е гг.». Номер свидетельства о государственной регистрации базы данных 2022620862, дата регистрации 18 мая 2022 г.

Структура базы данных содержит сведения, отраженные в наборе полей: 1) идентификационные поля (номер по порядку); 2) персональные данные (фамилия, имя, отчество); 3) область науки (согласно рубрикатору и группировке протокольных записей ЦеКУБУ); 4) год упоминания персоналии в документе – протоколе ЦеКУБУ; 5) архивный адрес (шифр документа); 6) год рождения (устанавливался по синхронным справочникам «Научные работники Москвы» и «Научные работники Ленинграда»); 7) возраст на момент упоминания в протоколе ЦеКУБУ (вычислялся «год фиксации в документе – установленный год рождения»); 8) место рождения (устанавливалось по справочникам «Научные работники Москвы» и «Научные работники Ленинграда»; приводится в соответствии с оригиналом); 9) основное и дополнительное места работы (устанавливались по справочникам «Научные работники Москвы» и «Научные работники Ленинграда»); 10) должность: основная и по совместительству (устанавливались по справочникам «Научные работники Москвы» и «Научные работники Ленинграда»); 11) научные труды (отмечалось наличие в формате: ДА или НЕТ; устанавливалось по справочникам «Научные работники Москвы» и «Научные работники Ленинграда», итогом работы с каталогами Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки); 12) образование (среднее, среднее специальное, неполное высшее, высшее (полное), неизв., отдельно указывался статус «аспирант»); 13) научная степень (нет, кандидат наук, доктор наук, неизв.); 14) ученое звание (нет, доцент, профессор, неизв.). База данных имеет дополнительную графу «Примечание», в которой размещались комментарии оператора.

Всего база данных содержит информацию о тринадцати признаках 2461 персоналии (из них 1291 – Москва, 1170 – Ленинград). Таблица 1 (Москва) включает персональную 1291 запись, 13 полей; Таблица 2 (Ленинград) – 1170 персональных записей, 13 полей. База данных реализована в виде 2 плоских таблиц в формате MS EXCEL 2007-365 (XLSX) с формулами, без логических элементов, ссылок и сводных таблиц в табличном процессоре. Интерфейс базы данных реализован посредством программы просмотрщика таблиц и позволяет производить как непосредственное знакомство и работу со всей базой данных, представляя файл как таблицу в области просмотра, так и производить сортировку строк, строить выборки конкретных объектов или групп. Например, данные могут быть обработаны с применением статистического пакета SPSS – посредством инструментов дескриптивной статистики и корреляционного анализа.

Представленная в БД информация позволяет изучить не только социально-демографические характеристики советского научного сообщества Москвы и Ленинграда на конец 1920-х, но и охарактеризовать

удельный вес различных групп в составе женщин – научных работников и преподавательниц вузов, описать их основные характеристики, выявить факторы, которые могли оказывать воздействие на прохождение ступеней академической карьеры. В этой связи важно привлечение БД в качестве учебного материала в курсах «Социология научного сообщества» (магистратура «Историческая экспертиза: современные подходы и методы» исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета). В рамках практикума учащимся демонстрируются процессы расширения научного сообщества в XX в., особенности вхождения в профессию пула женщин-исследовательниц, их квалификационный рост на протяжении постреволюционных десятилетий. База данных востребована и в рамках курса «История науки и техники» – обязательной дисциплины программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре по научной специальности 5.6.6., элементы ее содержания демонстрируются в тематическом разделе «Трансформация роли и социальной функции ученого в новейшее время. Феномен “большой науки”».

База данных «Бюджетное обследование научных работников (1925)» (авторы – Л.Н. Мазур, Е.А. Долгова) может быть использована в качестве информационного ресурса для изучения демографических, экономических, социальных проблем истории советской науки 1920-х гг. В основе базы данных лежат сведения бюджетного обследования научных работников СССР. Целью бюджетного обследования было изучение вопросов материального благосостояния научных работников, в том числе доходов, расходов, потребления. Конкретное бюджетное обследование научных работников СССР было проведено в мае 1925 г. Центральным бюро секции научных работников, совместно с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов и Народным комиссариатом труда по типовой программе обследований рабочих и служащих. Всего были собраны сведения о 268 домохозяйствах из 15 городов – Ленинграда и Москвы, Харькова, Киева, Минска, Одессы, Ташкента, Казани, Перми, Воронежа, Новочеркаска, Ростова, Томска, Симферополя, Краснодара. В выборку вошли семьи научных работников, по основному месту работы занятых в вузах и научных учреждениях.

Основой для проектирования базы данных послужили первичные материалы бюджетного обследования. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в ф. Р-5462 (Центральные комитеты профессиональных союзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений) сохранились комплекты первичных документов общим объемом свыше 4 тыс. архивных листов по 221 хозяйству, что составило 82,5% от общего количества хозяйств, принявших участие в обследовании. Структура базы данных содержит сведения, отраженные в наборе полей: 1) идентификационные поля (номер

по порядку; номер бюджета; город); 2) о главе семьи (пол, основное и дополнительное место работы, стаж, профессия, образование, учебное заведение, национальность, семейное положение, возраст); 3) о семье (число членов семьи, тип семьи по Леслетту; демографический тип семьи, число несовершеннолетних детей; число иждивенцев; наличие прислуги); 4) о хозяйстве (полевое или огородное); 5) источники формирования бюджета (всего получено из основного источника дохода, тарифный разряд, прочие источники, натуральные поступления); 6) условия проживания (род домовладения, вид помещения, характеристика жилья (индивидуальное/коммунальное/общежитие), число комнат, жилая площадь, площадь на одного члена семьи, отопление, плита, водопровод, канализация, ванная, освещение, стоимость помещения, единовременные расходы на помещение, расходы на топливо); 7) баланс бюджета (поступления в течение месяца; израсходовано за месяц); 8) доход семьи (доход всего; зарплата по основному месту работы; зарплата по второстепенному занятию; прочие доходы главы семьи; социальные пособия; доходы других членов семьи; прочие виды дохода; прочие поступления; не выясненный доход); 9) расходы семьи (расходы всего; расходы на помещение; расходы на питание; на одежду; на культурно-просветительные нужды; общественно-политические расходы; прочие расходы; невыясненные расходы; натуральные поступления; расход натуральных продуктов); 10) архивный адрес. Большинство полей имеет дополнительную графу «Примечание», в которой размещались комментарии оператора.

Всего база данных содержит информацию о 93 признаках 221 объекта (семей). Она реализована в виде плоской таблицы в формате MS EXCEL 2007-365 (XLSX) без формул, логических элементов, ссылок и сводных таблиц в табличном процессоре. Представленная в БД информация позволяет изучить не только социально-демографические характеристики жизни научного работника (описание жизненного цикла семьи научного работника, эволюции семейно-брачных отношений), но и условия жизни, бюджет рабочего времени, хозяйство и проблемы материального благосостояния. Исследовательский потенциал базы данных демонстрируется учащимся в рамках курса «Методология и методы исследования истории науки и техники» – дисциплины по выбору программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре по научной специальности 5.6.6. «История науки и техники». Отдельные элементы интерфейса базы данных применимы в рамках курса «Междисциплинарные подходы в исторической науке» (магистратура «Историческая экспертиза: современные подходы и методы» исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета), тема «Историко-статистические методы в истории науки».

Указанная база данных была презентована в научном сообще-

стве – в рамках Школы молодых ученых по истории науки «Один день из жизни ученого: повседневность, коммуникации, смыслы» (3 апреля 2021, мастер-класс Л.Н. Мазур «Как жили советские ученые в 1920-е гг.? Информационный потенциал и методика работы с бюджетными материалами», 2 апреля 2022 г., открытая лекция Л.Н. Мазур, Е.А. Долговой «Бюджетное обследование научных работников СССР (1925 г.): от быта к структурам повседневности»), XLIII Международной научной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Академия наук и научные центры союзных республик (к 100-летию образования СССР)», доклад Л.Н. Мазур и Е.А. Долговой «Бюджетное обследование научных работников СССР (1925): от источника к базе данных». Опубликованы и отдельные исследования, посвященные информационному анализу источника – материалам бюджетного обследования 1925 г. [Мазур 2019].

База данных «Аннотированный каталог советских художественных кинофильмов о науке и ученых за 1918–1980-е гг.» (авторы – Е.А. Долгова, В.В. Слискова) представляет собой справочный аннотированный каталог советских игровых художественных кинофильмов 1918–1980-х гг., главным или второстепенным персонажем которых являлись ученые: научные работники, преподаватели вузов, аспиранты, исследователи-любители. Хронологический охват каталога обеспечивает полноту содержащихся в нем сведений о репрезентации образа советского ученого и научной повседневности в популярном пространстве 1920–1980-х гг. с точки зрения социально-политического запроса к профессии и отклика на него массовой культуры.

Авторами базы данных на основе неопубликованных документов из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД), Государственный фонд кинофильмов РФ «Белые столбы»), анализа синхронных и современных каталогов советских художественных фильмов, кинопериодики и последующего просмотра выявленных кинолент (при условии их сохранности, метод структурированного наблюдения) были выявлены 312 фильмов, сведения о которых (название, год выхода, афиша, выходные данные: киностудия, режиссер, автор сценария; жанр; характеристика персонажа-ученого, наличие рецензий и откликов в прессе, награды и премии) были загружены в разработочную excel-таблицу (подготовленную в том числе для статистической обработки). Визуальным решением, имеющим научно-популярное значение, стало размещение подготовленного аннотированного указателя художественных кинофильмов о советских ученых за 1918–1980-е гг. на web-странице сайта Российского государственного гуманитарного университета и струк-

турирование его содержания на основе признаков (фильтров), тематически объединивших ключевые слова (теги)⁴. Презентация web-ресурса состоялась в рамках Школы молодых ученых по истории науки «Один день из жизни ученого: повседневность, коммуникации, смыслы» (2 апреля 2022 г., доклад В.В. Слисковой «Аннотированный каталог советских художественных кинофильмов о науке и ученых за 1918–1980-е гг.» в рамках секции «Наука для всех: как конструировался образ науки, как менялось отношение к ученому и научному знанию в XX в.?»).

База данных, доступная в виде web-страницы, может быть широко использована в качестве информационного ресурса для изучения различных сюжетов истории советского научного сообщества 1920–1980-х гг., взаимодействия науки и общества, науки и государства на исторических этапах их взаимодействия. База данных успешно используется в учебных курсах «Социология научного сообщества» (магистратура «Историческая экспертиза: современные подходы и методы» исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета); в рамках курса «Методология и методы исследования истории науки и техники» и «История науки и техники» – дисциплин программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре по научной специальности 5.6.6. «История науки и техники».

Материально-техническое обеспечение занятий с использованием демонстрационных возможностей баз данных предполагает наличие электронного демонстрационного оборудования: а именно – проектор, интерактивная доска, компьютер с доступом к сети «Интернет» и имеющей следующий перечень ПО: Adobe Master Collection CS4 (производитель: Adobe); Microsoft Office 2010 (производитель: Microsoft); Windows 7 Pro (производитель: Microsoft); Microsoft Share Point 2010 (производитель: Microsoft); Microsoft Office 2013 (производитель: Microsoft); Windows 10 Pro (производитель: Microsoft); Kaspersky Endpoint Security (производитель: Kaspersky).

Анализ практики создания баз данных и их последующего использования в методическом обеспечении изучаемых в РГГУ учебных дисциплин по истории и социологии науки позволяет судить о потенциальных возможностях формирования профессиональных компетенций студентов-историков. В их числе – способность использовать в познавательной и профессиональной деятельности базовых знаний в области основ информатики и элементы математического знания, способность к применению в исследовательской практике современного программного обеспечения (с учетом потребности соответ-

---

⁴ URL: Аннотированный каталог советских художественных кинофильмов о науке и ученых за 1918–1970-е гг. (rsuh.ru) (дата обращения 25.09.2022).

ствующей области знания); способности привлекать в исторических исследованиях тематические сетевые ресурсы, базы данных, информационно-поисковые системы. На этапе обучения в аспирантуре у соискателей формируются способности к применению современных информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе, закрепляемые впоследствии в рамках педагогической практики. Тот факт, что базы данных, используемые в учебном процессе, были созданы в рамках длительной и кропотливой работы конкретной исследовательской лаборатории, позволяет сформировать у учащихся представление о специфике коллективной работы по реализации научно-исследовательского проекта. Существенно расширили бы демонстрационные возможности технологий баз данных привлечение к их созданию самих обучающихся в форме практикумов и лабораторных (в том числе выездных) занятий.

Литература

- Долгова, Стрельцова 2019 – Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: Положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97–107. DOI: 10.31857/S013216250004014-8.
- Мазур 2021 – Мазур Л.Н. Как жили ученые в СССР в 1920-е годы? Из истории бюджетных обследований // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Междунар. научно-практич. конф. Витебск, 23–24 апреля 2021 г. / Отв. ред. А.Н. Дулов. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. С. 292–294.

Abstracts

Baklanov Daniil A.

Scholarly and expert-analytical activity
of Richard Pipes (1970–1980):
history in the service of ideology

The article is dedicated to the scholarly activities of well-known American historian Richard Pipes in 1970–1980. The author conducts a comprehensive analysis of his works, considering the socio-political context and biography of Pipes during this period. Here is revealing of main features of coherent concept of Russian history first formulated in 1974. The assessment of scholar's expert-analytical work in USA state structures is given. Particular attention is paid to historian's work in "Team B" in 1976, which made a significant impact on politics of President Ronald Raegan administration. The author comes to the conclusion about the crucial importance of this period for intellectual biography of Richard Pipes.

Keywords: Richard Pipes, Intellectual history, American Russian studies, Sovietology, «Team B»

Dolgova Evgeniya A.

Databases on the history and sociology
of the Soviet scientific community:
its use in the educational process of RSUH

The article describes the practice of creating and use of databases on the history and sociology of the Soviet scientific community in the educational programs: 1) Database "Women researchers of Moscow and Leningrad, 1920s"; 2) Database "Budget of scientists of the USSR. 1925"; 3) Database "Annotated catalog of Soviet feature films about science and scientists for the 1918-1980-ies.". Its content has been introduced into the courses taught at different levels of education – bachelor and master programs (Faculty of History), postgraduate program "History of Science and Technology".

Keywords: social history of science, Soviet scientific community, database, result of intellectual activity, professional skills of students-historians, postgraduate studies

Evplov Vyacheslav D.

“About Evgeniya Moiseevna Talman
i can’t help but say a lot...”: E.M. Talman’s contribution
to the development of the archaeography

The article is devoted to the scientific activity by Evgeniya Moiseevna Talman (Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Archival Affairs and Archaeography at the Institute for History and Archives from 1947 to 1969). Scientist’s views on various issues of the history of archaeography and methods of documentary publications are studied. Her scientific works, among which there is one unpublished, are analyzed in detail. The study and analysis of these works contributes to the understanding of E.M. Talman’s role in the development of domestic archaeography and is a contribution to the study of the history of the Department of Archaeography of the Institute for History and Archives.

Keywords: Talman, Institute for History and Archives, archaeography, publication, “legenda”, Valk, Pokrovskiy

Kholmatov Temurmaliq K.

Collective projects of historical atlas
of the Soviet Union in the late 1930s – early 1940s

One of the actual issues in historiographical researches is to study both academic and social directions of historical writing. In the Soviet era, one way of knowledge dissemination of socially-oriented historical knowledge was related to creation of collective works. From this point of view, such closely related collective projects as “Historical atlas of the USSR” and “Materials for the historical atlas of the USSR” (in the late 1930s – early 1940s at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences) draw attention. The article analyzes issues about the period and circumstances of creating these projects and based on documentation materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS). As a perspective for further study, it is noted the need for a detailed content research of “Historical atlas of the USSR” and “Materials for the historical atlas of the USSR”, as well as similar projects (with both educational and academic goals) in other periods.

Keywords: historical geography, historical cartography, historical atlas, Soviet historical science, historiography, collective research, Institute of History of the USSR Academy of Sciences

Koroleva Anastasiya A.

“Mademoiselle-Professor”: the Kazan period
of Militsa V. Nechkina’s life

The article reconstructs the stage of the biography of the Soviet academician, historian Militsa V. Nechkina. The chronological framework coincides with the “Kazan” period of Nechkina’s life, reflected mainly in personal documents: her diaries and letters. The article is part of the study of historian’s scientific biography. The author characterizes the legal restrictions of women’s entry into scientific activity before 1917, legal and institutional changes of the first post-revolutionary years. Nechkina successfully coped with all the challenges, demonstrating a whole set of qualities necessary for a woman who chose the path of a scientist at that time. Among them were a high level of ambition, determination, self-confidence, hard work and perseverance.

Keywords: “Kazan period”, M.V. Nechkina, women’s education, woman in science, Soviet historical science

Nerush Varvara O.

“I would be a hunting expert as long as you teach me!”:
academic performance and employment of students
of the Institute of the Peoples of the North in the 1930s

The article is devoted to assessing the role of the Leningrad Institute of the Peoples of the North in the training of specialists for work in the North in the 1930s. This educational institution was unique for its period as it was engaged in the formation of personnel from among the indigenous peoples of the North precisely. The issue is considered through an of the academic progress of its students, their demand on the labor exchange and the success of employment after graduation or ahead of schedule assessment. The development of the institute took place in two stages: within the framework of the Northern rabfacs of Leningrad universities and as an independent educational institution. With the change of these stages, a revision of the position of the institute’s leadership regarding the priorities in training personnel for the North can be traced. Instead of forming a theoretical base for students in the main program, the institute is gradually focusing on the practical preparation of students for work in the field within the framework of courses specific to organizations and regions of the North. The author concludes that, as it developed, the institute became more and more focused on the practical problems of the North organizations and played an important role in the training of not only teachers, cooperative

and party workers, but also the first representatives of the intelligentsia of the peoples of the North.

Keywords: the Institute of the Peoples of the North, the Northern rabfac, indigenous small-numbered peoples of the North, education, employment, Leningrad

Rybak Valeriya M.

Gender and everyday life in mathematical schools
of the late Soviet Union

The article is devoted to the analysis of everyday life in mathematical schools of the late USSR, formal and informal spaces of the community of mathematics students. Particular attention is paid to the girls within this community, their difficulties and the educational and working everyday life. Mathematical schools are considered as a unique late-Soviet phenomenon that can be conceptualized with the help of A. Yurchak's concept of "outsideness".

Keywords: Mathematical school, late Soviet Union, gender, everyday life, technical intelligentsia

Shevyakova Kseniya S.

History of oil exploration and oil production
in the second half of the 1940s:
the struggle for oil markets in Venezuela

The paper is based on a wide range of documentation from the State Archive of the Russian Federation (GARF) and Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). The article examines an ambiguous period in the history of oil exploration and production in the second half of the 1940s. It was at this time that the topic of oil was actualized in the foreign policy of the Soviet Union, which was associated with the growing rivalry between the USSR and the United States against the backdrop of the beginning of the Cold War. The Soviet government believed that leading positions in the oil and gas industry could provide chances for victory, so one of the important tasks of the USSR foreign policy was to study the experience of large oil-producing countries, especially attractive in this regard was the Latin American region and, in particular, Venezuela, dominated by American and British oil companies. Particular emphasis is placed on the research of Foma A. Trebin, an oil scientist who briefly served as Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR to Venezuela.

Keywords: Trebin, oil exploration, oil production, world oil markets, USSR, Venezuela, England, USA

Sliskova Valeriya V.

“In the name of Christ and for the progress of medicine”:
letters to the Institute of Experimental Biology (1920s)

The article aims to introduce into scientific use the letters written by soviet citizens to the Institute of Experimental Biology (IEB) in the 1920s. The published documents are stored in the fund of institute’s director Nikolay K. Koltsov in the Archive of Russian Academy of Sciences (ARAS). The letters illustrate society’s response to the popularization of the idea of rejuvenation in the 1920s. Its main platforms were periodicals such as *Evening Moscow*, *Izvestiia*, *Ogoniok*, where information about experimental researches was published. Readers could learn successful stories of scientists, doctors, and their patients who had been rejuvenated. Despite warnings about possible harm of the rejuvenation procedure, its popularity was increasing. After people had read articles in newspapers or magazines, they wrote letters to the IEB in the hope of being rejuvenated by soviet surgeons. The analysis of the documents allows to determine the motivation of the IEB’s potential patients, their understanding of the procedure and its results in relation to their gender, age, profession, and geographical location.

Keywords: rejuvenation, biomedicine, popularization, periodicals, Institute of Experimental Biology, S. Voronoff, N. Koltsov

Slivenko Anastasiya V.

House-commune: social projects of Soviet architects

Within the framework of the study, based on periodicals and legislative acts, the housing policy of the USSR of the 1920s is considered. Attention is focused on the new conditions and the appearance of commune houses for Soviet citizens. In addition, the attempts of architects who used theoretical concepts and architectural design are traced to promote the implementation of a new social project in which Soviet housing became an accumulative source of new socio-social life. The presented projects testified to the existence of variable approaches and methods of architectural design.

Keywords: architecture of the 20th century, Soviet architecture, urban planning projects, constructivism, commune houses

Сведения об авторах

Бакланов Даниил Антонович, студент бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет; bdaniil.01@mail.ru

Долгова Евгения Андреевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Центр междисциплинарных гуманитарных исследований исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета; medievalis@list.ru

Евплов Вячеслав Дмитриевич, студент бакалавриата, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; poligrafkazachenko@mail.ru

Королева Анастасия Алексеевна, студентка магистратуры, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; anastasi-nn@yandex.ru

Неруш Варвара Олеговна, студентка магистратуры, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; var990716@mail.ru

Рыбак Валерия Максимовна, студент бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», vmrybak@edu.hse.ru

Сливенко Анастасия Валерьевна, студентка магистратуры, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; ananas199@lenta.ru

Слискова Валерия Викторовна, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет; vvaleriesss@gmail.com

Холматов Темурмалик Комилджонович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; timur.kholmatofff@yandex.ru.

Шевякова Ксения Сергеевна, студентка магистратуры исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета; ksenia.sheviakova99@gmail.com

Data about the authors

Baklanov Daniil A., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; bdaniil.01@mail.ru

Dolgova Evgeniya A., Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities; medievalis@list.ru

Evplov Vyacheslav D., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; poligrafkazachenko@mail.ru

Kholmatov Temurmaliq K., postgraduate student, National Research University “Higher School of Economics”, research assistant, Poletaev Institute for Theoretical Historical Studies in the Humanities (IGITI); timur.kholmatoff@yandex.ru.

Koroleva Anastasiya A., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; anastasi-nn@yandex.ru

Nerush Varvara O., student, Lomonosov Moscow State University; var990716@mail.ru

Rybak Valeriya M., student, National Research University “Higher School of Economics”; vmrybak@edu.hse.ru

Shevyakova Kseniya S., student, Russian State University for the Humanities; ksenia.sheviakova99@gmail.com

Sliskova Valeriya V., postgraduate student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; vvaleriesss@gmail.com

Slivenko Anastasiya V., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; ananas199@lenta.ru

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 6,7.
Заказ № 1634

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6